

18+

ДОМОУ! Мазгарату

Рассказы и очерки
мазгаратушцев

Леонид Куликовский

**Домой! Магдагачи. Рассказы
и очерки магдагачинцев**

«Издательские решения»

Куликовский Л.

Домой! Магдагачи. Рассказы и очерки магдагачинцев /
Л. Куликовский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-671680-3

Дом! Понятие не плоское, объёмное, в нём как в капле воды, содержится целый мир, оно иллюстрирует и позиционирует нас к месту, где родились, наше отношение к друзьям, родственникам, малой родине, Отцу, Матери...

ISBN 978-5-00-671680-3

© Куликовский Л.
© Издательские решения

Содержание

СЛОВО ОБ АЛЬМАНАХЕ	8
Сергей Борисов	9
ТРОПОЮ ОХОТНИКА	9
СМЕРЧИНСКИЙ ЛЕОНИД СЕМЁНОВИЧ	12
МАГДАГАЧИ – ПЕРВЫЕ ШАГИ В БУДУЩЕЕ	17
МАГДАГАЧИ 1918 года ГЛАЗАМИ «ОЧЕВИДЦА»	20
ТОЛБУЗИНСКАЯ ДОРОГА и МАГДАГАЧИНСКИЙ ЛАГЕРЬ АРЕСТАНТОВ	22
ОТ ИЗБЫ-ЧИТАЛЬНИ до ДОМА КУЛЬТУРЫ	25
ПОСЁЛОК АПРЕЛЬСКИЙ	27
«ТОРГОВЛЯ П. И. ЮДИНА»	31
ТЫГДО-УЛУНГИНСКОЕ ПРИИСКОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ (ТУПУ)	35
Ольга Власова (Пашкова)	37
СТИХОТВОРЕНИЯ	37
В утренней дымке	37
Осень тихой поступью уходит	38
Серебристый иней	38
Пришла зима	39
Песнь ветра	39
Я не пишу серьёзно	40
Чашка чая	40
За окном опять морозы	41
Быстротечное время	41
Яблонь аромат	42
Полуденный зной	42
Жизнь	43
Чудо Рождества	44
Семейное древо	44
Пробуждение	45
Ожидание	46
Тамара Воронцова	48
ЛЁНЬКА	48
ВЕРКИН ХЛЕБ	51
МАКАКА	54
ЗАРИСОВКА	56
СТИХОТВОРЕНИЯ	57
Ночные бдения	57
Время	58
Жизнь хороша	58
Судьба была нежна	59
К душе	59
Катарсис	60
Махни рукой	61
А жизнь бунтует	61
Весеннее рядовое	61

Душа на карантине	62
Ещё посапывает леший...	62
Майское	62
Март	63
Настроение	63
Ночь с кислинкой	64
Темнота	64
Ожидание	65
Повилика	65
Предвесеннее	66
Этюд о дожде	67
Из цикла «Нежный омут»	68
«Любезное утро. Шальной кровотока...»	68
«Скользнёт мягкий взгляд по лицу, по рукам...»	68
«Ослаб крутой мороз-агрессор...»	69
«Росой забрызган утренний июль...»	70
«Когда весна на грани срыва...»	70
Из цикла «Листая сельские сезоны»	71
Зимнее	71
Однажды ночью	72
Ночь удаляется	72
Светится весна	73
Апрельское	74
Свет	74
Вопрос	75
У коловерти непогод	76
Дождливое	77
Камо грядеши	78
Между тем	79
У сентября прохладные ладони	80
На берегу	81
По кругу	82
Роман Гарпинюк	83
СТИХОТВОРЕНИЯ	83
Антиквар	83
«Пусть ликом тёмн...»	84
«Сомнений в мудрости пропетых смыслов слов ...»	84
Басня	85
РОЖДЕНИЕ ОХОТНИКА	87
«МЫШ»	90
ЗИМНЯЯ ОХОТА	95
«КОГДА УПАЛ ОСЕННИЙ ЛИСТ»	100
Знакомство	100
Охота на изюбря	101
ГЛУХОЙ ГУРАН	107
ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЫБАЛКИ	111
ОДИНОЧНОЕ ПЛАВАНИЕ	115
АЙТА и АЙХАЛ	121
Александр Калинин	124

ШТРИХИ ДЕТСТВА и ДРУГИЕ ВОСПОМИНАНИЯ	124
Воспоминания о моём деде	124
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Домой! Магдагачи

Рассказы и очерки магдагачинцев

Авторы: Борисов Сергей, Власова Ольга, Воронцова Тамара, Гарпинюк Роман, Калинин Александр, Конаш Наталья, Растворцев Андрей, Шарапов Василий, Шляпин Александр, Куликовский Леонид

Составитель Леонид Куликовский

- © Сергей Борисов, 2025
- © Ольга Власова, 2025
- © Тамара Воронцова, 2025
- © Роман Гарпинюк, 2025
- © Александр Калинин, 2025
- © Наталья Конаш, 2025
- © Андрей Растворцев, 2025
- © Василий Шарапов, 2025
- © Александр Шляпин, 2025
- © Леонид Куликовский, 2025
- © Леонид Куликовский, составитель, 2025

ISBN 978-5-0067-1680-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЛОВО ОБ АЛЬМАНАХЕ

Эта книга задумывалась давно, когда по ручейкам стекалась информация, что здесь, в этом благодатном крае, живёт и жило целое семейство людей, любителей словесности. Это люди, которые родились в посёлке или совсем рядом, например, Гонжа, Дактуй. Люди для которых Магдагачи являлось не пустым звуком, а ассоциировалось со своей малой родиной. Те люди, которые со словом Магдагачи видели свой дом, своих родителей, свою школу, друзей детства. Дом! С восклицательным знаком... Дом – понятие объёмное, в котором как в капле воды, содержится целый мир, оно иллюстрирует и позиционирует нас к месту, где родились, наше отношение к родителям, родственникам, соседям, одноклассникам и друзьям.

В книгу вошли авторы и те, кто жил, пусть короткое время, но успел вдохнуть нашего амурского воздуха и успел полюбить наш край. Край с его тайгой, сопками, цветением багульника по весне, жарким летом, но красивым и ярким. Место, которое так и осталось в сознании многих: и живущих в посёлке, и уехавших – ДОМОМ!

Это край, в который всегда хочется приехать и посидеть на пенёчке где-нибудь, просто посидеть, на природе, вблизи, совсем рядом... И, чтобы ветерок веял свой амурский, шелестела листва и пахло родиной! Чувство Дома у каждого есть в той или иной степени обнажённое, а у тех, кто вдали от него оно обострено вдвойне... Вот где-то совсем рядом, просто посидеть... Так чтобы кузнечики стрекотали, кукушка куковала и запах цветов, трав, разливался густо, настойчиво, чтобы пучок скошенной травы, своим ароматом, отправлял в детство, в то место, которое и называется «где-то рядом...», рядом с Домом, а вернее Домом... В нём конский бег на воле, крик коршунов, далёкий рёв диких козлов по весне. А зимой мороз и скрип снега под валенками, дым из труб свечой вверх и звук поезда издалека, но совсем рядом...

Построение списка авторов осуществлялось по алфавитному порядку, не по каким-либо другим признакам. Разные по возрасту и уровню талантливости, не похожие друг на друга, но всех объединяет одно – любовь к творчеству и слову, через которые они могли высказать своё отношение к окружающей жизни. Все авторы приславшие свои произведения в альманах – искренни и чувства, что разлиты на страницах, являют образец желания высказать своё отношение к жизни различными формами литературного произведения: рассказа, очерка, повести, стихотворения.

Читатель пусть будет снисходительным к возможным ошибкам, так как все произведения, присланные в альманах, печатаются в авторской редакции самих участников альманаха.

Конечно, не все произведения авторов могли поместиться под обложку данной книги, но читатель, заинтересовавшись творчеством кого-либо, сможет сам найти другие произведения представленных сборником участников.

Леонид Куликовский

Сергей Борисов

ТРОПОЮ ОХОТНИКА

Или почему так называются наши места

Не секрет, что большая часть названий рек, населенных пунктов Магдагачинского района имеет местное, эвенкийское происхождение. Тем не менее, общепринятые переводы их не всегда соответствуют первоначальным значениям. Почему это так – попробуем разобраться.

Чтобы понять, как формировались названия тех или иных географических объектов (топонимы), давайте представим быт местных жителей-эвенков. Это были охотники, которые в течение года кочевали в пределах своей территории (до сотни км) для заготовки продуктов питания и шкур пушного зверя. При этом каждый вид продукции заготавливался в свое время, и на определенном участке, каждый из которых имел соответствующее название – «место охоты на белку», «рыбная река», «место засады на копытных» и т. д.

Все заготовленное мясо и шкуры свозились в определенное место и укладывались на специальные помосты на высоких столбах («дэлкэн»). В свободное время к зиме часть этих запасов увозилась на продажу или обмен на порох и соль в специальные торговые места на берегу Зеи – Чорго (около современной Овсянки) или на Амур – около современного Черняево или бывшего Ольгино.

В зимнее время эвенки (манегры) кочевали вдоль крупной реки (например, Тыгда), где у них были оборудованы зимовья («тугудэк»). Это были утепленные юрты или полуземлянки, покрытые берестой. Таких юрт по берегам реки было несколько десятков. Перед зимовкой все тщательно приводилось в порядок, ремонтировалось.

Передвигались охотники на десятки километров вместе с семьей, в том числе и маленькими детьми. Для перевозки домашних вещей использовались олени. Прибыв на место, мужчины уходили на охоту, а женщины с маленькими детьми оставались на хозяйстве.

Часто мужчины уходили вперед одни, а женщины чуть позже должны были прибыть к месту следующей стоянки самостоятельно, для чего нужно было знать маршрут движения, который заранее обговаривался. Соответственно, все названия у местностей были «говорящие», чтобы легче можно было ориентироваться. Кто хоть раз ходил в лес за грибами не один, наверняка прекрасно понимает, как важно умение ориентироваться и правильно найти условленное «место встречи».

По этой причине, при изучении эвенкийско-русского словаря, из множества похожих слов выбирались наиболее вероятные, то есть те, что характеризуют местность, отличают ее от остальных.

Еще один момент – искажения слов. Как известно, любое слово, при заимствовании его другим языком, искажается, иногда полностью меняя первоначальное значение. Для исключения этого, пришлось изучать старые карты и документы середины 19 века, где некоторые современные топонимы имели немного другой, или одновременно два-три варианта написания. При сопоставлении их, удалось определить наиболее подходящее эвенкийское слово. Так, например, современный ручей Улагачи еще в 1870-е годы и позднее именовался в документах Улгач, реке Улунгач, что соответствует эвенкийскому «олгочо» – обмелевший, или «олоннго» – брод, переход через речку. Нужно сказать, что все современные названия закрепились в документах, благодаря строительству Амурской железной дороги в начале прошлого века, когда только один из вариантов получил официальный статус и не подлежал более исправлению.

Из существующих названий реки – Сивак или Сиваки – картографы выбрали второе с ударением на второй слог, что соответствует значению «клин». Хотя «сивэґ» и «сивэґи» обозначают лужайку, заросшую хвощом. К слову, хвощ являлся отличной кормовой базой для оленей, а также некоторой промысловой птицы (глухарь, тетерев, рябчик и др.), поэтому такие места всегда были на учете у охотника (так, в Зейском районе подобных названий нами было найдено не менее 5).

Аналогичное изменение коснулось и реки Тыгда. В старых документах и Географическо-статистическом словаре А. Кириллова 1894 года приведены два варианта, второй – Тогда. Понятно, что в этом случае популярное ныне «тыгдэ» – «дождь» тут маловероятно, и больше подойдет «тыг» – «ждать» и «дэк» – «место», или «тугэдэк», «тугудэк» – зимовье, место для зимовки. О наличии большого количества юрт (урас) на берегах Тыгды упоминали многие путешественники и ученые позапрошлого века.

Приведем некоторые другие примеры.

Агорга (на картах Оор) – вероятно, от эвен. «огор» – изгородь для пасти-ловушки.

Анган (река около Кузнецово) – Анган – отгороженное для оленей место, Аннгэ – место для ночевки.

Бургули – Бугали – река, протекающая по гладкой местности

Буяк (ручей) – вероятно, от эвен. «букикэ» – густой лес.

Гербелик (Горбиляк) – Гэрби – имя, название, Гэрбилэк – тёзка, с тем же названием.

Гонжа – Гочи – горький, невкусный

Гудачи – Гэтыпчу – горький, кислый, невкусный

Дактуй – Дектэкэн – ручеек

Куликан – медведь (эвфемистическое название, вместо настоящего)

Кумара – Кумар – ровное место, гладкое место

Магдагачи – 1) Мугдэкэчэн – пень. 2) Мугдэ- извиваться, -гачи- признак реки.

Нюкжа – Нюксэн – березовый сок

Олдо – идти сбоку

Ольга (Ольгино), Ологно – Оллонгно – река, богатая рыбой

Онон – Онёно – рисунок

Сергеевский – Сируги – песчаная отмель на реке.

Сиваки – Сивэґ, Сивэґи – болотистая лужайка, заросшая хвощом

Сулус – Соло – рыба (в старых документах Сулус назывался Алагно, см. Ологно)

Талакан – Талэ – солонец, место засады на оленя, Дэлкэн – лабаз (помост на сваях для хранения продуктов).

Тыгда – Тугудэк – зимнее поселение, Тыг – ждать, дэк – место

Тында – Тэнды – береговой

Угадаевский – Угудэ – верхний, Гугда – высокий

Улагачи (Улунгач, Улгач) – Олонгно— брод, переправа + чи (окончание прилагательного), Олгочи – высохший, обмелевший.

Улунга (на картах и Уланга) – Олонгно – брод, переправа

Уркан (Ур) – Уркан – ягельник (на сопках), Урэкэн – холм

Уруша – Уринчэдэк – место стоянки

Ушумун (также Ушмун) – Ус – косить, очищать до корней; усму – очищенный до корней.

Утумукта – жимолость.

Чалганы – Чалбан – береза (чалбанды – березовый)

Конечно, не все приметы сейчас совпадают, т.к. названия появились несколько веков назад. За это время многое в окружающем ландшафте изменилось в результате воздействия человека, поменялся животный и растительный мир.

В работе использовался «Эвенкийско-русский словарь» (сост. В. Б. Болдырев), изд. 2000 года.

По материалам словарей, литературы 19 века.

СМЕРЧИНСКИЙ ЛЕОНИД СЕМЁНОВИЧ

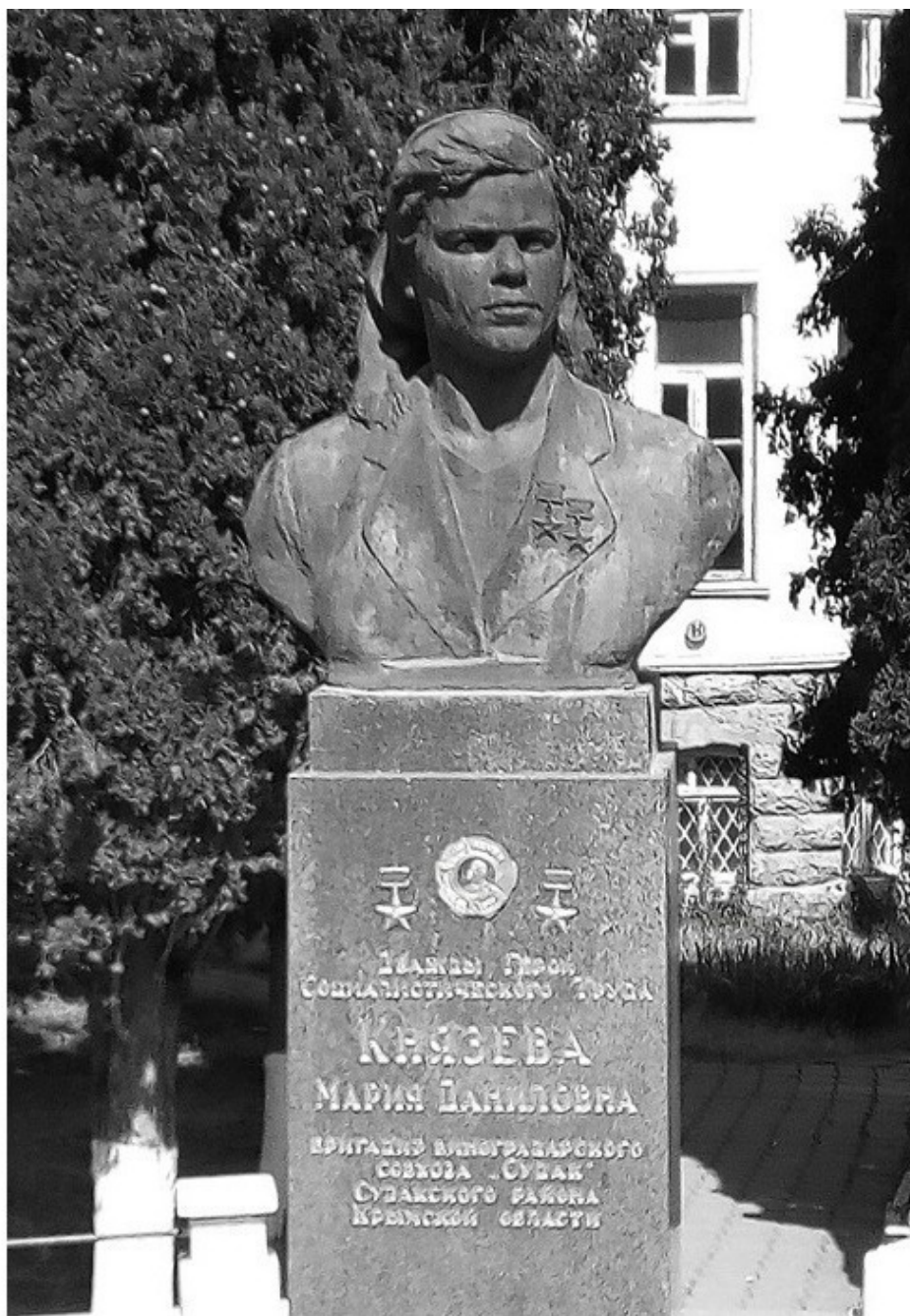
Недавно в России отмечались юбилейные даты, связанные с Крымом. 10 лет назад Крым вернулся в состав Российской Федерации, 80 лет назад полуостров был освобожден от фашистских захватчиков. Многие из амурчан, бывая там в гостях, любовались достопримечательностями Крыма, посещали лагерь «Артек», или курорты полуострова, но даже не подозревали, что некоторые скульптуры изготовил известный скульптор Леонид Семенович Смерчинский, чьи работы можно увидеть в парках и центре Симферополя, Ялты, Керчи, и других городов.

Леонид Семенович Смерчинский (3 июня 1917, Магдагачи – 14 июня 1980, Симферополь) – советский скульптор, заслуженный художник УССР с 1977 года. Работал в основном в Крыму.

Родился 3 июня 1917 года на станции Магдагачи. Информации об этом периоде очень мало, начиналась смута и гражданская война. Известно, что к началу 1940-х Леонид Семенович уже проживает в Ленинграде, на Васильевском острове.

С началом Великой Отечественной войны, 29 июля 1941 года призван Василеостровским РВК, Ленинградской обл., г. Ленинград.

Начал войну в должности командира отделения в 86 отдельном саперном батальоне 80 стрелковой дивизии. Ранен 13.09.1941 г. Затем служит в 218 стрелковом полку 80 стрелковой дивизии, Военно-пересыльный пункт ПРБ 36 ЗСД, 19 батальон выздоравливающих, откуда выбыл в 177 стрелковую дивизию. Потом новое ранение, эвакогоспиталь, и снова на фронте.

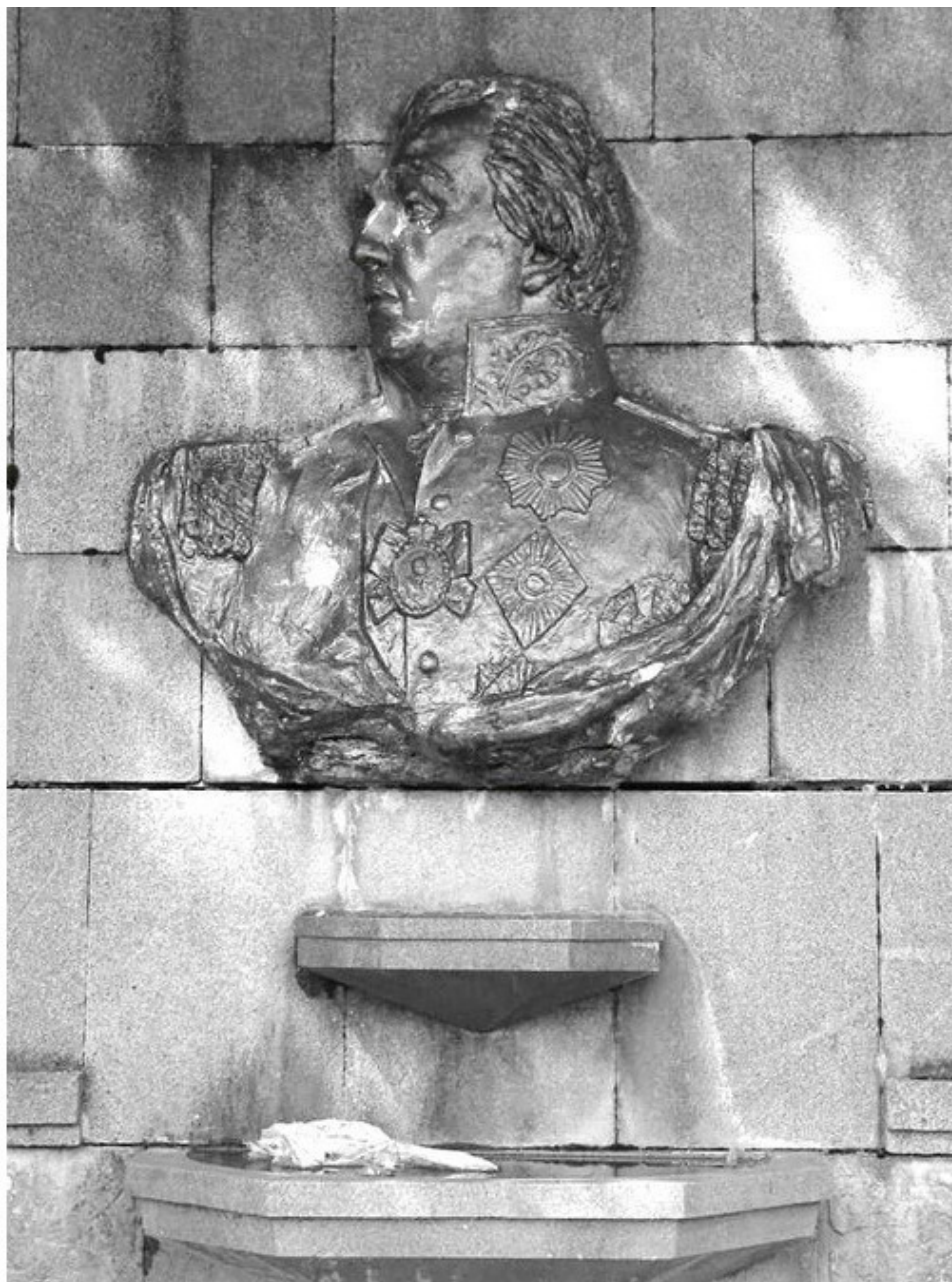
Бюст М. Д. Князевой, Судак

Служа в 320 гаубичном артиллерийском полку в звании ст. сержант, 14 июня 1943 года награждён медалью «За отвагу».

Вот текст Приказа по гаубичному артиллерийскому полку 25 гаубичной артбригады, 7-й артдивизии РК №12/н от 14 июня 1943 г.

«...от имени Президиума Верховного Совета СССР, награждаю: медалью „За отвагу“... п.4. Командира отделения ПВО бат. упр. ст. сержанта. Смерчинского Леонида Семеновича за то, что во время боев под хут. Ворошиловка 5 февраля 1943 года, при попытке автоматчиков противника прорваться к нашему КП, организовал оборону и, подпустив их на 100—150 метров, со своим отделением стал расстреливать ружейным и автоматным огнем. Во время этого отражения было убито и ранено до 15 солдат и офицеров противника. В этом бою отделение т. Смерчинского не имело потерь...»

После войны поступил, и в 1950 году окончил Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Ю. Репина в Ленинграде, где учился у А. Матвеева. Дипломная работа в ВАХ – «Политрук Фильченко».

Барельеф М. И. Кутузова. Кутузовский фонтан

Преподавал в Симферопольском художественном училище имени М. С. Самокиша (среди учеников Р. Сердюк). В 1950 году Л. Смерчинский был принят в Союз художников СССР. В станковых произведениях Л. Смерчинский стремился как можно глубже раскрыть внутренний мир воина, что хорошо видно в его работах «Защитники Севастополя» (шамот) и «Через Сиваш» (камень). Он создал большое количество памятников и памятных знаков, как в Крыму, так и за его пределами.

Для ялтинской «Поляны сказок» Л. Смерчинский создал в 1967—1968 году одно из лучших произведений патриотической темы этого музея – «Иван – крестьянский сын» (искус-

ственный камень), представляющее собой скульптуру богатыря, попирающего поверженного и побежденного шестиглового змея.

Руководил творческой работой в Уголке сказок Детского парка в Симферополе, автор статуи Руслана. С 1953 года участвовал в республиканских выставках. [2]

В 1977 году за многолетний творческий труд и заслуги в изобразительном искусстве Л. Смерчинскому было присвоено звание «Заслуженный художник УССР». В 1987 году, к 70-летию со дня рождения скульптора, в Симферополе состоялась посмертная выставка его произведений.

Умер в Симферополе 14 июня 1980 года.

Произведения:

Памятник 49 большевикам-подпольщикам, погибшим в Крыму в 1920 году. Построенный по проекту архитектора М. А. Садовского, скульпторов Л. С. Смерчинского (барельефы), С. С. Каргашева.

Бюст М. Д. Князевой, Судак

Детский парк в Симферополе. Руслан – скульптор Л. С. Смерчинский, Голова брата Черномора – скульптор В. И. Солощенко.

Поляна сказок. Детский парк в Симферополе. Руслан – скульптор Л. С. Смерчинский

«Герой Советского Союза Н. Д. Фильченков» (1951);

Барельеф Михаила Кутузова на Кутузовском фонтане (1956);

«Атака Первой Конной Армии» (1957);

Портрет дважды Героя Социалистического Труда М. Князевой (1961) [3];

Памятник пионеру-герою Володе Дубинину в Керчи (1964);

«На безымянной высоте» (1967);

Поляна сказок в Ялте. (1967—1968)

«Через Сиваш» (1967—1968); мемориальный комплекс «Героям штурма Перекопа» в Армянске (1970);

«Знамя спасено» (1972);

«Защитники Севастополя» (1974).

По материалам архива ЦАМО и различных Интернет-ресурсов.

МАГДАГАЧИ – ПЕРВЫЕ ШАГИ В БУДУЩЕЕ

В 2020 году 110 лет исполняется большинству поселков, возникших при бывшей Амурской железной дороге. Свой юбилей отметит и Магдагачи — районный центр с населением около десяти тысяч человек. В такие моменты есть повод оглянуться назад и вспомнить, как все начиналось, как делались первые шаги.

Дата основания Магдагачи, в отличие от других, в «Трудах Высочайше командированной Амурской экспедиции» указана точно. Так, 10 марта 1910 года приступили к работам на станции, одновременно начальник работ разрешил работникам строить себе дома. Под поселок городского типа выделено было место в верхней части, но жители избрали нижнюю. Местность эта, по словам чиновников, хотя и была намного хуже, даже заболочена, но ближе к реке и пастбищам. К тому же, здесь накануне была проложена временная дорога на Толбузинскую пристань.

Тогда же весной Магдагачи начали строиться, причем железнодорожная администрация наблюдала только, «чтобы постройки велись рядами, а не в разброс, чтобы расстояние дома от дома не было меньше законной нормы».

Еще одна причина, по которой выбран был нижний поселок – водоснабжение. В поселке имеется несколько колодцев, из которых население пользуется водой. Глубина колодцев от 6 до 12 метров, с обильным притоком воды летом, зимой же приток значительно уменьшается, но все-таки остается достаточным для нескольких семей на колодец. В 1,3 км от поселка протекает река Магдагачи, а в 600 м от южного его конца – ручей Кимбельдей, из которых население также пользуется водой летом.

Существующий поселок городского типа расположен в разветвлении между вышеупомянутых речек. Под частью поселка, хотя и находится щебенистая почва, тем не менее, заболоченность его значительная, особенно ниже по долине к реке Магдагачи.

Согласно съемке, произведенной в 1910 г., открытые угодья (луга и степи) составляют четверть всей отведенной площади (24%), леса 65% ее, и остальные 11% падают на неудобные земли.

Постройки поселка на 1911 год расположены на 83 планированных участках. 67 мест застроено без планировки. Остаются свободными 62 планированных участка. 1-я улица заселилась в 1910 году без планировки, 2-я, 3-я и 4-я разбиты чинами Переселенческого Управления. На 2 и 3-й улицах участки имеют размер по 450 кв. саж. (20 соток), на 4-й – по 300 кв. сажень (13 соток).

Ширина улиц обычная – 15 саж. (32 м). Оставлены места под общественные нужды поселка (магазины, школу и прочее) — 3 участка по 0,5 десятины (га).

Промыслового огородинчества в посёлке нет; имеются огороды у 38 хозяев. Есть посадки овощей и картофеля большей частью на небольшой площади в несколько кв. саженей. Урожай зависел от условий грунта, выбранного для огорода.

Некоторые магдагачинцы арендовали огороды на хуторе Толбузино, овощи продавали в посёлке и на станции.

Всего в посёлке на 3 сентября 1911 г. было: жилых домов—155, землянок—4, мазанок—1, балаганов—5, амбаров—6, сарай 1, конюшня—1, баня—1, склад—1, кузницы – 4, ледников 4. Строящихся домов – 4. Постройки разнообразны по размерам и архитектуре.

Население. Общее число населения поселка на 1911 год определяется в 844 человека, из которых мужчин рабочего возраста 347, женщин—214, детей мужского пола—152, женского—131.

Причем домовладельцев и членов их семейств было 446 человек, квартирантов 349, служащих и рабочих было 48.

По национальности большинство русские 787 чел. кавказцев (б. ч. осетин) 23, татар 13, мордвы (православных) 8, латышей 5, и по одному кореец, чуваш и черноморец.

Среди мужчин рабочего возраста грамотных 72,3%.

Скотоводства здесь еще нет. Доходный извозный промысел заставляет многих держать лошадей, поэтому в сентябре в поселке насчитывалось: лошадей—178, жеребят—2, коров—9, телят – 2, свиней—34, домашней птицы – 421 голова.

По роду занятий население распределялось следующим образом:

чернорабочих 84, плотников 72

занимающихся извозом 52

торговцев и приказчиков 42

пильщиков 22

рядчиков и служащих на постройке ж. д. 19

в столовых и пивных служат 15

печников 8, кузнецов 7

неопределенных занятий 6

пекарей 6, кровельщиков 5, сапожников 5, огородников 4

содержателей общественных бань 3

столяров 2, колбасников 2 и по одному: конопатчик, колесник, стекольщик, маляр и каменщик.

Другими словами, две трети жителей непосредственно участвовали в строительстве станции, каждый седьмой – перевозил груза и пассажиров, каждый пятый – участвовал в сфере торговли.

Плата чернорабочему на земляных работах колеблется от 1,4 до 2,2 рублей в день, мастеровому (столяру, кузнецу, плотнику) —2,0 —2,5 рубля.

В посёлке имеются следующие торговые и промышленные предприятия: 3 магазина, в т.ч. отделение фирмы «Чурин и Ко», 12 мелочных лавок, 8 столовых, 4 пивных. Также имеется 1 постоялый двор, 3 кузницы, 2 пекарни, 3 бани, 1 колбасная и 1 публичный дом.

Школы и церкви в поселке на 1911 год нет, священник бывает приблизительно один раз в месяц, приезжает или настоятель Черняевской церкви, или железнодорожный священник. Ближайшая на тот момент церковь имела на ст. Черняевой, школа – в Толбузино.

Медицинской помощи в самом поселке нет. На станции имеется железнодорожная больница, при ней врач и 3 фельдшера, но принимают они только железнодорожных служащих и рабочих.

Поселок находился пока в ведении железнодорожной полиции; здесь же была канцелярия и проживал пристав 1-го стана, Павел Иванович Тимшин. В его ведении были строительные участки от Сковородино до Чалганов.

12-го июля 1911 г. жителями поселка в количестве 96 человек составлен приговор о желании составить мещанское общество и о согласии принять на себя расходы по самоуправлению. Нужно уточнить, что правом голоса раньше обладали только главы семей, домохозяева.

По сообщению газеты «Амурское Эхо», в феврале 1913 года торговый дом «Чурин и Ко» доставил в магдагачинский филиал первую партию товара по железной дороге (пассажирское движение еще не допускалось).

В октябре 1913 года построена на средства прихожан деревянная церковь на 250 молящихся. Получен новый иконостас, после установки которого, 9 декабря, произведено освящение церкви. («Амурское эхо» 1913 №1443 и №1480). В 1913 году в справочниках упоминаются Священник Валериан Дмитриевич Мелиссов, псаломщик Александр Иванович Камойликов, а с 1 декабря 1913 года священник Василий Пересыпкин.

Магдагачинское железнодорожное училище-школа, учитель Дмитриева. Магдагачинская сельская школа в 1914 году предназначалась для всех жителей, и работали в ней учителя – Василий Квасников и София Масленникова.

Строительство станции Магдагачи.

В фондах РГИА имеются документы, благодаря которым стали известны имена первых строителей.

Подрядчик И. П. Петров в 1910 году построил дом, барак и прочие службы на станции Магдагачи, организовывал перевозку грузов из Толбузинского склада на станцию, а также заготовку и вывозку леса.

Две артели русских плотников (старшие Василий Кочетов и Д. Нефеденко) строили жилые дома на станции в 1910 году.

Подрядчик В. И. Смольков занимался постройкой пакгаузов и казармы (1910—11 гг.). Артель плотников Г. К. Ласькова производила плотничные и столярные работы по постройке жилых домов (1910—12 годы), и пассажирского здания (вокзала) в 1913 году на станции Магдагачи.

Тюремным ведомством в 1912 году арестанты использовались исключительно на земляных и скальных работах по досыпке железнодорожного полотна, после чего значительная часть ее занялась выполнением заказа до 16.000 куб. м дров для нужд дороги. В мае 1913 года из числа арестантов, работающих на ст. Магдагачи, 50 человек занимались устройством дорог в поселке Магдагачи, выкорчевывали пни с проезжей части, эти работы продолжались до начала августа.

А с 15 августа 1914 года силами ссыльнокаторжных разработана деповская площадка для депо большего размера, чем было намечено по проекту изначально. В результате этого часть жилых построек нижнего поселка подпадало под снос. Жители около месяца добивались компенсации, и на областном уровне проблема была решена в их пользу. («Амурское эхо» 1914 №№1582—1585, и №1609).

С марта 1914 года открывается «1-е Магдагачинское торгово-промышленное товарищество», распорядитель купец Яков Петрович Иванов. Магазин имел в продаже продукты питания и другие необходимые товары.

Поселковым старшиной в 1915 году был Кузьма Андреевич Скалобан, а в 1916 – Михаил Крайнов. В поселке Магдагачи в 1915 году – 171 двор, 1292 жителя (652 мужчин и 640 женщин), церковь, школа, 15 торговых заведений, почтово-телеграфное отделение, 180 лошадей и 73 нерабочих (молодых) лошади, 12 быков и 120 коров.

Таковы были первые шаги в начале большого и непростого пути. Впереди Магдагачи ждало еще много интересных событий, но это уже другая история...

С. Борисов

По материалам отчетов и справочной литературы начала 20-го века.

МАГДАГАЧИ 1918 года ГЛАЗАМИ «ОЧЕВИДЦА»

Сложно сейчас найти подробные сведения о гражданской войне в Амурской области – за сто лет уже не осталось живых свидетелей. Зато сохранились амурские газеты того времени, которые хранятся в разных библиотеках и архивах по всей России.

В годы японской интервенции в городе Свободный выходила газета «Вестник железнодорожного союза Амурской железной дороги», в одном из номеров которой за 8 ноября 1918 года нашлась интересная заметка «Письмо в редакцию» о действиях белогвардейцев-«семеновцев» в поселке Магдагачи. Сразу скажу, данная газета была очень лояльно настроена к власти атамана Семенова, поэтому статья автора под псевдонимом «Очевидец» сразу привлекла внимание. Далее его текст.

Письмо в редакцию.

В одном из номеров «Вестника» была напечатана телеграмма из Иркутска, в коей приведен доклад офицера семеновского отряда о деятельности отряда. Но... Я тоже был очевидцем действий одного из семеновских отрядов на ст. Магдагачи Амурской ж. д.

Дело было 28 сентября (1918 г.) Поезд, в котором я ехал из Иркутска, прибыл в Магдагачи около 3 часов дня. Станция была забита воинскими поездами, из которых два или три состава были с японцами, броневик семеновского отряда «Мститель» и эшелон семеновцев.

Все семеновцы были навеселе и держали себя по отношению к пассажирам вызывающе. Придирались и к тому, что носят сапоги казенного образца и шинели, не козыряют офицерам и т. д.

И вот на одном из пассажиров (некто Андрей Радченко) прорвалось. Вышел он из вагона взять себе кипятку. Одет был в шинель. На перроне к нему придрался офицер: «Почему шляешься без пропуска?» Радченко предъявил ему свои документы. Офицер приказал ему больше на глаза не попадаться.

Набрав холодной воды, т.к. кипятку не было, Радченко подошел к костру, чтобы ее вскипятить. Здесь тот же самый офицер подошел к нему и со словами: «Я тебе, собака, говорил не шляться», начал бить его по лицу, а потом велел сбросить штаны и собственноручно ударил его нагайкой около 30 раз. После, очевидно устав пороть, велел принести карабин, и я слышал, как он говорил: «Принесите карабин, я его, подлеца, пристрелю».

Я не знаю, каким образом Радченко отпустили, но только он прибежал в вагон, и до следующего утра никуда не выходил. По словам Радченко, офицер, поровший его, был сильно пьян.

Но это еще не все. То, что я узнал и увидел на следующий день, еще больше ужаснуло меня. Но начну по порядку.

Часов около шести вечера 28 сентября броневик отряда под названием «Мститель» двинулся по направлению к ст. Ушумун, но только дальше ст. Дактуя броневик не прошел и под утро проследовал через Магдагачи в обратном направлении, к Куэнге...

На следующий день, 29 сентября выйдя из вагона, я заметил, что семеновцев нет. Прошел на станцию и первое, что мне бросилось в глаза, это объявление Магдагачинского Комитета безопасности о том, что сегодня с разрешения японского коменданта будут произведены похороны лиц, расстрелянных семеновским отрядом.

...Я пошел посмотреть убитых, и то, что я увидел, останется в моей памяти, пока я буду жив. Убитых было трое. Лежали они в разных позах, лицом кверху. Все раздеты до нижнего белья, обувь снята. У одного, кажется у учителя, левая щека под глазом разрублена саблей или чем-то другим, наискось от виска к носу. Видны были кости. У другого рот был разбит, вероятно, прикладом, потому что окровавленные зубы ввалены внутрь, а лицо все в синяках.

У третьего вся спина исполосована нагайками. Очевидно, над всеми ими предварительно произвели описанные издевательства, а потом уже убили.

Убитыми они прилежали дня два или три, т.к. никто из жителей, даже местный священник, не решились подойти к месту казни, ... ибо семеновцы заявили, что кто к ним подойдет, тот останется рядом с ними... Казнь, совершена была на расстоянии не более полуверсты от станции, на открытом месте.

На мой вопрос, за что же их убили? может они были большевиками? все местные жители с горячностью стали говорить, что эти убитые все время были против большевиков, а за что их убили – не знают...

Похоронили этих несчастных, и на следующий день привезли еще одного, казненного где-то возле ст. Дактуй. Это, как мне передавали, был надсмотрщик телеграфа (фамилии не узнал). Над ним тоже издевались. Связали назад руки повыше локтей поясным ремнем, и что с ним проделывали, предоставляю воображению каждого. Я только его видел мертвого, со связанными назад руками; у него тоже прикладом все зубы выбиты, рот был раскрыт и окровавлен и, кроме того на правом боку на границе грудных ребер была рана вершка в два длины, вероятно от удара кинжалом, и через это отверстие вывалились кишки...

Кроме того, жители поселка говорили, что помимо этих четырех, которых я видел, расстреляно еще шесть человек где-то около мостика в версте от станции и два человека вблизи здания депо. Тех я не видел. Что это правда, подтвердить могут как Магдагачинский Комитет общественной безопасности, так и все жители поселка.

Очевидец.

Письмо в редакцию.//Вестник железнодорожного союза Амурской железной дороги, №225, 8-го ноября 1918 года.

ТОЛБУЗИНСКАЯ ДОРОГА и МАГДАГАЧИНСКИЙ ЛАГЕРЬ АРЕСТАНТОВ

Как и любой другой поселок с вековой историей, наш райцентр также имеет много различных историй, одна из которых связана со временем строительства арестантами дороги от Толбузино до Магдагачи. Например, есть в поселке такой топоним «Арестантская Сопка», но мало кто знает подробности с нею связанные.

Время строительства Амурской железной дороги, к которому относится и поселок Магдагачи, изобилует всевозможными отчетами, сметами, распоряжениями и договорами, которые хранятся в российских библиотеках и архивах. Так что оставалось только искать, и нужные сведения, наконец, были обнаружены в отчетах инспектора по тюремной части Н. М. Соколова.

В своем отчете «Арестантские работы при сооружении Амурской железной дороги», опубликованном в С.-Петербурге в 1912 году, Н. М. Соколов детально описывает все шаги по использованию своих команд ссыльнокаторжных.

Эти арестанты до начала строительства Амурской железной дороги, находились на Амурской колесной дороге на юге области. К весне 1910 года по Амуру переброшены к станциям Черняево и Толбузино. На должность заведующего командами, приказом Губернатора от 26 мая 1910 года, назначен губернский секретарь Разгильдеев.

К началу 1910 года первая команда (бывшая Пашковская) состояла из 398 арестантов. К 1 января 1911 года осталось налицо – 233 арестанта.

Работы первой команды по проведению временки от берега р. Амура да станции Магдагачи производились в следующем порядке: с прибытием в Толбузино, т.е. 19 мая команда расположилась лагерем на берегу реки Амура, 28 мая главная масса перешла на 9 версту от берега реки в лагерь «Назариху», 17 июля в лагерь на 265 пикете от Магдагачи. 23 июля в лагерь на 304 пикете, 23 августа на 165 пикете, с 25-го в лагерь на 90 пикете и с 13 октября в лагерь на 9 пикете, а 30 октября команда переведена на зимовку в устроенный из земляных барачков около станции Магдагачи зимний лагерь.

С прибытием команды в поселок Толбузин, отстоящий от берега в 4 верстах, на восточной окраине его были построены для нужд команды: амбар для склада припасов и имущества, хлебопекарня с раздаточной кладовой, кузница и навес для лошадей.

Арестанты, надзор и конвой помещались в палатках. От лагеря на 304 пикете часть команды в 40 арестантов внетюремного разряда, по просьбе технического надзора дороги, была отделена и послана на главную линию к станции Дактуй, в 35 верстах от Магдагачи к востоку. Эти 40 арестантов пробыли на Дактуе до середины ноября.

При движении главной команды арестантов от Амура, соответственно ходу работ, от нее было отделено до 50 человек, составлявших передовую команду, двигавшуюся в 4—5 верстах впереди главной команды. Передовая команда прорубала просеки и производила подготовку для работ главной команды по устройству колесной дороги от Амура к станции Магдагачи.

Вновь прибывшая 1 сентября партия арестантов в 150 человек была оставлена на работах той же временки близ поселка Толбузино, где работала до перехода в зимний лагерь (28 октября) близ станции Магдагачи.

Для зимних работ на станции Магдагачи было оставлено 150 арестантов вольной команды (внетюремного разряда), а остальные отправлены на зимовку в лагерь, на 20 версту Черняевской железнодорожной ветки.

Все подлежащие отправке в этот зимний лагерь арестанты были собраны сначала в лагере при станции Магдагачи, и затем команда в составе 259 арестантов, 2 надзирателей и 64 конвойных, в четыре перехода, пройдя 128 верст, благополучно прибыла к месту назна-

чения на 20-ю версту Черняевской ветки. На ночь арестанты раскладывали большие костры, среди которых и ложились спать на земле, нагретой огнем и горячей золою.

С декабря 1910 г. к первой команде были присоединены 97 арестантов второй команды, оставшиеся на работах подъездной дороги Воскресеновка-Талдан при 3 вольнонаемных надзирателях и 22 нижних чинах конвоя, с обозом из 8 лошадей, зимним лагерем близ станции Талдан и с береговыми складами близ сел. Воскресеновки.

В декабре выяснилось, что начальник 1-го участка инженер Денисов не может предоставить работу всем арестантам, оставшимся на Талдане, поэтому часть арестантов в 40 человек была переведена в Магдагачи, где оказалось больше зимних работ. Передвижение по главной линии дороги в 90 верст было совершено командой благополучно.

Уже в течение мая и июня выяснилось, что арестантский труд в достаточной мере продуктивен, потому что благодаря дождливому лету, работа производилась в очень тяжелых условиях, нередко по колено в воде. Особенно оценен был труд арестантов при проведении канав по болотистой местности, когда приходилось стоять целыми днями в ледяной воде (благодаря вечной мерзлоте под водою). Вольные рабочие отказывались работать в болоте при таких условиях даже за повышенную плату.

По усиленному ходатайству начальника постройки средней части дороги в ноябре из Черняевского лагеря была выделена команда в 100 человек при надзирателях и конвое и поставлена на зимние земляные работы по проведению осушительных дренажных глубоких канав на магистрали дороги близ станции Сиваки.

Это команда, увеличенная в январе 1911 года еще на 100 человек, несмотря на жизнь в отапливаемых железными печами палатках при 40 градусных морозах и тяжелой работе в мерзлом грунте, весьма успешно работала здесь всю зиму и блестяще выполнила свою задачу.

В течение отчетного 1910 года смотрителями команд состояли бывшей Пашковской колесной дороги, переименованной в первую команду – с 1 января по 1 августа 1910 года отставной штабс-капитан Холмский, а с 1 августа по 1 января 1911 г. – отставной коллежский ассессор Гульбинович.

Весной и в начале лета 1911 года были необычайно сильные лесные пожары, охватившие весь район расположения команд арестантов, начиная от станции Талдан на всем протяжении линии до станции Ту. Особенно увеличались лесные пожары в середине мая, когда прибывшими на пароходах контрактными железнодорожными рабочими, при движении их с берега Амура к железнодорожной линии, были подожжены леса по всему пути их следования. В это время были уничтожены огнем в 10-ти верстах от пристани Толбузино 105 саж. дров, заготовленных в январе трудом арестантов. Лесной пожар охватил кругом арестантский лагерь под Магдагачами столь тесным кольцом, что отстоять его удалось только соединенными усилиями всех наличных арестантов, надзирателей и стрелков конвоя.

С открытием навигации, первая партия арестантов прибыла 1 мая в Толбузино для первой команды в количестве 250 арестантов и в Черняево для второй команды в количестве 694 арестантов.

В 1911 году из всех четырех команд с 1 января бежало: из первой команды – 12, второй команды – 55, третьей команды – 6 и четвертой команды – 77 арестантов. Всего умерло, не считая убитых во время побегов, 96 арестантов (т.е. свыше 2% всего числа арестантов). Большое количество умерших объясняется тем, что многие арестанты, работая в сырых местах, простудились или не вынесли тяжелых климатических условий.

После 1913 года, когда основные работы по Среднему участку были закончены, большая часть арестантов была перебросена на Восточную часть, в район Буреи. Но часть первой команды еще несколько лет оставалась в Магдагачи на строительстве нового депо и работах по устройству поселковых дорог.

Вот такие сведения дает инспектор Соколов по поводу арестантов первой (Магдагачинской) команды. Конечно, это не вся информация, там приводятся данные по всех четырём командам, описываются работы и заработанные суммы. Тем не менее, общее представление о том, какова была роль арестантов в строительстве железной дороги, мы получили.

ОТ ИЗБЫ-ЧИТАЛЬНИ ДО ДОМА КУЛЬТУРЫ

Так вышло, что современные библиотеки и Дома культуры имеют общую историю. Изба-читальня в первые годы советской власти была местом, где собирались простые люди. Грамотные жители устраивали для них громкие чтения газет и книг. Учителя, врачи, ветеринары и агрономы проводили беседы с населением на свои темы, молодёжь ставила пьесы с танцами и песнями. Конечно, подобные заведения были и в царское время, но предназначались они для высшего общества (аристократии, купечества) и только в крупных городах, а первые Народные дома повсеместно стали появляться только 100 лет назад.

Вопрос об организации культурно-просветительских учреждений возник ещё в первые месяцы работы правительства ДВР (Дальневосточной республики). Но финансов не хватало, поэтому с июля 1921 года было решено организовать эту деятельность за счёт местного актива – позволив часть работы проводить на платной основе (концерты, лекции на некоторые темы, выставки, лотереи, аренда имущества).

Основной же задачей избы-читальни, или Народного дома, была ликвидация неграмотности взрослого населения, в том числе и в политических вопросах. Для этого был разработан специальный «Единый план внешкольной работы в ДВР». В обучение также входили вопросы по сельскому хозяйству и технике, необходимой для крестьянина, и т. п. Поэтому в первое время все клубы относили к учреждениям образования.

Местная администрация, по возможности, помогала в организации таких учреждений, снабжала литературой и периодическими изданиями, организовывала обучение специалистов, но за хозяйственную деятельность и непосредственную работу отвечали правление и члены клуба (местные комсомольцы и активисты). (*Вестник просвещения, 1922.*)

Согласно отчёту, первыми такие учреждения появились в 1922 году в Тыгде, Магдагачи и Ушумуне. Чуть позже местные активисты на собственные средства, используя личное время, оборудовали свои «читальни» и клубы в каждом селе, приспособив под эти цели пустующие дома, склады и церкви.

Как вспоминал позднее тыгдинский учитель П. П. Пименов (*В. Д. Силуянов, 1959*), в 1922 году в селе Тыгда решением местной комсомольской ячейки под клуб переоборудовали брошенный склад торговца Бекузарова. Проведя несколько воскресников и заработав деньги на разгрузке вагонов, сельская молодёжь соорудила и оформила сцену. Из подручных материалов ребята изготовили простейший реквизит. Сразу же начались первые любительские выступления перед жителями села. Подобным образом появились клубы в Магдагачи и Ушумуне.

Как сообщается в «Отчёте о работе 1-го губернского съезда деревообделочников» за 1924 год, при непосредственной помощи месткома деревообделочников Тыгды к 1924 году оборудуется клуб в посёлке Сиваки. Ими же проводится основная культработа. Здание клуба построено также за счёт рабочих лесозавода и в их личное время.

В 1926 году, по сообщениям газеты «Амурская правда», уже работает изба-читальня в Черняево, организовал которую комсомолец Семён Смирных.

Постепенно в работу клубов включаются уже подготовленные на краткосрочных курсах специалисты, и деятельность учреждений становится более профессиональной. В крупных клубах имеются свои культорганизаторы и библиотекари.

После образования в 1926 году района с центром в селе Тыгда получает развитие местный сельский клуб. К 1936 году для него строится новое двухэтажное деревянное здание, и он становится районным Домом культуры. Почти одновременно с ним в посёлке Магдагачи открывается построенный из кирпича железнодорожный клуб, с 2016 года РДК. В эти же годы начинается показ кино – сначала немного, а затем и цветного со звуком.

Тыгдинский районный Дом культуры оказывает помощь сельским клубам, а также проводит выездные концерты и киносеансы в небольших отдалённых населённых пунктах района, а таких насчитывалось в те годы более полусотни, в основном вдоль рек Тыгда и Амур, посёлках колхозников, лесозаготовителей и золотодобытчиков.

Работа клубов не прекращалась даже в суровые годы войны, хотя не хватало работников и в зданиях было холодно. С увеличением единиц хранения становится самостоятельной в послевоенные годы районная библиотечная сеть.

В 1950-е по всему району вместо ветхих приспособленных помещений появляются новые оборудованные Дома культуры: в Сиваках, Гонже, Гудачах, а чуть позднее в Чалганах и Черняево.

Вместе с переездом в середине 1970-х районного центра из Тыгды в Магдагачи туда же перемещаются почти все предприятия, в том числе и районный Дом культуры, который, к слову, своего здания в Магдагачи не имел, арендуя помещения железнодорожного.

В самой же Тыгде строится и с 1976 года по настоящее время функционирует кирпичное двухэтажное здание Дома культуры. К середине 1980-х в районе действовало 18 клубных, 19 библиотечных учреждений, 4 детские музыкальные школы. Получила дальнейшее развитие художественная самодеятельность. С творческим энтузиазмом в эти годы работают Тыгдинский, Сивакский, Черняевский Дома культуры, Магдагачинский клуб железнодорожников, Центральная, Ушумунская, Тыгдинская, Сивакская библиотеки.

На 2006 год учреждения культуры Магдагачинского района представлены 11-ю клубными учреждениями, 15-ю библиотеками, 3-мя народными коллективами: Тыгдинским народным хором, Магдагачинским хором ветеранов войны, вокальным ансамблем «Цветы России» посёлка Магдагачи.

В системе учреждений культуры района работали Магдагачинская муниципальная детская музыкальная школа, Сивакская муниципальная школа искусств с филиалом в посёлке Ушумун. Киносеть в районе была представлена 6-ю киноустановками в посёлках Сиваки, Магдагачи, сёлах Чалганы, Тыгда, Черняево, Гудачи. Её руководителем на протяжении многих лет бессменно являлась А. А. Дунешенко.

Ежегодно в районе проводятся фестивали самодеятельного творчества детей. Работает 71 клубное формирование, в которых занимаются творчеством 995 человек, 41 коллектив художественной самодеятельности (404 человека). Далеко за пределами района известны коллективы народных хоров посёлка Магдагачи, села Тыгда, вокальные ансамбли РДК «Цветы России» и «Миллениум». В 2004 году последний стал дипломантом областного конкурса «Юность Амура».

В посёлке Ушумун работают замечательные творческие коллективы клуба ПМС-185, ансамбль «Песенные узоры», «Лада», танцевальный коллектив «Фуэте». В посёлке Сиваки – танцевальный коллектив «Симпатяги».

На 2020 год МБУ «Магдагачинский районный Дом культуры» имеет структурное подразделение – передвижной автоклуб и 10 филиалов. Количество культурно-массовых мероприятий всех форм, проведённых в течение года, чуть менее тысячи.

В последние два года вместе с распространением новой коронавирусной инфекции и введёнными в связи с ней ограничениями появилась необходимость проводить мероприятия в онлайн-формате, размещая материалы в социальных сетях, что открыло новые возможности для Домов культуры при организации досуга.

По материалам архивных документов.

ПОСЁЛОК АПРЕЛЬСКИЙ

Есть в нашем районе населенный пункт с теплым весенним названием – Апрельский. Сейчас там проживает не более десятка человек, а еще чуть более полувека назад там проживало более тысячи, и рассвет его был связан с добычей россыпного золота.

Посёлок основан в 1937 году при одноимённом прииске. Название дано по месяцу, в котором здесь началась золотодобыча. С апреля прииск оживал, зимой большинство уезжало по своим деревням.

Конец тридцатых прошлого столетия печально известен своими репрессиями. Большое количество ссыльных со всего Советского Союза направлялось на масштабные стройки, лесозаготовки и добычу цветного металла в труднодоступной местности. Вскоре и на прииске Апрельском появились первые политзаключённые и ссыльные.

Из воспоминаний Петра Яковлевича Евсеева, семью которого в 1930-е годы раскулачили и сослали в эти края:

«...На спецпоселении я встретился со своими родителями и братьями, они проживали на прииске «Пионер»... Меня направили на Куликан. Там, проработав неделю, нас перебросили на прииск «Ленинский». Здесь мы работали в летнее время, а на зиму переезжали на прииск «Апрельский», там подземные работы на глубине 8—10 метров в вечной мерзлоте. Работа была подневольная, в неделю раз ходили на «свидание» с комендантом, который в журнале делал пометку, и продолжали работать....»

В 1941 году началась война, и мы работали по десять часов без выходных. Работали мы, как и весь Советский народ, напряженно и добросовестно. Однажды к нам на работу приехал комендант, осетин Битаров, и объявил:

«Война закончилась, бросай работать, пошли на митинг!». Мы поднялись наверх и пошли в поселок. Там собрался народ. С фронта вернулись кто без руки, кто без ноги, кто совсем не вернулся. В основном на митинге были горькие слезы и слезы радости, что наконец-то закончилась война нашей победой. Мы уже большие не пошли на работу, и каждый по своему отметил Победу...»

После войны ссыльных заменили вольнонаёмные работники. В 1950-е годы численность постоянного населения в посёлке превысила тысячу человек.

В послевоенный период здесь находилось подсобное хозяйство Дамбукинского прииска, работали восьмилетняя школа, клуб, библиотека, фельдшерский пункт, отделение связи.

В 1951 году уже имеется детский сад (заведующая т. Русанова), ясли (заведующая Н. П. Косычева), в 1958 году упоминается клуб и его заведующий И. Катков. (*Моисеев И., Условия одни, а порядки разные // Амурская правда №286 от 7 ноября 1951 год. Катков И., Наши просьбы остаются без внимания // Амурская правда №173 (11413), за 24 июля 1958 года.*)

Согласно переписи, к 1959 г. население Апрельского составило 1168 человек, но уже через 10 лет сократилось почти наполовину и далее снижалось. Это напрямую было связано с истощением запасов легкоизвлекаемого россыпного золота и постепенным сокращением производства. К началу нашего столетия в поселке проживало не более сотни человек, а дети обучались уже в Дактуйской школе, что в 20 км от Апрельского.

В окрестностях Апрельского в 2010-е годы по заказу УК «Петропавловск» начата разведка месторождений рудного золота для автоклавного способа извлечения.

В настоящее время в Апрельском нет никаких социальных объектов, а жителей насчитывается с десяток.

Интересные находки

Из достопримечательностей, которыми может гордиться поселок – это метеорит и бивень мамонта, которые были найдены в разрезах прииска. Бивень мамонта сейчас можно увидеть в Черняевском музее, метеорит же забрали в Москву.

Как сообщается в газете «Амурская Правда» (№206 за 3 сентября 1969 года), 2 августа 1969 года при зачистке разреза гидравлики №318 со дна траншеи был извлечён железный метеорит черно-бурого цвета, овальной формы, размером 30*30*17 см, весом 54,6 кг. Наполовину он состоял из железа, остальное – примеси: кобальт, медь и другие химические элементы.

Сейчас он находится в Комитете по метеоритам РАН, где хранится под именем «Апрельский». На месте обнаружения метеорита в 1969 году был установлен памятный знак.

Школа

Старейшая учительница местной школы, депутат районного Совета, Клавдия Ивановна Ушакова является на 1949 год лучшим агитатором прииска Апрельский. (*Безденежных И., Представители золотоискателей// Амурская правда №8 (8479), за 11 января 1949 года.*)

В школе работали такие учителя как Геннадий Николаевич Канев, Александра Ивановна Манамская (в замужестве – Баранова), Анатолий Иванович. Александра Николаевна Горбонос, Ольга Григорьевна Бурдиловская, Егор Иванович Быков... Заместителем директора была Наталья Юлдашевна Кравец – и о дровах заботилась, и за техничками приглядывала, и учебным процессом сразу в трех начальных классах «дирижировала». А еще пришкольную летнюю площадку для детишек организовала...

Директора: Юлия Кирилловна Вяликова, Генриетта Николаевна Самсонюк, последний директор Апрельской школы Ольга Сергеевна Конопко. (*Канев Г., Не забуду я вас, апрельчане //Вперед № от 4 сентября 2002 года.*)

ГМУ

В 1951 году на Апрельском прииске хорошо показало себя звено т. Затеева, оно успешно выполняет любое производственное задание. (Моисеев И., заметки//Амурская правда №289 от 11 декабря 1951 год)

В 1956 году на прииске упоминаются мониторщики 322 и 319 ГМУ Иван Андреевич Василенко, Иван Федорович Гнояной, Газибай Пулатов и другие. (*Выполнен годовой план/Газеты сообщают, но сообщениям газеты «Вперед»// Амурская правда, №242 (10869) за 13 октября 1956 года.*)

На участке Апрельский, Дамбукинского приискового управления, в 1958 году упоминаются по сообщениям газеты «Вперед» ГМУ №№325 и 317, где работают бригадиры Дмитрий Паравин и Василий Красников, мастера Виктор Мысак и Иван Плотников. (*Начали добычу золота// Амурская Правда – №107 (11347) за 8 мая 1958 г.*) В тот год добыча золота началась 4 мая, раньше обычного. (*Начали добычу золота//Амурская правда №107 от 8 мая 1958 года*)

Также упоминается мониторщик 327-й гидромехустановки Василий Козлов. (*Терещенко И., Новый производственный подъем.//Амурская Правда – №222 (11462) 19 сентября 1958 года*). В 1962 году особенно слаженно трудятся горняки 317-й гидромеханической установки, которой руководит горный мастер Иван Григорьевич Плотников. Успешно справились с июньским и полугодовым заданиями по добыче золота также коллективы 322-й и 330-й гидромеханических установок. Производительность труда здесь за полугодие составила 120 процентов. На установке отличаются мониторщики Василий Михайлович Красников, Захар Семенович Волощенко и Мухтар Абдурахманов. (*Трофимов И., Идет добыча ценного металла// Амурская Правда, №157 (12627), 5 июля 1962 г.*)

В апреле 1966 года завершена сборка и произведены пробные испытания гидравлической установки №329. На ремонте двигателей хорошо потрудились слесари механического цеха И. Залесский, А. Поклонский. (*Ломос Л., Золотодобытчики //Амурская правда №99 (13801) 26 апреля 1966 г.*)

На 1969 год ГМУ №317 руководит В. М. Красников, и коллектив установки по праву считается передовым на участке Апрельский. (*Ваньев И. //Амурская правда за 28 октября 1969 года*)

К концу 1980-х деятельность участка постепенно стала сворачиваться.

Конечно, история поселка Апрельский не могла бы уместиться только в рамках этой статьи. Здесь лишь та информация, которую удалось узнать по материалам периодической

печати и статистическим данным. Надеюсь, бывшие жители поселка смогут что-то добавить. У каждого своя история, а в этом поселке переплелись тысячи судеб. Эта информация, а также фотографии, очень пригодились бы при формировании сборника по истории Магдагачинского района, который, совместно с районной библиотекой, планируется подготовить к 100-летию района в 2026 году.

«ТОРГОВЛЯ П. И. ЮДИНА»

Наверное, в каждом поселке и селе есть своя выдающаяся личность, которая оставляет глубокий и значимый след в его истории. Для Тыгды первых лет, безусловно, таким человеком является Петр Иванович Юдин.

П. И. Юдин, по сведениям Л. В. Ворон, прибыл на Амур, в станицу Черняево, из Сибири в конце 19 века. В «Благовещенских Епархиальных ведомостях» (№17 от 15 сентября 1903 года) в связи с пожертвованием «100 рублей на добавление четырех глав на среднюю часть храма» в станице Черняево, упоминается Иркутский мещанин Петр Юдин. Торговал он, по сведениям Л. В. Ворон, в основном, мануфактурой, галантерейным товаром, одеждой, посудой и скобяными изделиями.

Держал Петр Иванович и крупный рогатый скот. Большое стадо паслось на Юдинской Пади. В газете «Амурское эхо» №1288 от 28 марта 1913 года в статье о торговле в Магдагачах и Ушумуне поставщик Управления строительства Средней части Амурской ЖД г. Тейман, упоминает о покупке 10 быков у торговца Юдина.

В жизни станицы Петр Иванович принимал самое активное участие. Например, в память 300-летия Дома Романовых Черняевское общество казаков постановило устроить 2-х классное училище, т.е. сделать пристройку к имеющейся уже школе, и там поместить второй класс. Большое участие в осуществлении этой задумки, по сообщениям газет, приняли местные старожилы-торговцы г. г. Юдин, Конаровский и Бобылев, которые приобрели за свой счет парты, необходимые учебники и прочие классные принадлежности. («Амурское эхо» №1265 за 28 февраля (13 марта) 1913 года).

С момента возникновения поселка при станции Тыгда, в нем появились и первые торговые люди. Надо сказать, что железнодорожные поселки городского типа, как Тыгда, Ушумун и Магдагачи, и предполагались именно ремесленно-торговыми. Под заселение в Тыгде выделен участок вдоль современной улицы Бояринцева. Одним из первых в 1910 году поставил свой дом, в котором открыл мелочную лавку, Черняевский торговец Петр Иванович Юдин. Место он выбрал неспроста – буквально рядом проходила дорога от станции до Черняево-Зейского тракта (современная улица Советская).

Одним из главных направлений была мясная торговля, для чего из Черняево было завезено на откорм в тыгдинских лугах 14 бычков. Чуть позже рядом с домом П. И. Юдина (со стороны современной улицы Журавлева), в Тыгде открылась собственная пекарня. Товары для мелочной лавки доставлялись по почтовому тракту из Черняево, куда поступали через Амур из Китая или пароходами из центральной России. С открытием в 1914 году движения на Амурской железной дороге, товары стали поступать по ней.

«Мясная и съестная лавка П. И. Юдина» в поселке Ушумун в 1915 году.

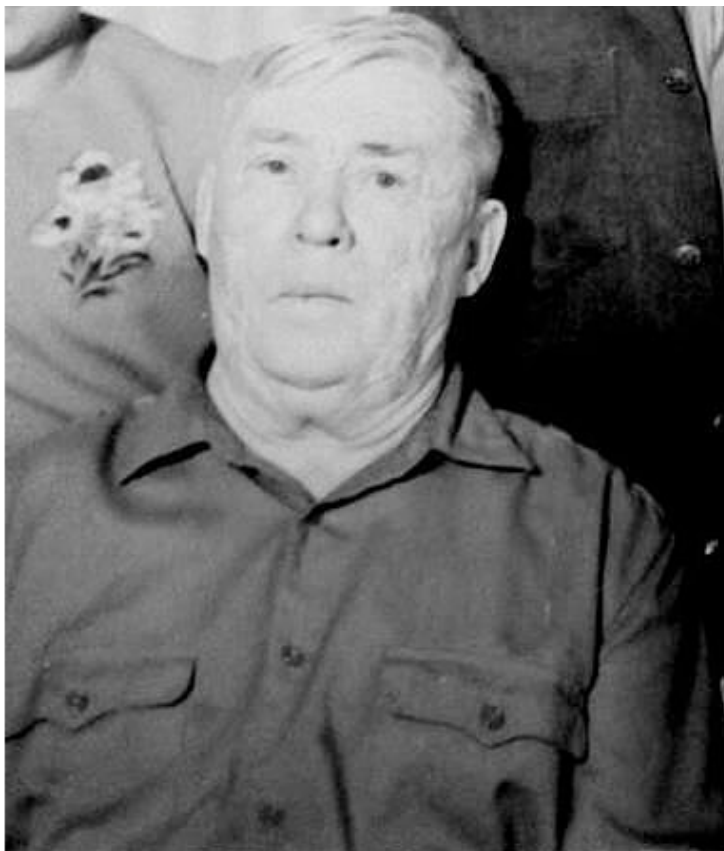
С 1 марта 1914 года, согласно объявлению, размещенному в Благовещенской газете «Эхо», Петр Иванович предлагал свои услуги по приемке на станции Тыгда грузов и товаров «на комиссию в своих складах, а также прием и переотправку по линии ЖД и гужем с возчиками в сторону от железной дороги». Это была своего рода транспортная контора.

Кстати, по воспоминаниям очевидцев (И. К. Воловенко), на стене юдинского дома долго красовалась овальная медная табличка с надписью «Товарищество Саламандра, 1846», что давало понять недоброжелателям – дом застрахован серьезной российской фирмой. Ближайший филиал «Саламандры» находился в городе Зея.

Кроме Тыгды торговля П. И. Юдина до 1917 года процветала и в соседнем Ушумуне по современной улице Ленина, что подтверждается воспоминаниями местных старожилов, фотографией и сообщениями из газет той эпохи. Так, упоминается о закупке сахара в магазине Юдина в 1913 году («Амурское эхо» №1288 от 28 марта 1913 года). После февральской революции, в августе 1917 года пустующий дом Юдина в Ушумуне сгорел («Голос Труда» №99).

До ноября 1917 года Петр Иванович находился в Тыгде, где взял обязательства по содержанию почты. Упоминается о том, что Юдин являлся в это время председателем местного комитета общественной безопасности (выборной администрации поселка). В это время в области стали возникать проблемы со своевременностью денежной компенсации за содержание почты, пришлось искать обходные пути решения создавшегося дефицита, ведь лошадей нужно как-то кормить.

Так, газета «Амурское Эхо» №697 за 9 июля 1917 года сообщала: «Проезжающие по Зея-Тыгдинскому тракту жалуются на обдирательство почто-содержателями. Почтовых лошадей, по обыкновению, не бывает, а за вольных почто-содержатели дерут, кто сколько может». Ситуация вышла на уровень Областного Комитета, который назначил жесткую проверку, («Голос Труда» №178 за 18 ноября 1917 г.). После вмешательства областного руководства Петр Юдин вынужден был переехать в Черняево, где в 1919 году, согласно сообщению газеты «Амурская Жизнь», под его руководством успешно работает товарищество «Пробуждение», уверенно вытеснив конкурентов (местный казачий кооператив и китайские лавки) с Черняевского рынка. («Амурская Жизнь», №167, стр.2.)

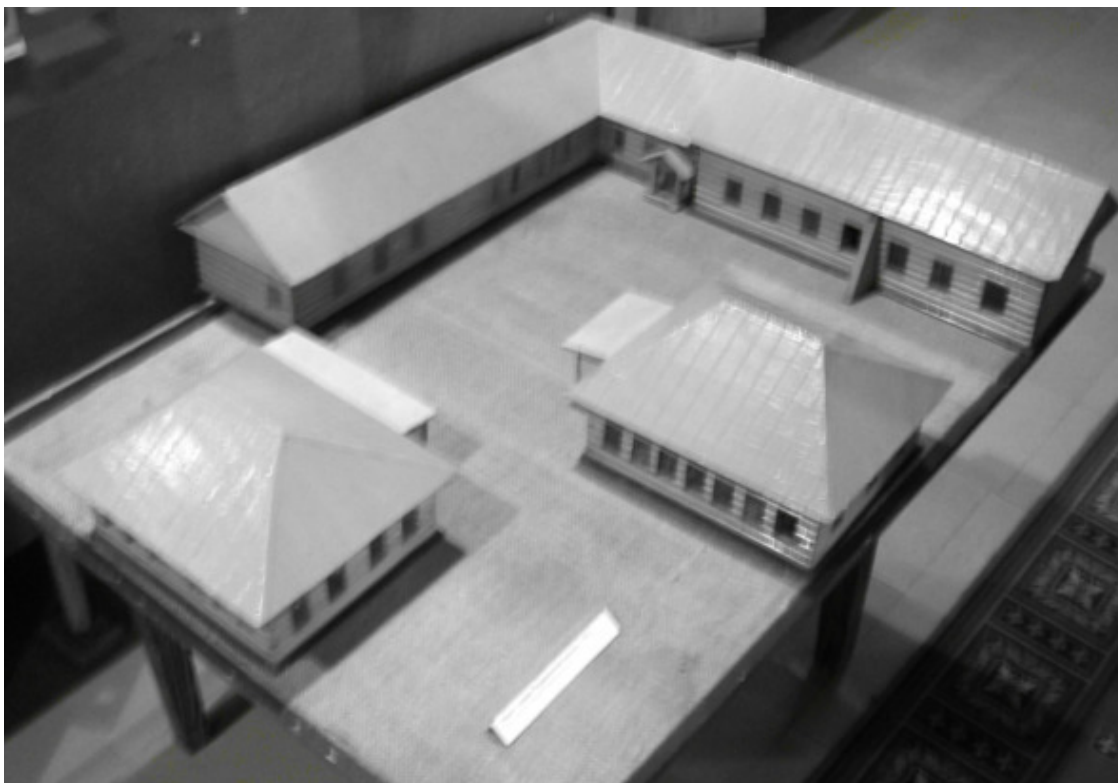

Сын Петра Ивановича, Михаил Петрович Юдин, житель села Черняево, участник Великой Отечественной войны.

Имущество в поселке Тыгда (дома с амбаром и подвалом) Петр Иванович в 1919 году выставил на продажу, (Газета «Голос Тайги» за 30 января 1919 год №1280). Шла гражданская война, поэтому дома так и не были проданы никому. Позже, в них в разное время еще три десятка лет будут расположены тыгдинский сельсовет, НКВД, народный суд.

С установлением новой советской власти, в 1920-х Петр Юдин выехал из станицы Черняева в Китай, и о дальнейшей судьбе его ничего неизвестно. (со слов Г. Н. Шохирева). В станице оставался его сын, Михаил Юдин.

По сохранившимся неуточненным данным, в черняевском доме П.И Юдина долгое время располагалась начальная школа.

Дом П. И. Юдина в поселке Тыгда в 1911—17 годы. Реконструкция

После отъезда в 1917 году П. И. Юдина из Тыгды, «освободившуюся нишу» заняли новые торговцы. Так, мясом стал заниматься осетинский торговец Дудеев (В. Д. Силуянов, 1959 г.), а транспортными услугами братья Бекузаровы, проживавшие рядом, в собственном доме неподалеку от почты. («Голос Тайги», №1263 от 1 января 1919 года).

По материалам местной печати и архивам начала 20 века

Фотографии из архивов автора, Черняевского музея и Ушумунской поселковой библиотеки

ТЫГДО-УЛУНГИНСКОЕ ПРИИСКОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ (ТУПУ)

В этом году очередную круглую дату (30 лет) отметит крупнейшее в нашей области золотодобывающее предприятие «Покровский Рудник». Тем не менее, первое золотодобывающее предприятие на территории нашего района – прииск «Пионер» – появилось еще раньше, 110 лет назад. Рассвет золотодобычи пришелся на 1920-е годы, когда зародилось Тыгдо-Улунгинское приисковое управление, или ТУПУ, в истории которого попробуем разобраться.

Золото в нашем районе было обнаружено еще в начале прошлого века. Так, «Вестник золотопромышленности и горного дела вообще», №22 за 15 ноября 1900 года сообщает, что «... На Амуре природа разбросала золото чуть ли не на каждом шагу: лесопромышленник, зверолов или приисковый рабочий, ... тотчас же бредут на ближайшую косу, сгребут крупный голый речник подчас наскоро сделанной деревянной лопатой... в котелки, и пошла промывка! Много не намывают, а на хлеб и другое угощение частенько зарабатывают...».

Власти об этом вскоре узнавали и ставили эти участки на учет, чтобы сдавать их в аренду предпринимателям. Так, тот же «Вестник золотопромышленности...» за 1902 год сообщает, что 8 декабря 1902 г, №80, Благовещенский 2 гильдии купец Павел Николаевич Шнейдер заявил площадь по Безымянному ключу, текущему слева в р. Тыгду (приток р. Зeya.).

Со строительством железной дороги, которая пересекает наш район, исследованы и другие площади. В 1915 году заявки на золотоносные участки подали: 12 сентября П. Глотов, по ключу Агорте, 21 сентября А. Малышкина, по р. Тыгде. (*Восточно-Сибирская горная область. 1915 г. Заявки на золотоносные участки.*). В 1916 году по заявлению №89 за 12 июня от Василия Андреевича Левашева, известного амурского золотопромышленника, об отводе золотоносной площади по левому притоку ключа Холодный, в 3 верстах от ст. Тыгда, площадь предоставлена. (*Амурское Эхо №705, Золото и платина №№3—4 за 1916 г.*). Однако, ничего не известно о разработке данных участков.

Одновременно по реке Улунга открыты месторождения золота, на которое сделало заявку Улунгинское товарищество во главе с Г. П. Воеводиным.

Предприниматель не ошибся – в 1915 году добыча (показанная) составила 40,5 кг, то есть прииск «Пионер» не только окупил затраты, но и принес владельцу неплохую прибыль.

После гражданской войны молодому Советскому государству потребовалось больше золота на восстановление народного хозяйства. К середине 1920-х открываются новые поселки золотодобытчиков на реках Ольга, Уркан, Улунга, Тыгда. Золотодобыча на приисках велась примитивным способом, но в огромных масштабах.

В 1933 году Тыгдо-Улунгинское приисковое управление (ТУПУ) выделилось из состава Зейского ПУ в самостоятельную организацию, которая напрямую подчинялась тресту «Амур-золото». Оно объединило все прииски нашего района (Яныр, Крутой, Апрельский, Пионер, Куликан и другие), а также упорядочила на местах снабжение золотодобытчиков продовольствием, промтоварами и инструментарием.

В 1932 году недалеко от базы управления установлено деревянное двухэтажное здание бывшего пивзавода со 2-й Заречной улицы. В этом здании разместилась контора ТУПУ. Неподалеку стояли магазины золотопродажа, золотоскупка. Рядом, по улице Школьная располагались склады и конюшни транспортного отдела (позднее ЗТК), баня, кузница.

В ТУПУ была опробована новая в Амурской области техника: скреперные установки. С 1936 года на курсах смотрителей Горпромуча (горнопромышленного училища) в Благовещенске от ТУПУ обучалось 224 человека.

В 1937 году в верховьях Улунги открылся новый прииск «Апрельский», который почти сразу стал центральным во всей Тыгдо-Улунгинской группе.

С 1930-х годов для разработки россыпей на приисках стали применять гидравлический способ, который получил дальнейшее развитие в 1940-х: здесь работало 10 гидравлик. Тогда же, в 40-х годах, в районе, как и повсюду, стали применять для отработки россыпей малолитражные драги. К 1945 году имелось 2 драги «Гном» (50 литров).

16 сентября 1941 года Тыгдо-Улунгинский прииск выполнил 12-месячный план добычи металла. Отличились забойщики тт. Бронников, Вахненко, Бахиров систематически выполняют производственные нормы на 140—170% – С. Батов, управляющий трестом «Амурзолото». («Амурская правда», №233, от 3 октября 1941 г.)

К началу 1950-х для ТУП начался упадок. Поэтому после 1951 года трест «Амурзолото» передал всю территорию ТУП в состав Дамбукинского Прииска.

Управляющими ТУПУ в разное время были: Свиридов, Чекмарев, Кизимов. В документах упоминают Якушева и Шильникова в 1949 г., и Ивана Филипповича Пендюрина в 1951 г. Начальник золотопродснаба в 1932 г. – Поташников, в 1949 году Косычев.

В 1960-е годы в бывшем здании конторы ТУПУ разместили Райфо, кинопрокат, РК ВЛКСМ, поселковый Совет и другие учреждения. Здание разобрано по ветхости в 1975 году. Рядом с этим местом долгое время стояла детская библиотека. Территорию бывшей базы заняла школа, летний кинотеатр и жилые дома.

Ольга Власова (Пашкова)

СТИХОТВОРЕНИЯ

В утренней дымке

В утренней дымке
морозное утро.
Вьюга затихла,
повсюду туман.
Сонных берёз,
белоснежные ветви,
иней покрыл
в кружевной сарафан!
Снег под ногами
скрипит деловито.
Словно читает
нотации мне.
Снежное царство,
в безмолвии томном
щедро украшено!
Всё в серебре!

Осень тихой поступью уходит

Осень тихой поступью уходит
Мокрым снегом оставляя след.
В серый смокинг
из плаксивой грусти
День грядущий тучами одет.

Серебристый иней

Серебристый иней
на листве лежит.
В воздухе морозном
солнца луч искрит.
Я иду тропею
листьями шурша,
И поёт тихонько
«Вальс-бостон» душа!

Пришла зима

Пришла зима, а с ней морозы.
Покрылась коркой льда река.
От лядяного ветра слезы,
зарделася огнём щека.
Укрыло всё ковром пушистым
Дороги, скверы и дома.
И погрузился в сон глубокий
Безмолвный лес, бескрайние поля!

Песнь ветра

Сквозь макушки деревьев
Лучи солнца пробились
Поднимая туманы
С влажных сонных лугов
Изумрудной росой
Травы луга умылись
И в округе стоит

Запах свежих стогов.
Щебетание птиц
Растревожило чащу
Унося далеко,
Тихий блюз сладких снов
И лаская листву
Ветер песнь напевает
Пробиваясь на волю
Сквозь завесу лесов.

Я не пишу серьёзно

Я не пишу серьёзно,
драматически
И не доступен мне сатиры
острый слог.
Я написать могу вам лишь
лирически,
Там, где в чести романтика, и
чувство, и любовь!
Быть может кто-то скажет...
«Недалекая», да и не девочка,
чтоб в облаках витать.
Я им отвечу:
В мире столько горести,
И не к чему мне рифмами
печаль приумножать.
И потому я вам пишу про ярко солнышко,
Что ясен день и что грядёт весна.
И что в умы людей придёт прозрение.
Наступит мир, закончится война!

Чашка чая

Я чашкой чая
лист календаря перевернула.
Оставив в нём дневную суету
Пусть всё, что днём томило,
угнетало
Останется на дне,
той чаши, что допью.
Я вечер завершу
душевною беседой.

День закрывает за собою дверь.
А в свете фонаря вальсируют
снежинки,
вгоняя в сон студенный,
зимний день.

За окном опять морозы

За окном опять морозы.
А мне так хочется весны!
В калейдоскопе дней
житейской прозы,
зимой все краски жизни
серы и бледны.
Придёт весна, уйдёт унынье!
Осядет снег и зажурчат ручьи!
И всё вокруг придёт в движение.
И будут гнезда вить грачи!

Быстротечное время

Почему так время быстротечно?
Пролетает, как мгновенье день...
В суете, заботе, в беспокойстве,
дни мелькая оставляют тень.
Только в детстве время не бежало.
Ах зачем мы торопились жить?
И где найти заветную
педальку,
чтоб жизни пульс притормозить?
Стареть не будем – рановато!
Хотя под осень жизни
ритм уже не тот.
И я не строю долгосрочных планов.
И не живу давно уже взахлёб.
И всё же цели есть и есть стремление.
Как можно больше плодотворных
дней прожить!
Дарить любовь, тепло души
любимым.
И каждую минутой дорожить!

Яблонь аромат

Вдыхаю яблонь я цветущих аромат.
От красоты такой не оторвать мне взгляд!
Одели свой невинный девичий наряд.
Торжественные, нежные стоят.
А запах яблонь, тёплый майский ветерок,
Манит пчелу сесть за нектаром на цветок!

Полуденный зной

Спасаясь от полуденного зноя
Ищу тенёк и ветра дуновенье.
Моля о том, чтоб тучи перекрыли
Лучи палящие хотя бы на мгновенье.
Подобно зверю, скрывшегося в норке,
Спешу к себе в прохладную обитель,
Чтоб переждать полуденное пекло,
От духоты навязчивой – спаситель.
Всё замерло, затихло в ожидании
И в предвкушении идущего спасения,
Грядёт гроза и дождь,

а с ними и прохлада,
От жары живому избавление!

Жизнь

Как талантливый художник,
Уникальный пейзажист,
Наш небесный Всесоздатель
Нам картину пишет – «Жизнь».
Каждый день, как новая картина.
Если день прекрасен, там Моне.
Где мазков сплошная паутина,
Ты приглядишься, там летний сад
на полотне!
Там солнце, ветер, буйство красок!
В пруду кувшинок дружный
хоровод.
И если мне такой художник день
распишет
Он свежий ветер в жизнь мою
вдохнет.
Бывают дни, как-будто Айвазовский
бросает нас в пучину волн.
И ты плывёшь собравшись с силой,
сквозь вспышки молний, мрак
и шторм.
Приходят дни, как-будто по
Ван Гогу печаль, тоска сжимает
грудь,
где безисходность и тревога,
картина дня наводит грусть.
И день за днём, картины собирая,
ценитель жизни – галерист.
Ты познаешь суть жизни понимая,
что с возрастом всё больше реалист.
И снова утро...
На холсте ни краски.
Так кто сегодня встанет за мольберт?
И может быть, лишь только проведение,
Мне может дать на мой вопрос ответ.

Чудо Рождества

Освещая лунным светом
Серебристый мягкий снег,
Звёзды на небе мерцают
Поглащая тьмы набег.
Под одной из них когда-то
В этот мир пришёл Христос.
Праздник светлый – души чистой!
Веру в чудо он принёс.
Согревает сердце вера
В доброту и в чудеса!
Пусть же чудо нам подарит
В Рождество звезда Христа!

Семейное древо

Мы словно ветки
на чудесном древе.
Отцов потомки,

прадедов, дедов.
Нас раскидала жизнь
и время по планете.
На сотни тысяч миль,
десятки городов.
И мы сплетаемся
и крепнет наше древо.
Семейных уз
нельзя перерубить.
Историю семьи
и память поколений
Мы передать должны,
чтоб род свой сохранить!
И я хочу, чтоб древо процветало,
чтоб веток новых многоросло.
И чтобы мы друг друга не теряли
несли родным свое душевное тепло!

Пробуждение

Луч солнца заглянул
в моё окошко.
По комнате игриво пробежал.

Щеки коснулся
теплым поцелуем.
К глазам прильнул
в ресницах заплутал.
С утренней прохладой,
летний ветер,
щебет птиц принёс и шум берёз.
Наступило утро.
Пробуждение...
Солнца луч...
остатки сна унёс!

Ожидание

Зажурчали, побежали
по проталинкам ручьи
Снег тяжелый, рыхлый, талый
Греют все сильнее лучи.
Барабанный звон капли
Отбивает ритм весны
С каждым днём всё
звонче трели,
Щебетанье птиц слышны.
С каждым вдохом глубже
дышится,

Словно во хмелю бредёшь,
Вновь от жизни что-то хочется
Что-то светлое ты ждешь!

Тамара Воронцова

ЛЁНЬКА

– Не бывают звёзды зелёными, опять выдумала, – ворчит Лёнька, ковыряя длинной палкой подтаявший снег у ног. Мы сидим с ним на лавочке у дома и поглядываем на тёмное небо. Звёзды проступают неравномерно – у горизонта их немного, а над головой рассыпаются сплошным мелким бисером.

– А ноги у дождя есть? – спрашиваю.

– Какие ещё ноги?

– Ну, а как он идёт, если нет ног? – завожу Лёньку вопросом в тупик.

– Я их не вижу, – хитрит, улыбаясь.

А другие видят... Вот и зелёную звезду я вижу! Как ты не понимаешь, зелёный свет – это свобода, это приглашение: пожалуйста, отращивайте крылья и прилетайте ко мне.

– Ничего не выйдет, не вырастут у тебя крылья.

– Это почему-же?

– Кожу не пробьют.

– Хочешь сказать, что я толстокожая?

– Вынужден признать, – вздыхает Лёнька и с опаской отодвигается. Я выхватываю у него палку и гонюсь за этим юрким, худым мальчишкой, моим соседом и постоянным спутником во всех уличных делах. И школьных тоже... Но, к сожалению, не в последующей жизни. Закрутилось, завертелось – учёба, карьера, замужество, дети – и всё это далеко-далеко от родных мест. Прошло лет 25. Однажды получаю сообщение, что моя бывшая школьная подруга оставила мир и не одна, а вместе с будущим малышом. Это была трагедия, которая собрала многих нас в родном посёлке. Всё перемешалось – горечь события, радость узнавания, неожиданные встречи, одна из которых – с Лёнькой.

Холодный ноябрь. Суэта женщин в тепляке – (так на местном языке называется отдельно стоящая бревенчатая зимняя кухня) идёт подготовка к поминальному обеду. Я в помощницах. Какой-то мужчина заносит дрова и я вначале не обращаю на него внимания.

– Лёнь, а ну, глянь, кто это у печи стоит?

– Валька Кабанова, что ли?

– А если взглядеться?

Я улыбаюсь, Лёнька выдыхает: «Черёмушка!..» Так когда-то он прозвал меня из-за любви к цветущей черёмухе и каждой весной приносил мне её охапками. К вечеру после обеда люди стали расходиться, но поговорить не удавалось.

– Приходи к матери, я ей обещал воды нанести.

– Баба Шура жива?

– Жива. Тебе обрадуется, увидишь.

...Баба Шура молча разглядывает меня, гладит по голове, и, сняв очки, произносит: «На маму похожа». Пока ожидаем её сына, торопливо рассказывает о нём.

– Лёнька-то мой на инженера лесного хозяйства выучился, в начальниках ходил. На севере области жил, там и женился. Сынок родился, весь в моего Павла, мужа, значит, и имечко то же... Но только сноха непутёвой оказалась. Пристрастилась к винишку-то, пока муж по командировкам, да на производстве. Не стало семьи. Материнства её лишили, а Лёнька, значит, за сына и – ко мне.

Людку Матюшенко помнишь? Она ж с детства за Лёнкой – хвостиком... Узнала, что он в посёлке, и рванула аж из Красноярска сюда. Посмотрела я на неё – мужик, да и только. Кулачищи – во! Грудями придавить может. А внучок привязался к ней. Если долго не приходила, спрашивал: «Где мама?» Мне холодно и слёзно было от этого, видела ведь, как Лёнка шарахался от неё.

Время шло, внук подрос, стал бегать к Людке, задерживался у неё надолго. Как-то вечером она пришла и сообщила, что у Павлика температура – ангина, будет лечить его сама. Лёнка рыкнул: «Ага, шас...» и пошёл за сыном. А вернулся только утром. Спаровались, значит, – подумала я. В конце дня сын собрал вещи, обнял меня и ушёл. Молча. К ней...

Людка через год девчонку родила. Большая уже, 12 лет. Шибко она привязана к отцу. А у меня к нему – жаль. Криво как-то всё получилось. Вот такое наше пожитье, Черёмушка.

– Баб Шур, а вы-то откуда знаете?

– Ой, я ж с глазами, поди! Он же, паразит, черёмуху и у меня в палисаднике выламывал... Давай-ка чайку попьём, я его с мелиссой заварила, а Лёнка уже наносил воду в тепляк, слышь, ведрами громыхнул, шас зайдёт.

За чаем баба Шура вспоминает покойного мужа, у которого отняли ногу – «гагрена приключилась», детей, которые давно разъехались и «носа не кажут», нахваливает Лёнку, а он всё порывается перехватить инициативу разговора, но не получается. Потом выходит покурить на крыльцо, я убираю посуду и, попрощавшись, выхожу следом за ним. Ко мне подбегает пёс и сдержанно рычит.

– Фу, Трезор, фу... свои.

Собака садится ближе к хозяину и вместе с нами смотрит вверх.

– Смотри какое небо, как в детстве. Ты знаешь, а я нашёл твою зелёную звезду.

– Давно?

– Давно. После того, как ты уехала. Правда, она со временем переместилась немного. В ту сторону, где ты живёшь. Одна из звёзд вдруг начинает зеленеть, увеличиваться и двигаться. Я пугаюсь, а Лёнка смеётся: «Чего ты? Это же самолёт, смотри, там же ещё и красный мигает». Мы стоим рядом, облокотившись на перила, я чувствую запах сигаретного дыма, слышу Лёнкино дыхание. Над нами пролетают люди, человек триста, наверное. Каждый со своей судьбой. А наши здесь – в далёком глухом посёлке – онемевшие от соприкосновения, осознающие краткость этого мига, не находящие слов, чтобы выразить ощущение необратимости времени...

– Ну что, нам с тобой по пути, давай, немного провожу тебя, а то меня дома ждут. На днях сына ждём из армии.

Идём по знакомой улице, впереди бежит Трезорка и весело помахивает хвостом. У большого дома с новеньким забором останавливаемся. Лёнка окидывает взглядом окно, в котором горит свет, молча протягивает мне свои широкие ладони, наклоняется, дыханием согревает мои ладошки, затем резко поворачивается и уходит. Без слов...

Я смотрю вслед этому большому красивому человеку и думаю о том, что баба Шура не права – всё у Лёнки хорошо, просто, мы иногда не осознаём своего тихого счастья. Ведь главное, чтобы нас любили.

ВЕРКИН ХЛЕБ

Несколько лет тому назад по осени довелось мне побывать на своей малой родине. От железнодорожной станции прошла знакомым путём по мостику через речушку и наверх, до родной улицы. За долгие годы она не изменилась, только подлесок за огородами превратился в густой лес. Дом, в котором прошло моё детство, был давно разобран, на его месте росли берёзы – раскидистые, вольготные, было заметно, что этот уголок им очень понравился.

Зашла в гости к своей однокласснице, чем несказанно обрадовала её. После сытного стола мы достали старые фотографии и предались милым воспоминаниям.

– А Тагаров мостик-то через речку до сих пор цел, – удивилась я.

– Несколько раз уже поправляли, бережём, – ответила Галя, и далёкое прошлое напомнило обоим об одной истории...

В конце нашей улицы, которая сбегала с бугра к весёлому лугу, всю весну пустовал один из домов. Говорили, что в него должна заселиться учительница с семьёй – в школе был недобор педагогического состава, но она так и не приехала, а вначале лета дом вдруг оживился, наполнился детскими голосами и вскоре все узнали о новых жителях. Странными они были, эти жители. Хозяйка – высокая, худая, молчаливая и с ней – шесть пацанов.

Старшему было лет 14, звали его Тагар, остальные – мал мала меньше, имён не помню. А вот имя хозяйки запомнилось, тоже было странное для того времени – Виола, но все почему-то звали её Веркой. Женщину можно было назвать красивой, если бы не худоба – цыганистого вида, с тёмными глазами, с большим узлом чёрных волос, она обращала на себя внимание, но всегда старалась быть незаметной. И ещё у женщины была слабость – приложиться к бутылочке. Пила дешёвое вино, правда, пьяной никто её не видел, но об этой пагубе знали, потому что приходила на работу с запахом.

А работать Виола устроилась в пекарню, что она там вытворяла с тестом – неизвестно, только хлеб в её смену выходил из печи настолько вкусным, что расхватывали его моментально. Даже из районного центра приезжали за Веркиным хлебом. В общем, несмотря на всестранности, женщину в посёлке приняли, а слабости прощали.

Художник Юрий Николаев

Мужа у Виолы не было, никто не знал, что с ним и где он. Вся мужскую работу по дому выполнял Тагар, старший сын. Такой же худой, длинный и молчаливый – он всегда был в работе – носил вёдрами воду из водокачки, благо она была рядом, колол дрова, возился в огороде, присматривал за братьями, которые до самой осени гоняли босиком по улице. В школе Тагар ни с кем не общался, после занятий спешил домой и никому не удавалось вытянуть его из семьи.

Так прошли осень и зима. А весной все увидели, что Верка заметно поправилась. Не сразу бабоньки догадались, что она беременная, а уж когда дошло до них, то кудахтали по всему посёлку – в магазине, в бане, в клубе, в пекарне. Кто, когда, где?! Некоторые стали подозревать своих мужей, вспоминать их отсутствие в доме, месяцев восемь тому назад, а Виола, дождавшись срока, тихо уехала в район и через неделю вернулась с живым свёртком.

В свёртке была девочка! Вот тут-то и узнали товарки по работе, что она давно бредила девочкой, окончание каждой беременности ожидала с трепетом и плакала, когда оказывался мальчик. Девочку назвала Радой. Через три месяца Виола вышла на работу. Это была другая женщина. Все удивлялись такой разительной перемене – исчезла худоба, в глазах появился тихий свет радости; Виола перестала сутулиться, ходила прямо, с открытым взглядом, и главное – ни грамма спиртного. Могла включиться в разговор, смеяться и шутить. Одного боялась – показывать доченьку кому-либо, только бабушке Нюре Гребенюк и доверяла – соседке, которая была у Виолы в няньках. Сглазу боялась. Баба Нюра говорила, что Рада – чистый ангел: волосы кудрявые, а глаза небесного цвета...

После 7 ноября я вдруг почувствовала себя плохо – тошнило, болел правый бок и, кажется, была температура. Мама отвела меня в местную больничку – доктор оставила в палате, сказала, что понаблюдает до вечера. Я приняла таблетку, прилегла и уснула. Проснулась от какой-то суеты – мимо меня в другую палату бегала медсестра и там слышался сдавленный плач... Во второй палате на кровати лежала маленькая девочка – огромные синие её глаза, не мигая, смотрели в потолок, тёмные кудрявые волосы почему-то были мокрыми... Виола стояла на коленях, держала девочку за ручку, куда была бесполезно воткнута игла капельницы, и плакала, уткнувшись в подушку. Не плакала она, страшно и глухо выла – мои коленки задрожали и я отключилась, очнулась только в машине. Меня увезли на скорой помощи в райцентр и вырезали аппендикс.

На следующий день ко мне приехала мама. Она рассказала, что девочка умерла от воспаления лёгких – Виола поздно обратилась к врачам, боялась, что люди сглазят.

– Мама, а что за имя такое – Рада, разве так называют девочек?

– Рада, наверное, от слова «радость»... Ты слушайся врачей, донечка, и поправляйся скорее, мы по тебе очень скучаем...

Виола все дни проводила на кладбище, почернела вся. Морозы начались нешуточные и Тагар не пускал маму к могилке, тогда она напивалась и лежала, бесчувственная, лицом к стене...

К Новому году в школе установили ёлку и её освещением должен был заняться Тагар, но он не появился. На следующий день мы узнали, что Виола с ребятами уехала. Куда и с кем – также никто не знал.

Прошло много лет, но историю с девочкой Радой в посёлке помнили, на её могилке летом кто-то всегда высаживал анютины глазки и клал детские игрушки. Однажды в поселке появился мужчина с девочкой лет шести. Остановился у председателя сельсовета. Это был Тагар со своей дочерью. Он построил беседку над могилкой сестры и подрядился к рабочим, которые меняли старый мостик через речку. Новый мосток получился лёгким, ажурным, а на концах перил Тагар вырезал стилизованных лошадок...

На следующий день моего приезда мы с Галей посетили всех своих односельчан, покинувших мир земной, поговорили с ними, как водится в этих случаях, и подошли к беседке, которая стояла в стороне от основных захоронений. Осенние листья медленно падали на крышу, из побуревшей зелени на могилке кое-где ещё выглядывали анютины глазки. На памятнике была только одна надпись – «Ашимова Рада». И всё... Больше ничего – ни отчества, ни дат.

– А знаешь, как Тагар назвал свою дочь? – спросила Галя.

– Рада?

– Нет, её имя Вера.

МАКАКА

В детстве я была плотным ребёнком, можно даже сказать, толстушкой, но в школе никто не дразнил, наверное, потому, что нрав у меня был весёлый и покладистый. А, может, ещё и потому, что рядом со мной всегда находился всеми уважаемый умница, шутник и балагур, сосед и одноклассник Сазонов Лёнька. Когда заканчивали четвёртый класс, старшие пугали нас историчкой, которая якобы детей ненавидит и шпынует их указкой, если, не дай Бог, ошибёшься и покажешь на карте, например, вместо Мексики – Гондурас или Гваделупу какую...

Но для меня оказалась самой страшной училка по немецкому языку. Фамилия у неё была Гаврилова, а за глаза звали Макакой – уж слишком неприглядное и соответствующее у неё было лицо с нарисованными бровями и выдающейся вперёд нижней челюстью. У меня же был неподдельный интерес к иностранному языку, занималась я предметом с удовольствием, хватала пятёрки каждый урок и внешний вид преподавателя меня не занимал.

Однажды Гаврилова пришла без бровей – то ли забыла нарисовать, то ли что-то случилось. Она нервничала, ругалась на дежурного, что плохо вытер доску, выронила на пол содержимое своего учительского портфеля, а тут ещё я – со своей серой...

Сера – это такая жвачка, приготовленная из смолы хвойных деревьев – чтобы она не горчила и была жёлтенькой, её варили на молоке. В общем, любила я её жевать страшно – когда запах леса из серки исчезал, выплёвывала и откусывала следующий кусочек.

Не обращая внимания на дурное настроение училки, я увлеклась переводом новых слов, нажёвывая новую порцию серы, и вдруг слышу: «Кальченко, прекрати жевать, у тебя и так морда кирпича просит!». Класс замер на несколько секунд и в этой тишине раздался голос Лёньки: «Полина Андреевна, а Вы брови дома забыли!».

Класс взорвался хохотом, Гаврилова покраснела и опрометью вылетела в коридор...

Дома родители схватились за голову, узнав об этом случае, у них была встреча с директором школы и потом в классе долго не было немецкого языка. Гаврилова вернулась притихшая, с учениками в полемику не вступала, а у меня на всю жизнь остался комплекс по поводу своей внешности...

У Гавриловой не было мужа, жили они вдвоём с дочерью, которую звали Лушкой, училась она в 10 классе и была совсем непохожа на мать – помню её огромные карие глаза и толстые косы...

Летом, после выпускного бала, Луша утонула. От реки её везли на машине, в открытом кузове, а мы, дети, сидели рядом и плакали. Я смотрела на девочку и думала о том, что лучше бы утонула Макака, а Луша уехала бы в город, вышла замуж за военного и была бы счастлива...

Прошли годы и однажды, где-то в начале 90-х годов, меня отправили в командировку в город Свободный. Промозглый октябрь, на привокзальной площади – никого, только одна застывшая фигурка продавщицы у тележки с мороженым. Я подошла спросить, какой автобус идёт до моего учреждения, и сразу же узнала её... Это была маленькая высохшая старушка, закутанная в поношенную шаль поверх серого халата, на руках – перчатки с обрезанным верхом, чтобы было удобнее считать мелочь, и совершенно пустые глаза – из них, видимо, уже давно ушла жизнь...

Что-то кольнуло внутри, похожее на жалость, которая подталкивала сказать: «Я узнала Вас, Полина Андреевна! Я давно всё простила Вам, Полина Андреевна...». Но я смолчала и только потом, когда продавщица сказала мне, куда пойти, где свернуть, ответила: «Ich danke Ihnen, madame Gawrilowa», и пошла к автобусной остановке. Оборачиваться не стала...

На протяжении всех занятий в учебно-курсовом комбинате Полина Андреевна не выходила из головы. По окончании рабочего дня ноги сами привели меня на привокзальную площадь. Я не знала, с чего начну разговор, но очень хотелось извиниться за первую встречу...

Сеял всё тот же мелкий дождь, и казалось, что асфальт был покрыт лаком. Тележки с мороженым не было, рядом с торговым местом лежала опрокинутая урна, намокшая облезлая сорока что-то выклёвывала из бумажных обрывков. Мимо вокзала со стороны моего детства шёл открытый товарный состав с круглым лесом, ветер доносил смолистый запах...

ЗАРИСОВКА

Ночь отметилась первым осенним туманом. Он как-то робко лёг на село, словно побаивался, что его подхватит ветер и заставит исчезнуть. С утра ветер и впрямь появился, вытянул туманные лоскуты в длинные белёвые ленты, обнажая под ними сонные улочки села.

Солнце долго возилось за рекой, путаясь в остатках тумана, но в конце концов отправило первые лучи на воду, на берег, на мокрые крыши селения, а затем, покраснев от натуги, окончательно выкатилось на очищенное от хмари небесное пространство. Начинался новый земной день...

СТИХОТВОРЕНИЯ

Ночные бдения

Затишают на тёплых шестках петухи,
Темнота во все тяжкие ринется —
В это время охотно слагаешь стихи,
Загоняя в анапест кириллицу —
Вдохновенный порыв наполняет столбцы
Неожиданным словосмешением
И гуляют по клавише слова-сорванцы,
Ожидая в строфу приглашения.
В личной хронике – лет отлетевших намёт,
Белый шум отставного столетия,
Молодая буза и ночей хоровод,
И несдержанных чувств междометия.
Полистаешь года – вся судьба впереди
И страна, братский крест волочившая,
Серп и молот на красном, на чёрном – вожди,
Добросовестно в бозе почившие...
Дальше – глубже порез и темнее цвета,
Невмешательство вышнего пристава —
Неприкрытый намёк, что по нам неспроста
Прокатилась эпоха неистово.

Тяжелеет строка – то ли сон, то ли сор...
Но уже голосит кочет весело,
Утро сеет лучи и времён колесо
Катит бывшую ночь в поднебесие.

Время

Познав случайной жизни бремя,
Судьбы капризной произвол,
Порой цепляешься за время,
Как в малолетстве за подол,
В порыве зряшных опасений
И неосознанной тщеты...
А день текущий светотени
Кладёт стихийно на холсты
Зимы, раскинувшейся дерзко
По всей немислимой глуши,
И на снегу эскизы детства —
Короткий экскурс для души,
Отрыв от веских умозрений,
Что всё стирается в песок...
И каждый миг ещё бесценней,
Как будто время – это Бог.

Жизнь хороша

...Жизнь хороша, особенно в конце.

А. Тарковский

У времени свои запарки и загвоздки,
На каждые полгода – свой ковид...
Живёшь особняком, негромко и неброско,
Вдали от обитаемых орбит,
Но суматошный мир готов к тебе вломиться —
Назойливо в экранах мельтешит,
С желаньем правоты, рождая небылицы,
Летит по недомыслию в расшиб,
Где своенравна жизнь в людской среде абсурда,
И всё же хороша, когда – в конце.
Просеиваешь дни былые самосудно,
Невольно вспоминая о Творце.
А век на скоростях, уже без мала – четверть,
У нынешней весны крупнее шаг...
Ожившая ольха к окошку тянет ветви,
И сладкой болью мается душа.

Судьба была нежна

Судьба была нежна и молода —
Её объятий обморок отважный,
Касанье тел до сладкого стыда,
Семейной жизни первые пассажи...
Снега заносят годы, охладив
Былые времена земного рая,
Когда порхали бабочки в груди —
А нынче и на свет не прилетают.
Печальные мотивы антитез,
Жизнь полосы меняет оголтело,
Теперь забота – не набрать бы вес,
И чтоб строка в стихах не тяжелела,
Пока ты обитаешь меж людьми,
Не смыслящими в лире ни бельмеса,
Пока ещё разглядываешь мир
И он к тебе – с ответным интересом.

К душе

Привычен мир – вон, в бездну не спеша
Стекает ночь, предвосхищая утро,
А ты всё философствуешь, душа,
Томясь, как Диоген в бочонке утлом,
Оставь свою императивность – «нет...»,
И без того земная жизнь бредова,
Не возражай и дай добраться мне
По скрытым тропам до приманки слова,
Корпеть над строчкой, примерять размер,
Осмысливать, что речь не безопасна,
Работать над лукавостью химер,
Над временем, что стало неподвластным...
Делить с тобой ночами тишину,
Спешить подчас к зовущим на подмогу,
Болеть за обделённых, за страну,
Любить того, с кем свидимся у Бога...
Не тяготиться грузом данных лет,
И, помня – под луной ничто не вечно —
В подарок принимать и боль, и свет
От нашей жизни общечеловечьей.

Катарсис

Когда осенний день кислит, как рислинг,
Неплохо посетить сосновый бор :
Прочистишь бронхи и причешешь мысли,
Охотно удаляя мелкий сор...
Бесшумный шмель на вереске плетёном,
Покой природы, ласка тишины,
Прозрачный воздух и глоток озона —
И вот уже ни страха, ни вины —
Любителей раскачивать бывшее
И обнажать погрешности судьбы...
Пружинят под ногами мох и хвоя,
К опушке жмутся поздние грибы;
Лицо подставишь под полоску света —
Жизнь торжествует, что она жива,
И ей неважно, что за бором где-то
Неудержимо падает листва.
Смиренно и душа встречает осень,
Но всё глядит в небесный окоём,
Как будто кроны длинноногих сосен —
Зелёный свет в бессмертие её...

Махни рукой

Стареем, друг, хотя, ещё не в теме...
Как ни досадно – зеркала не лгут.
Стремительно несётся мимо время
И годы прибавляет на бегу.
И мир, грузнея, опускает планку,
Бессмысленно заглядывать вперёд,
А тут ещё дожди, их перебранка...
Бубнят шестые сутки напролёт.
Стихия вод почти по всей державе,
Ругается сосед: «...ядрёна вошь...».
Махни рукой, мы бунтовать не вправе,
Творца к стыду за течь не призовёшь,
Не упрекнёшь за безучастность к грешным,
К молитвам-просьбам, сколько ни божись...
Как и за то, что слишком уж поспешно
Вращает нашу временную жизнь.

А жизнь бунтует

Картинки за окном обнажены —
Зализан ветром выстуженный дворик,
Сорока так стрекочет на заборе,
Как будто наклевалась белены.
Нет ни теней, ни юркого луча —
Бледнеет нерешительное утро,
И тишина настолько неприятна,
Что хочется за птицей вслед кричать
И, смяв невозмутимость декабря,
Сбить глухоту космического уха,
Чтоб разыгралась буря-завируха,
И ждать, пока виски не отболят
Пустым раздумьем – чем унять тоску...
А жизнь ещё бунтует в буднях быта,
Пока родное слово не забыто
И снег не набивается в строку...

Весеннее рядовое

Подластила ночь к утру короткий сон
И пропала в переулках тишины,
Закатилась за неровный горизонт

Перламутровая пуговка луны...
Тонкий луч упал на крыши городка
И на кроны гарнизона тополей.
Начиная новый день с чистовика,
Мир опрятнее казался и светлей
И сквозил неудержимую весной
Вдоль фасадов, тротуаров и дорог...
Вдохновенно у небесной проходной
Первый дождик собирал на землю Бог.

Душа на карантине

Простуженный январь. Душа на карантине.
Невнятный лепет слов, набившихся в строку.
Зима грозит пургой, ярится без причины,
И память шелестит, подобно сквозняку.
Во времени разбег на пояса и годы —
Меж нами пыль снегов и заросли дождей,
В перебродивших снах заоблачной свободы
Затеряны следы крылатых лошадей...
Сужает день зрачки. Преддверие заката.
До клейкого листка ещё полсотни выюг.
Сойдёт с календаря очередная дата,
И ледяная ночь потянется к жилью.

Ещё посапывает леший...

Ещё посапывает леший
И щепетильна тишина,
В туман, как сливки, загустевший.
Ныряет мутная луна...
Но утро высветлит страницу,
И не смущаясь, на виду
Восхода розовая птица
Склюёт последнюю звезду.

Майское

В разгаре весеннего дня
Свершается всё по сезону:
Усердных букашек возня
В зелёном подшёрстке газонов,
Сирени – густой аромат,

Пчелиные первые взятки,
И солнцем забрызганный сад,
И ветер, играющий в прятки.
Прозрачные прописи птиц...
И в тайне небесного света —
Следы голубых колесниц,
Вращающих время на лето.

Март

Март немного горчит, под грачиным крылом
Согревая дыхание утра.
Оголённого неба пустой окоём
Лёгкой дымкой тумана окутан.
Всё теснее под кожицей почек весне,
Мечет бисер серебряный верба,
Догорает в оврагах обугленный снег,
Свежий воздух и влажен, и терпок.
Голосами пернатых щебечет эфир...
Сквозь сырой прошлогодний валежник
С любопытством дитяти таращится в мир
Удивлённый весной подснежник!

Настроение

Холодное утро. Молчание снега
Услышишь, ещё не вставая с постели.
Зима перепутала альфу с омегой —
Плутает по городу, словно с похмелья.
Растерянный март, не причастный к ошибкам,
Снимает с ветвей белоснежные сгустки,
И кажется всё невпопад в этом зыбком
Расхристанном мире... И как-то по-русски
Весна прибывает – с ленцой, бестолково.
Душевная хворь – неизменной свитой...
В надежде на силу целебного слова
Без пользы слоняешься по алфавиту —
Найденной строкой устраниться от боли,
От памяти едкой сгоревшего лета,
От пристальных глаз короля карамболя,
В игре зацепивших тебя рикошетом...
На белых тропинках по-зимнему зябко,
Среди многоточий – неясные знаки...
Совсем не ко времени – запахи яблок
И слёзная грусть февраля Пастернака...

Ночь с кислинкой

Ветра вымокшего вздохи,
Ночь с кислинкой мирабели,
Всюду рябь осенней охры
И размытой акварели...
Вновь господство монитора —
Ненасытного магната,
И окно за лёгкой шторой —
Казимировым квадратом.

Темнота

Готовность боли
Разжимать зрачки и душу.
Вводишь в прошлое пароли —
Голос памяти послушать,
Выбираешься из плена
Осмотрительного эго,
Но отрывистым рефреном —
Только собственное эхо,
Только эхо...
Ночь всё глуше,
Щурит глаз фонарь дворовый,
И в строку из лет минувших
По слогам сочится слово...

Ожидание

Художник Марк Келлер

Не вини в тайном умысле осень —
Полыхать ей открыто пожаром...
Бьются в окна ослепшие осы,
Обезврежены острые жала.
Жмётся к сердцу ранимая память,
Словно стайей забытая птица,
И песком высыпается камень
Из-за пазухи бывшего страха.
Обнажается суть берега...
Всё по кругу – и боль, и расплата,
И в молчании первого снега
Ожидание точки возврата.

Повилика

Отпрянет от окна пугливый день —
Утонет в сонме прожитых недель

И в прошлом затеряется до клика.
У памяти смятены падежи —
Плетёт, плетёт сомнения души
Бессмысленно ночная повилика.
А город спит в объятых февраля,
Лишь бритые в нулёвку тополя
Бредут куда-то, тьмой прикрыв уродство...
Повсюду снег, и нежится строка,
И ты уже во власти языка,
И щурится с обложки мудрый Бродский,
Ему известно: слово «никогда»
Измучит беспощаднее стыда,
И будущее лучше бы не трогать...
Со Временем опасны кутежи,
Любимые уйдут в другую жизнь
И не вернуть ни Нобелем, ни Богом.
Не трогаешь... Прощён был, кто ушёл.
Остались – лёгкий ветер за душой
И прелый запах облетевших вишен...
Ещё – свобода, словно оберег,
И этот бесконечный колкий снег,
Да милости, обещанные свыше.

Предвесеннее

Привереда-зима напоследок разгульна,
Между тем, как резонно заметит Эвтерпа,
Наливается розовой кровью багульник
И к пасхальным обрядам готовится верба.
Прошлогодней тропинки чернеет полоска,
О случайном прохожем трезвонит сорока,
И толпятся дубки в грязно-рыжих обносках
В ожиданиях животворящего сока.
Ослабевший февраль вязнет в рыхлых сугробах,
Плавит солнце пласты отболевшего снега...
Ни беды, ни хандры, ни сердечных ознобов —
Лишь целебная просинь ожившего неба.

Этюд о дожде

Художница Мария Зельдис

Июль жарюю не грозит —
Дождём безудержным изморен...
Вон – снова хлещет, чёрт возьми,
Откуда в небе столько моря?
Всё громче всхлипы тополей,
К окну причаливает утро,
И ливень лупит по земле,
Не разбирая время суток.
Нет в мире действий без причин
И в небесах – свои убытки...
И понимающе молчит
Душа, промокшая до нитки.

Из цикла «Нежный омут»

«Любезное утро. Шальной кровоток...»

Любезное утро. Шальной кровоток...
Признательный шёпот излишен —
Пчела, погружаясь в горячий цветок,
Звучание мира не слышит...
Вкушаем хмельной соблазнительный мёд
Земного блаженного рая,
Но время сквозное из неги вернёт,
Назойливым бытом бряцая.
И вломится солнце сквозь сетчатый тюль,
Присев на открытые пятки, —
Мол, ходите, милые, по острию,
Играя со временем в прятки —
Ему, прагматичному, и невдомёк,
Что в эти благие моменты
Мы слушаем только сердца говорок
И верим тому, что бессмертны.

«Скользнёт мягкий взгляд по лицу, по рукам...»

Скользнёт мягкий взгляд по лицу, по рукам
И хлынет непрошено нежность,
И хватит лишь лёгкого па ветерка

Понять, что пожар неизбежен,
Что сердце твоё, как в былые года,
Презрев опасенье и робость,
Бездумно готово сорвать провода
И броситься в сладкую пропасть...
А позже, латая порезы души,
Гадать на исколотых пальцах,
Безумной ведуньей на соль ворожить,
Во сне по ночам отдаваться
На волю тому, кто все принципы снёс,
Быть рядом рабой-одалиской...
Наутро у зеркала тропки от слёз
Безмолвно сушить ватным диском,
Но, голову вскинув (притихнет молва),
Пройти мимо баб горделиво,
Как будто всё утро тебя целовал
Единственный, неповторимый...

«Ослаб крутой мороз-агрессор...»

Ослаб крутой мороз-агрессор
Нежданный отдых за селом!
На фоне неба кроны леса —
Как серебро на голубом.
Дубы в рыжелых обдергайках,
Берёз роскошных царский вид...
Про нас сорока без утайки
На всю округу верещит —
Гробишь с улыбкой птице грубой,
Снежком стреляя по стволу...
И ощутимо греет губы
Твой осторожный поцелуй.
От белобоккой не укрыться,
Стрекочет бестия: «ррразврат!»
Но те, кто слышит клеветницу,
Всепонимающе молчат,
И только снег нам что-то шепчет,
Живым участием влеком,
И с веток падает на плечи
Десант морозных мотыльков.
И длятся тени дольше снега.
Весомы свет и эхо дня...
И путеводным оберегом
За нами тянется лыжня.

«Росой забрызган утренний июль...»

Росой забрызган утренний июль,
И хлопья света на полу дощатом —
Набившиеся сквозь ажурный тюль,
Не тают, несмотря на пылкий атом,
Гуляющий по венам... захлестнёт,
И мы, его желанием влекомы,
Растрчиваем щедро тайный мёд,
Стекающий по каплям в нежный омут,
Сойдя от совпадения с ума,
Летаем – невесомы, легкокрылы...
А лето рвётся в бой, как атаман,
Выкатывая знойное светило,
И хмыкает, и трётся у окна,
Вернув на землю грешников заклятых.
Ах, лето, лето – пылкая страна,
Как скоротечны у тебя рассветы...

«Когда весна на грани срыва...»

Когда весна на грани срыва
И затихает злоба дня,
Стихи без лишнего надрыва
Готовы вывести меня
На прямоту и откровенность,
Что суть утрачена в мольбе,
Что сердце снова оглашенно
Сквозь рёбра ломится к тебе —
В такое время лучше слушать
Смывную проповедь дождя
И наблюдать, как чьи-то души
Сырое небо бороздят
И вдруг проникнуться при этом,
Что нет дороже ничего
Того, что мы хранимы Светом
И скреплены земным родством.

Из цикла «Листая сельские сезоны»

Зимнее

Сугробы накулёмала зима —
По всей округе снежные курганы,
Дружок из детства – Лёнька-атаман
Уже давно бы с войском неустанным
Рыл одержимо тайные ходы,
Скрываясь ловко от врагов заклятых,
А нынче – только странные следы
Ушедшей ночи на снегу помятом.
Скучает снег по бойкой пацанве,
Её восторгам и ладошкам дерзким,
Как будто есть секреты в баловстве
И магия защиты в шуме детском.
В иной среде играет детвора,
Где роет лабиринты кликом мыши,
На пяточке пустынного двора
Колючий ветер будний день колышет...
Рискнуть бы нам и прокопать тоннель
Проходкой встречной, чтобы душам слиться,
Однако, вряд ли достижима цель —
Не одолеть незримые границы,
И надобности нет в подборе слов —
Язык молчаний у зимы – ведущий...
Диктует волю время холодов
И медленно впадает в год грядущий.

Однажды ночью

Ночь. Улица. Фонарь. Но без аптеки.
Желтеет жидкий свет под фонарём.
У дюжего столба прохожий некий
Раскуривает трубку с январём —
О чём они там шепчутся, ей Богу,
В такую холодрыгу – не понять...
Посмотришь на блаженного, итогом
Закончится с бессонницей возня —
Хлебнёшь мороза, двинув без опаски
В ночную латифундию зимы,
Ни друга, ни врага в такой развязке —
Одни ледышки звёзд глухонемых,
Да купола небесного студённость
Над кронами озябших тополей.
И вдруг под микрокосмом отчуждённом
Земную жизнь почувствуешь острее:
Её чудаковатую фривольность,
И связку с миром – сенсорную нить,
И то, как в этом мире малахольном
Мучительно прекрасно – просто жить!

Ночь удаляется

Ночь удаляется. Тиха.
Луна с неровными краями —
Ещё на небе. И ветвями
К фронтону тянется ольха,
У стен растущая дичком.
Фонарь сутулится и гаснет,
И утро входит без боязни
Быть уличённым, что молчком
Снимает иней палый с троп
И рвётся к заспанным окошкам.
И ты смакуешь понемножку
Рассвета мятного ситро,
Под пледом сидя на крыльце,
Где так томительно и странно
Весны вибрирует мембрана,
И тонет ветер в озерце,
Качая свечи камыша

Из прошлогоднего сезона,
И смотрит в мир замороженно
От зим уставшая душа...

Светится весна

Претензии судьбе – напрасная возня,
Здесь небо господарь,
ему снимать оковы.
Останется тебе от будничного дня
затисканный словарь и подоплёка слова...
Таишь от глаз людских сердечный свой мирок
и вывихи души,
залеченные наспех,
но бьётся, бьётся в стих неугомонный слог —
оформиться спешит и боль придать огласке.
Не ропщешь на беду – превратны времена,
в тщете гражданских смут
плодятся небылицы,
а правда на виду – вон, светится весна
и високосный год обсиживают птицы.
И мокроносый март снимается с нуля —
озвучивать весну
ему уже по силам.
У вечности азарт – разбужена земля,
и тянутся ростки сквозь чёрный лёд к светилу.

Апрельское

Чем сдержанней апрель, тем ярче синька в небе
И Лазаря поёт капелью бывший снег.
Наброском – горизонт, его лесистый гребень
Похож на длинный ряд чернеющих омег.
Щетинится река и плавит лёд под солнцем,
Сбегаёт краснотал к намокшим берегам,
У ветра на виду замашки марафонца —
С утра уже готов удариться в бега.
Улыбку прячет день – ему знакомы вздохи
Разбуженной воды в лекалах мелких луж,
Доволен птичий мир весенней суматохой :
Успешно пережит сезон суровых стуж.
Оттаявший бугор желтеет первоцветом,
У молодых дождей в задумках – кутежи...
Вникая в ипостась, весна листает Фета
И мухой между рам торжественно жужжит.

Свет

Секутся дни и будней галерея
Уже длиннее пояса земли,
И вера в то, что время подобрее —
Своим оксюморонам* веселит.
На старте май —с тугим напругом вёсел.

В зелёной поволоке ближний лес.
Бессмысленная жаль ушедших вёсен.
Признательность бессмертию небес.
Займётся дождь. Присядешь у окошка
С огарком жизни в пальцах ледяных...
Метнётся мимо с воем неотложка,
Срывая неподвижность тишины,
И что-то неожиданно сместится
От бед сторонних в истовой душе —
Что бывших лет сквозная вереница
Ещё не груз в житейском багаже,
Что день высок и грусть – не панацея
От краткости земного бытия...
Смотри, как несравненно хорошеет
Берёза у весеннего ручья —
Для флоры божий мир безукоризнен,
И трели птах звучат наперебой...
И новые неведомые жизни
Небесный свет колышет над тобой.

** оксюморон – образное сочетание противоречащих друг другу понятий, стилистический приём в стихосложении*

Вопрос

Когда изведёт до надрыва вопрос —
Зачем, для чего вышел в люди,
Какого рожна век тебя на износ

Испытывал в благе и блуде,
Как будто по блюду катая судьбу
Обрядовым яблоком страсти,
И страхом грозил, и вгонял в голытьбу,
И часто играл на контрасте —
То вдруг осознаешь не суть в естестве,
Не цель бытия в ойкумене,
Но редкостный случай явления в Свет,
Которому нет повторений.
А мир на азарте – взрослеет весна,
Окрест занимая всецело,
И жизнь на виду – до прожилок видна,
До дальней полоски предела.
С тропинки сойдёшь – одуванчик на шаг
Кивнёт золотистым помпоном,
И нежным птенцом ворохнётся душа,
Забыв о вопросе мудрёном.

У коловерти непогод

От злых дождей дошёл июль
До ручки, до отчаянья,
Но, дань земному бытию
Отдал и рад отчаливать
По бесконечной глади вод
Былым отрезком времени.

У коловрты непогод
Мы запаслись терпением :
Когда материю судьбы
Срывает дикий ветер и
Нет ни дороги, ни тропы
И рядом нет радетелей,
Когда вокруг одна вода
С насупленными рыбами,
И безразмерная беда
Не оставляет выбора,
Когда слеза не ко двору,
А выплакаться надо бы —
В смиренной связке гордых рук
Лихое делим надвое.
И, словно в помощь, по родству
К нам солнце – с милосердием,
И цедит воду сквозь траву,
Как будто пьёт бессмертие...

Дождливое

Разбухшее небо вот-вот
На крыши навалится грузно —
Засилье нахлынувших вод
В моей стороне захолустной,

Забытой Создателем и
Затурканной мамкой-страною...
Четвёртые сутки штормит —
Лихая погодка для Ноя!
В небрежности русских дождей —
Размах и шальная бравада...
Не видно ни птиц, ни людей,
Лишь время течёт водопадом
И вечер к заплыву готов
С надеждой – немного согреться,
И чувство бессилия слов
Тревожит пугливое сердце...

Камо грядеши

Август густеет... Прошёл Маковей
С лёгким весельем от питного мёда,
Смотрят и звёзды на мир веселей,
Выйдя из плена сыпной непогоды.
Пышным рогаликом виснет луна —
Сдёрнуть бы с неба и утром за чаем
Лунную сдобу в медок окунать,
С каждым глотком ощутимо крепчая.
Воздух ночной неподвижен и снул,
Темень в углах – антрацитовый уголь...
Морщится время: « пора бы ко сну...»,
Видимо, хочет прикинуться другом.
Если всмотреться, то видно – среди

Млечных загадок, в небесной прихожей
Тщательно ангел дежурный следит
За исполнением замыслов божьих.
Полный порядок вещей. Благодать.
Око всё видит. В надзоре крошечном
Надо ль тебе, человеке, всё знать
И беспокоиться – камо грядеши?

Между тем

Наблюдаешь за исходом лета —
Углубилась быта колея...
Годы обтесали незаметно
Резвой жизни острые края,
Чувствуешь, как подлинности ради
Колобродят старые грешки,
Пылкая душа к стыду и правде
Тянется рассудку вопреки.
Бережешь мгновения, как будто
Выдали тебе бесценный груз,
Свежее подаренное утро
Осторожно пробуешь на вкус,
Забывая про ночную смуту
И её расхристанные сны,
И смакуешь каждую минуту
Скоротечной божьей тишины.
Время, между тем, обыкновенно
Держит день текущий на весу...

И сквозит бессмертие Вселенной —
Душу обжигающий посул.

Художник Бархаткова Елена

У сентября прохладные ладони

У сентября прохладные ладони,
Пропахшие антоновкой насквозь...
Смятение сокрыто не в Ньютоне,
Что яблокам, увы, не удалось
Преодолеть земное притяженье:
Библейский след отмечился в плодах,
Когда у наших пращуров блаженных
Невинность потерпела полный крах,
И суд Париса – яблоком раздора
Скатился до теперешних времён...
А здешний сад, заросший без надзора,
Несметным сбором яблочным смущён.
По всей земле сакральный плод разбросан —
Красуется в сезонном ассорти...
Листает осень бунинскую прозу

И аппетитно яблоком хрустит.

Художник Чувашев Олег. Туманное утро

На берегу

Туманы октября – на зависть Альбиону...
Тревожный шелест крыл, молчание реки.
Осенний рыжий след – мазком по небосклону,
Посулы дня щедры на стынь и сквозняки.
Но утепился быт, законопатил щели —
Нещадным холодам устойчивый барьер,
И трубы у печей, вытягивая шеи,
Пуускают в небо дым на вековой манер.
А мы на берегу – с горячностью желаний
Не упустить рассвет, его лучей гнедых,
И молча наблюдать, как утро по-сазаньи
Плывёт и режет плоть разбуженной воды;
Где можно быть собой, и чище, и свободней,
Входить, как в отчий дом, в природы естество,
Всецело ощущать присутствие Господне
И души согревать дыханием его...

По кругу

Снежит ноябрь – холодов предтеча,
Готовят вьюги ветры-бодрячки.
Село законопатится. За печи
Набьются домовые и сверчки.
Притихнет время в сельской благодати,
Своей привычной прыти вопреки.
Распетушится местный обыватель,
Гуляя под огурчик и грибки,
Затопит баньку – побряхтеть с соседом
Под веничком, под ношей будних лет,
Пропарить хворь и бытовые беды,
И снова полюбить господний свет...
А мир широк – он кажется без края,
Лежит в снегах безмерная страна.
По кругу ход. И память вековая
Глядит глазами детства из окна.

Роман Гарпинюк

СТИХОТВОРЕНИЯ

Антиквар

У старого комода за спиной,
у древнего слепого антиквара,
хранился колобочек небольшой,
творение безумного Икара.
За древней занавеской стеллажа,
покрытый пылями и рунами Декарта,
пылился глобус, круглый как кирпич.
А для кого-то не кирпич, а вовсе – карта.
Основа плоской плоскости планет,
возможно, Солнца иль Альдебарана,
обширности земель и вод портрет,
размером чуть более стакана.
Частенько к антиквару заходил
разумный брат, соседский кот Василий,
составить пару партий в бильярд,
да мышь поймать, хотя и не просили.
Копились древности,
вздыхали комары, что все завалено,
мол, примоститься негде даже.
Наслушавшись страданий мошкары,
старик решил устроить распродажу.
Всё по рублю! Хотите «кладенец»?
Почти что новый! Сводный брат Кощею!
Пандоры ящик? Лавровый венец?
Или путевку на Кассиопею?
Вот книги есть, с картинками и без,
трактат про пирамид подъёмный кран,
цепь золотая, снова «кладенец»...
и глобус есть, размером со стакан!
Кто приходил чего-то умыкнуть
у древнего слепого старика,
кто цокал языком и видел путь,
поглаживая книжные бока.
Торговля шла и ночь, и день, и ночь.
Не проданы остались лишь клюка,
да старый глобус с видами планет
в полёте с колокольни в облака.
Присевши в кресло малость прикорнуть,
старик увидел сон, а в нем – река,

глаза, как прежде, видят ясный путь,
и глобус есть, и свет, и облака!

27.03.2025.

«Пусть ликом тёмн...»

Пусть ликом тёмн,
пусть – седые мысли,
пусть пламя за спиной,
а жизнь на вираже —
не бойся. Оглянись вокруг,
постой, помисли.
Ведь всё – случилось, в мире – Бог уже.
Принес волнение в головы, прозрение,
потоком света и слезой души,
лучами созиданья и творенья,
поэта словом и струной в тиши.
Потерян если путь – послушай сердце,
пусть даже жизнь покажется не та.
Твори добро. Твоё сердечко – дверца,
ключ от любой двери или замка.
Твой Бог – в тебе. Он рядом, он – поможет!
Открой глаза и просто сделай шаг!
Дорогу – пламя за спиной тебе покажет,
осветит путь, рассеет тьму и мрак.
Иди. Ты – Бога сын.
Плохой или хороший – не важно.
Важно – ты любим Творцом,
отцом и матерью, детьми, соседом – тоже.
Люби и ты. Люби, не будь скупцом
Пусть злоба и печаль, что душу гложет
горят по-ярче да по-веселей
в огне, что за спиной
А Путь тебе проложит
твой Ум и Свет Добра в Душе твоей.

29.03.2025 г.

«Сомнений в мудрости пропетых смыслов слов ...»

Сомнений в мудрости пропетых смыслов слов —
не может быть, в них языки творенья
слились, сроднились и переплелись,
как будто в печке – с пламенем поленья.
Как-будто сотни разных языков
вдруг зазвучали разом, в унисон.

Как-будто горн Судьбы в трепещущем астрале
запел, и песней – прогоняет сон.
Он разбудил пока лишь тех, кто чуток,
кто памятью души не заржавел.
Кто счет ведет столетьям, не минутам.
Тех, кто познал алеющий предел.
Он разбудил драконов...
Племя мудрых, стяхнувши цепи векового сна,
вдруг огляделось и сказало:
«Утро! И снова – Жизнь!
Пусть в Мир придет – Весна!»
На Рождество, с приветом из-за речки,
писал спросонья старый Чин Гач Гук,
что кость болит, и пролежни от печки,
и трубка мира разгорелась вдруг...
В пустынях заокраинных земель
проснулись динозавры...
На поляну, что в роще, выполз и Горыныч-Змей.
В просторах дальних, на востоке суши,
где древние текут потоки грёз,
проснулся самый первый, что на юге
известен под личиной «Урборос».
Назвали странно?
Почему же странно?
По роду, что за камнем Ур пророс.
И имя дали верное смутьяну —
Ур Древний, из большого рода Росс.

03.03.2025.

Басня

Однажды, среди глухих болот,
на перекрестке плит,
сидел себе дракон один,
разгадывал гамбит.
Лет триста он не вылезал из вотчины своей,
цветочки нюхал, уважал и пташек, и зверей.
По дури не ломал лесов, не жег окрестных сел.
Да вот, на змееву беду, завелся новосёл.
Из-за неведомых земель
в покой окрестных мхов
явился дятел! Небольшой,
но клюв – не для лохов.
Назвался почтой. Нет, не так...
Великой Почты Граф.
Короче, завелся теперь
в болоте – телеграф.

С гамбитом стало не в протык...
Дракон, было, взгрустнул...
Но тут, связисту на беду,
пожаловал Манул.
Мужик серьезный, палкой хвост, в соседний шел аул.

Зашел чайку попить, а тут...
связиста – шуганул.
Манул – он в шашках не дурак.
Сыграли пару раз,
да под прохладный ветерок раскинули пасьянс.
Собрались даже задремать, уже к шести утра,
но тут с соседнего дупла раздалось «тра-ра-ра».
Манул обиделся, вздохнул,
Пошел в машинный зал,
И дятлу эту «тра-ра-ру»
На узел завязал!
...и стала вновь среди болот со связью – красота.
Дракон – не любит телеграф, а телеграф – кот.
Мораль сей басни такова:
Коль с дятлами беда —
попей чайку или пивка,
и... заведи кота.

РОЖДЕНИЕ ОХОТНИКА

Легкие струи теплого летнего дождя мерно стучали по пологу палатки, навевая дремоту, расслабляя мысли и чувства. Легкий ветер в вершинах деревьев перебирал свежую листву, сбрасывая на палатку более крупные, звонкие капли воды, добавлявшие к мерному шуршанию разные перестуки и перезвоны, рождавшие особую мелодию. Михалыч лежал под раскрытым пологом, слушая тайгу, наслаждаясь свежим, после дневной духоты, ветерком, разогнавшим гнус и мошкарку с открытого берега косы, на краю которой приютилась палатка. Мысли неспешно сменяли одна другую, накатили воспоминания...

Художник Тихменев Евгений Александрович

Бродяжничать он начал давно. Сразу после армии. Послужил Родине, в одночасье превратившись из жизнерадостного мальчишки в хмурого и нелюдимого мужика, сторонящегося человеческого общества. В той войне не победили, потому и общество не с шибко распростертыми объятиями принимало парней. Сначала, было, занялся промыслом на старых дедовских угодьях. Не получилось. Участок был заброшенный, отец охотой не занимался, охотились – кто придется, в основном браконьеры. Лихие 90-е... Потом были сезоны у золотодобытчиков, маршруты с геологами и геодезистами, прокладка нефтепровода, снова работа с геологами, в парашютной группе Авиалесохраны. Помотала жизнь. Семьи Михалыч так и не нашёл. К пятому десятку годков решил вот вновь заняться промыслом, благо, что времени у пенсионера вполне хватает. Бурная жизнь так и не стерла с его души отпечаток военной молодости. Комфортно он себя чувствовал только в тайге, вдвоем с верным псом местной дворово-лаечной породы Кузькой.

Решение возродить дедовский участок, навести там порядок, родили два, вроде ни как не связанных друг с другом, события. В небольшой старой Тындинской церкви окрестился Михалыч в православную веру, считая, что духовно для этого созрел. Нет, фанатиком, бить поклоны и ходить ходом, он не стал. Просто стал верить и все. Просто отдыхал душой в стенах Храма Господня, обретал покой. Просто принял Заповеди господни и старался им следовать, но и душой не кривить, по совести. Другую щеку все равно не подставлял. Вторым событием стала одна встреча на безбрежных таежных просторах...

...Стоял горячий, душный, сухой июнь. Этот год дождями землю не баловал, мужики – пожарные практически не появлялись дома. Прыжки на бесчисленные пожары, авралы, дежурства. К концу месяца, наконец, пошел долгожданный дождь. Затушил тайгу, пополнил ручейки и речки. Михалыч пошел в отпуск.

Отпуск он решил провести, как обычно, на свой лад. В тайге. Договорился с руководством о заброске «попутной лошадю» в вершину не большой речушки на самой северной окраине дедовского промыслового участка и был таков. Сплав по родным с детства местам, в которых давно не был. Это как встретиться с собой самим тогдашним. Это сложно передать словами. Это был НАСТОЯЩИЙ отдых, без мирской суеты, в тишине, наедине с природой и собой.

Остановку на пустынной речной косе Михалыч запланировал заранее. Очень хотелось сходить проведать заветное озерцо, показанное еще дедом. Озерина находилась у подножья высокой сопки, метрах в пятистах от реки. Имела форму подковы, один край которой был мелкий и поросший всякой водяной растительностью, а второй – не известно глубокой глубины, в которой обитали матерые, с золотым отливом, темные караси. Сердце помнило тот детский щемящий трепет, когда на крючке барахтался широкий, золотистый, килограммовый увальень.

На озеро Михалыч, местами по макушку утопая в девственных травах, добрался только к вечеру. Клева не было. Зато нашел, повешенные на дерево еще дедом, алюминиевые мордуши. Правда, требующие починки. Решился утречком с инструментом починить их и поймать таки карася. Следующий день пролетел незаметно. Отремонтировал мордуши, благо всякие пассатижи-кусачки в инструменте всегда имеются, наловил крупных голянов на жареху. Ближе к вечеру, настроив на ночь мордуши, по уже себе вполне заметной тропинке из поваленных трав, двинулся к лагерю.

Стон раздался внезапно, за спиной присевшего на валежину Михалыча. Из-за стены травы. Почти человеческий, полный боли и страдания. Аж! мурашки по спине пробрали мужика. Михалыч, разгребая траву, двинулся на звук.

На совершенно чистом, без единой травинки на земле и листочка на кустах, пятаке, метров восьми диаметром, лежала изюбриха, полными слез глазами глядя на появившегося вдруг человека. Заднюю часть ее туловища, сразу за животом, разорвав шкуру до костей, туго стягивала оборванная браконьерская проволочная петля. Поймалась она, видимо, уже давно. Ковыляла себе потихоньку, пока не наступили последние месяцы беременности. Раздувшийся живот еще сильнее вдавил металл в плоть, отяжелевшая мамка ковылять уже не могла. Задние ноги совсем отказали, вот и съела все, до чего могла дотянуться. У Михалыча от такого зрелища аж! руки затряслись и потекли слезы. Осторожно, чтобы сильно уж совсем не пугать зверя, на ходу в котомке шаря бокорезы, он подошел ближе. Изюбриха попыталась встать, толкая себя передними ногами, но силы ее уже, видимо, были на исходе. Она бессильно затихла, глядя широко распахнутыми глазами на приближающегося человека. Медленно, со спины, что-то приговаривая, убаюкивая как ребенка. Михалыч подошел к лежащему зверю. Единственное место, где было возможно перекусить петлю – на голых белых костях крупа и позвоночника. В других местах проволока очень глубоко скрывалась в живой плоти. Изюбриха изогнулась,

всхрапнула, дернулась и замерла, глядя на протянутую к ней руку человека. Под губками боко-резов туго натянутая петля лопнула, Михалыч отпрянул, задом пятясь прочь с поляны...

Всю ночь не спалось. Разные думки одолевали: про изюбриху – выживет ли, про его величество случай, или судьбу, или Господа Бога, натолкнувшие его, Михалыча, на погибающего зверя. Рано утречком пошел на озеро. Дедовские снасти не подвели. С десятков крупных золотистых красавцев-карасей трепыхались на берегу. Собрав улов и определив снасти на их законное место, отправился в сторону табора.

На вчерашнюю поляну ноги привели его сами. Остановился на краю, прислушался. Никого. Уползла, значит. Уже повернулся было уходить, как странное ощущение, будто в спину смотрят, заставило обернуться и чуть внимательнее глянуть на траву с краю поляны. Буквально в паре метров от Михалыча, на пяточке свежей травы лежал еще мокрый, в белых пятнышках, новорожденный изюбренок и смотрел на человека своими только открывшимися, громадными, черными глазищами. А метрах в пяти, чуть в стороне, из кустарника, на человека смотрела мать. Так и стояли с минуту. Потом Михалыч повернулся и ушел, мысленно вознеся хвалу Господу.

...Дождь все шептал над пологом, баюкая улыбающегося во сне мужчину. Рано утром Михалыч проснется, закинет на спину тяжелую котомку с солью, на плечо – косу, и пойдет строить на дедовском озере солонец и косить траву. Для крестника...

21. 05. 2015 г.

«МЫШ»

Сказка для дочки

За окошком бушевала первая ноябрьская метель, снежными зарядами стуча в стекла, завывая ветром в трубе и дымоходах уютно потрескивающей печки. Морозы еще не сковали прочным льдом и вся, случались оттепели, но холодное зимнее дыхание ощущалось вовсю. Ромка сидел у темного окна, наблюдая за игрой снега за стеклом, его младшая сестренка Аленка перебирала своих кукол, укладывая их спать. На спинке старинного дивана, растянувшись вдоль печного обогревателя во всю длину, возлежал Василий Васильевич. Василий Васильевич – это кот. Здоровенный, пушистый, добрых пяти килограммов весом. Такого поневоле начнешь величать по батюшке. Масти Васька был черной, с белыми пятнами на груди и лапах. Длинный пушистый мех увеличивал котейку в видимых размерах как минимум в пару раз. От этого домашний любимец казался величиной со среднюю собаку, чем всегда удивлял видевших его впервые людей. Толстым Васильевич не был – сосредоточие мускулов и сухожилий. Кажущийся ленивым и медлительным, в свои шесть лет он был чертовски сильным и опасным хищником. Крыс и мышей Васильевич не терпел на своей территории органически. Доставка-лось так же и вездесущим воробьям, а в доме – даже мухам и паукам. Ни кому спуска кот не давал – ни добыче, ни чужакам, ни собакам, ни людям – просто так не погладишь.

Единственным исключением были бабушка и маленькая Аленка, которым Васильевич позволял делать с собой абсолютно все, что угодно. Стоически терпел любые мучения и беспрекословно слушался. Бабушку Васька слушался потому, наверное, что она бабушка. Бабулю любили и слушались все, от куриц и коров до деда. От нее всегда пахло парным молоком, теплом, лаской и уютом. Правда, если уж кому доводилось набедить так, что бабушка начинала ругаться – тут и воробьи примолкали. Но такое случалось весьма и весьма редко. Аленку – слушался еще больше, чем бабушку. Видимо потому, что были они почти ровесники по годам, даже Аленка чуть младше. Выросли вместе. Кот, естественно, был и самой любимой игрушкой, и самым большим другом девочки. Охотничьи уголья у Василия Васильевича – весьма обширные. В зону его особого внимания входил дом, с двумя подпольями, в которые для кота был проделан лаз, летняя кухня с подвалом, в летнее время в нем хранились припасы, и зимняя кладовка с подполом-ледником. Ледник являл собой железный короб, врытый под полом кладовки в землю. Зимой вокруг короба заливали воду, которая замерзала. Хранили в этом холодильнике продукты почти круглый год, кроме осени. Осенью короб пустовал, заполненный талой водой, просачивавшейся через свищики старых сварочных швов. Так же под особым контролем была стайка, где жила корова с курами и поросенком, гараж и баня. Ну и, естественно, вся прилегающая к указанным объектам территория – тоже, само собой, стороной не обходилась.

Охотничья жизнь Васьки проходила как-то не на виду, но на подконтрольной ему территории все было всегда спокойно... до тех пор, пока со «страшным хищником» не случился один казус...

...Мышь был маленький. Не совсем чтобы уж мышонок, но и не взрослый еще. Жил себе – не тужил в чистом поле с собратьями полевыми мышами, пока не угораздило его, по молодости и глупости, залезть в мешок со свежесобранной картошкой. Таким вот не хитрым способом в тщательно охраняемые Василием Васильевичем владения проник «диверсант». Поначалу Мышу жилось очень не плохо. Оправившись от первых страхов и обследовав новую территорию, он устроился на житье в уютной покинутой теплой норке под печным срубом. Соседей не было, еды – навалом. Не бедствовал, короче. Даже наоборот – поправился, шкурка заблестела. Кот совершенно не беспокоил, по той простой причине, что в подполье не появлялся, хотя каждый угол запахом просто кричал Мышу о присутствии грозного стража. Обойденными Васькиным вниманием подполья под домом оказались потому, что с наступлением холодов работы у кота изрядно прибавилось. Вся мышиная и крысиная братия, летом вольготно проживавшая в окрестных куцах, ринулась туда, где тепло и можно комфортно перезимовать – к человеческому жилью. Потому и дел у Васильевича было просто невпроворот.

Отдушины человеческого жилища, стоящего на крепком фундаменте, были забраны сеткой. Так что, попасть в закрома можно было только через дом, в котором кот до морозов

появлялся очень редко – предпочитал жить на свежем воздухе, ночуя на сеновале и отлавливая прищельцев в более доступных для них местах. С приходом настоящих холодов перебрался Василий Васильевич на «зимние квартиры». Вот тут-то и настали для Мыша по-настоящему трудные времена – кот явно чуял чужака в доме и караулил его. После появления в доме «охранника хозяйских закровов» Мышу пару недель удавалось избегать когтей и зубов. Все кончилось внезапно – в темноте и тишине подполья Васька изловил таки прищельца! Изрядно придушив добычу, Васильевич потащил Мыша наверх, с явным намерением перекусить в тепле и уюте... Поиграть с завтраком коту не дала маленькая Аленка, впервые увидевшая жестокие кошачьи игрища. Девочке стало очень жалко беззащитную мышку, едва шевелящуюся, но еще живую. Пределов гневу маленькой хозяйки просто не было!

Во-первых, Васька был схвачен за шкуру, поднят в воздух и как следует оттрепан. Во-вторых, Мыша отобрали. В третьих, Васильевичу была прочитана такая жаркая проповедь, сопровождавшаяся грозным перед носом пальцем, что ему пришлось зажаться под табуретку на кухне и, прижавши уши, молча сидеть там в течении приличного времени. Весь день девочка не отходила от полуживого Мыша. И баюкала его в руках, согревая теплом ладошек, и укладывала его на чистую тряпочку, постеленную в специальной банке, уложенной на бок и накрытой ой крышкой, и периодически гоняла бедолагу-кота, дерзнувшего высунуть нос из-под табуретки. В итоге Ромке пришлось смастерить небольшую клетку из остатков металлической сетки, пошедшей на изготовление мордуши – уж на то он и старший брат. Клетку снабдили маленьким картонным домиком-норкой с подстилкой из сена и кормушкой с поилкой. Мыша поселили в новое жилище, определив клетушку повыше, чтобы Васильевич не добрался. Аленка внимательно следила за состоянием пациента, заглядывая одним глазком в домик. Даже ночью просыпалась.

Через пару – тройку дней спасенный очухался и впервые высунулся из своего домика на водопой. Его старались не пугать, но убедить маленькую Аленку не пытаться общаться с новым питомцем было весьма и весьма трудно. По прошествии еще нескольких недель, Мыш вполне освоился и в новой квартире, и с новой хозяйкой, не убегая из ее рук и даже умудряясь дремать у нее в теплом кармашке на прогулках. Девочку он не боялся совсем, оплачивая преданной любовью свое чудесное спасение. Остальных обитателей дома Мыш опасался, но тоже привык, хотя в руки не давался. Клетка была надежной защитой от котовых поползновений восстановить справедливость, так что – жизнь налаживалась. А вот для Василия Васильевича наступили «смутные времена». Чуть ли не ежедневно маленькая хозяйка отлавливала его и за шкуру тащила к поселению нового квартиранта. Потом, приблизив кошачью морду к клетке, гневно и грозно читала проповеди, строго грозя Ваське пальчиком. Васька терпел, куда деваться. Привык даже. Даже запах из клетки и вид Мыша надоели и не возбуждали привычного охотничьего азарта. Вот что значит сила слова! Особенно когда ни одного не понимаешь. Такое житие могло бы продолжаться долго, если бы в один прекрасный день Мыш не пропал из своего убежища... Гром грянул внезапно – Аленка залилась слезами в три ручья, обнаружив чуть приоткрытую клетку пустой. -Ну, а кто виноват? – Конечно «наглая лохматая морда»! Какие сомнения!

Запопал Василий Васильевич в опалу на неопределенный срок. С высылкой на поселение, «на Севера», на сеновал то есть. Пока страсти не улягутся. Впрочем, ссылка не была такой уж совсем строгой – для кормежки Ваську в дом все-таки пускали. А вот кота-то совершенно напрасно обвинили во всех тяжких грехах и подвергли гонениям. Он был абсолютно ни в чем не виноват. Клетку Мыш покинул совершенно самостоятельно, через дверку, которую Аленка просто забыла закрыть. Временно затихарившись под комодом и переждав бурю, связанную с обнаружением пропажи и выдворением кота из дома, под покровом темноты, он перебрался в более удобное убежище. В пустоту под неплотно прибитым плинтусом возле печки. Вполне

себе норка. Тепло, сухо, да и за едой далеко бегать не нужно – в метре кошачья миска, возле которой всегда есть чем поживиться.

Сначала Мыш боялся подходить к еде, все-таки запах кота был очень сильным. Однако голод – не тетка. Сперва он пытался найти пропитание где-нибудь в других местах, но не очень удачно. Потом, постепенно смелея из-за отсутствия «вражины» в доме, начал постепенно приближаться к миске, хватая крошки и со скоростью пули скрываясь с ними под плинтусом. Через неделю Мыш уже до того осмелел, что спокойненько трапезничал прямо возле котовой миски, иногда высовывая свой нос из-под плинтуса даже днем – кот не появлялся, все было спокойно. Через некоторое время, когда пропажа Мыша уже позабылась Аленкой, коту «сменили режим» – стали пускать в дом – морозы на улице крепчали, самый разгар зимы. Вот тут-то и обнаружилась эта самая «пропажа». Мыш преспокойненько себе перекусывал возле кошачьей чашки, когда на кухне неслышно появился Василий Васильевич. Завидев добычу, кот мгновенно подобрался в тугую пружину, готовую распрямиться молниеносным прыжком. Поджался, собрался и... вот тут казус-то и произошел. Вместо того, чтобы в доли секунд не оставить от дерзкого и мокрого места, Васык как-то странно потянулся и осторожно понюхал оцепеневшего Мыша, а потом, совершенно беззлобно и даже лениво, не выпуская когтей, катнул его в сторону печки. Не веря в свое спасение, пробуксовывая всеми четырьмя лапами и даже хвостом на крашеном полу, со скоростью света, Мыш метнулся под спасительный плинтус. А Васильевич, проводив беглеца взглядом, как-то уж совсем по-человечески вздохнув, принялся лакать из миски молоко.

Художник Наталья Нетронина

Ни кто не знает, сколько длилась эта странная дружба непримиримых врагов, но то, что Мыш проживал в доме в присутствии кота – факт совершенно точный. Других грызунов и следов их деятельности в доме не встречалось. Один раз поздней осенью Мыш показался людям. При совершенно странных обстоятельствах. Было начало ноября или конец октября. Морозцы уже прихватывали хорошо ночью и по утрам. Начали забивать домашнюю скотину. Ромка таскал в холодную кладовку куски свинины, развешивая их на крюки под потолочной балкой, когда из-под его ног с писком метнулась в сторону мышь. Но не убежала, а начала нарезать круги по крышке ледника, словно пытаясь в щелочку пролезть под нее, при этом,

совсем не пугаясь человека. Под крышкой чего-то скреблось, булькалось и хлюпалось совершенно отчетливо. Рывком Ромка открыл люк. В глубине железного короба, в талой воде, плавал, а вернее сказать, уже нырял, выбившийся из сил Василий Васильевич... Больше Мыша ни когда не встречали, как, впрочем, и других мышей. А от памятного случая осталась в семье одна традиция – насыпать где-нибудь в укромном уголке крошек. Для Мыша.

ЗИМНЯЯ ОХОТА

Ворона достала орать. Чего ей с утра не спится, заразе? В зимовье тихо, только этот «чернявый передатчик», на совершенно голой, сухой листвянке, голосит на всю тайгу. Чертыхаясь, вылез из спальника. Выпустил «народ» на улицу. Для Гека с Чуком утренний моцион уже в привычку вошел. Правда, коту все-таки пришлось немного объяснять, что это полезно – гулять с утра. Момент воспитания, так сказать. Выясняли, кто в доме хозяин.

Уже неделю живем на «дальнем». Всем «семейством» и переехали. Кот местами на мне ехал, местами пешком шел, но добрались. Сразу же, в зимовье, мышам Чугундер устроил «глобальный цурюк и кирдык». Всех разогнал. Даже по снегу цепочки следов прочь от домика тянутся. Всемишинная эвакуация, однако!

Снежку упало хорошо. Почти по колено. Протоптал лыжню по двум путикам, по дядькиным. Собственные – еще пока только в проекте, хоть примерная трасса и намечена. С новыми путиками решил еще не спешить потому, что не известно, будет зверек по сопкам держаться или же к реке спустится. Не будем торопить события.

Гек днями пропадает в сопках. Изредка полаивает. Пару раз ходил на голос, явно держал кого-то. Не удалось подойти. Подшумел оба раза зверя. Первого – по буреломнику, а второго, быка, – ветерок подвел, потянул с моей стороны.

Пора, наверное, по времени, и путики поднимать, морозец хороший ночами. Заяц по кустам носится, как дурной. Надо бы добыть парочку, капканы зарядить. Любит братец колонок братца зайца просто братской любовью. «Я к русскому духу не очень строга, люблю его сваренным в супе...», как одна Баба Яга пела.

Колонок уже отлинявший должен быть, выходной. Соболя – так присутствия и не заметно. Правда, это еще не факт, что его тут нет. Поставлю, наверное, пяток петелек на зайчика. Не с собакой же их стрелять бегать. А пока ловятся – по мяску попробую. Склон сопки весь побит, свинина ходит. С карабина вполне реально сработать пару-тройку подсвинок. Да по времени уже бы и гостей ждать из дома можно, будет кому мясо увезти. На том и порешил – сначала зайцы, потом все остальные.

На зимухе обжился, выходить в «поля» не хочется. Мне здесь, на «дальнем», больше нравится. Уютней тут, что ли. Да и домик теплее, и поновее. Есть в нем и моими руками положенные венцы. И место красивое, тихое. Тишину таежных снегов, из звуков цивилизации, нарушают только самолеты в вышине, да радиоприемник в зимовье. Люблю нашу тайгу – мамка суровая, но такая ласковая и родная. Здесь я по-настоящему дома.

Чук заметно подрос, взрослый уже. После памятной битвы с сойками стал совсем самостоятельный. Кормится охотой. Но отчетность – строгая. Поймает мышь или птичку и ходит за мной, докладывает. Будет ходить, пока не погладишь и не похвалишь. А с Геком вообще, как братья живут. Вот уж ни когда бы не подумал, что собака с кошкой так дружно жить могут!

Сегодня с Геком идем на «южное». Ближе к реке. Там, по морозцу, на поросших тальником песчаных косах, устраивают зайцы свои зайцегонки, зайцезабеги, зайцезапрыги и прочие соревнования. Кормятся в других местах, а побегать – там любят.

Чук остается за старшего, на хозяйстве. Привык уже, что ухажу на весь день или дольше. У него и лежанка на крыше специальная есть для таких случаев. Еще бы научить печку топить – вообще бы цены ему не было! А что, красота! Приходишь, в доме тепло, чисто, ужин на столе, кот в передничке шуршит...

Тьфу ты, блин! Давненько из дома, что ли? Уже коты в передниках мерещатся, хорошо хоть не голые!

Не дошли до «южного». Госпожа фортуна резко решила поменять наши планы. Отошли буквально пару километров – Гек кого-то причуял. Постоял, потянул носом воздух и ломанулся

в заросли ольховника у подножия сопки. Низкие кусты, разлапистые, попеременно с сухими палками, ломающимися при малейшем прикосновении. Будь ты хоть Коперфильдом, а тихо не пройдешь. Остановился, закурил, жду. Сигарету выкурить не успел, как в самой середине ольховых кущей зачастил, захлебываясь лаем, Гектор. Кого-то лает, однако. Надо идти...

Как в детстве, поднял над головой «слюнявый» палец – ветерок на меня тянет и чуть в сопки. Хороший ветерок. Накинул маскхалат, вернулся по тропе до границы ольховых зарослей, свернул на склон сопки, чуть выше кустов. Подойти реально только таким путем, иначе подшумишь. Гек заливается метрах в пятистах от меня, чуть ниже, в кустарнике.

Лыжи сбрасывать не стал, по снегу без них нашумишь гораздо сильнее. Будешь проваливаться, ломать палки ногами, а на лыжах – скользи себе, переступай, камус на подбое даже шуршание снега гасит. Лыжи дядька Вовка подарил, в прошлую зиму. Ловкие самоходки.

Крадусь. Все внимание приковано к собаке, вернее, к тому месту, где сейчас собака. А собака моя голосит метрах в двухстах, по прямой если, но где именно среди кущей – не видно.

Впереди околочек молодого листвяка. По низу соединяется с ольховыми зарослями, только через верх обходить. Бочком лезу на сопку. Обошел, чуть выкатился из-за листвянок... опаньки! Гектор мой – как на ладошке. Крутит вокруг куста какого-то густого. Метров сто пятьдесят до него, может чуть больше. Перешел пяток шагов по склону, присел...

Густой куст на деле оказался еще и сохатым. На собаку – вообще ни кой реакции. Перейдет пару метров, снова стоит, даже пасется, по-моему. Жаль оптики ни какой нет, забыл на «резиденции» глаз от бинокля, не рассмотрю.

Глянул по сторонам. В паре метров и чуть выше по склону – валежина и пень. Самое то для упора. Тихонечко перебираюсь выше, за дерево. Скинул лыжи, обтоптался, сел прямо на склон – низковат упор. Переполз за пень. Прицелился. Пар изо рта мешает, закрывает обзор. Замер, задержал дыхание, плавно, как учили, надавил на спуск. Грохнул выстрел...

Дальше все произошло одновременно. Сохатый сорвался с места и, под треск ломающихся кустов, пропал из вида в ольховнике. Гек замолчал и исчез следом за быком. Я перезарядил карабин. Снова треск сухостоя и из того же околка, метрах в десяти ниже, вываливается бык. На автомате – стреляю. По лопатке вроде, но идет, словно я промазал. Сохатый отворачивает от меня и, почти юзом, начинает уходить в кусты вниз по склону. Из зарослей, откуда чуть раньше появился бык, вылетает Гек, мчится следом. Стреляю еще раз, в угон. Зверя словно сильно толкнули – падает через голову, пытается подняться, но катится по склону. Еще раз выстрелить не успеваю, бык, вместе с собакой, скрываются за кустами.

Закурил, присел на валежину. Внизу в кустах – возня, Гек рычит. Сбил значит быка, раз уж Гектор там глумится, стрижку делает, «рыжий парикмахер». Пусть, заработал по честному, ему тоже пары выпустить надо. Иду к собаке, бычка свежевать.

Как ни искал, первое попадание так и не нашел. Одно попадание под лопатку, через грудину навывлет, еще одно – в горб, в аккурат по позвоночнику. Больше ни каких отметин. Делаю вывод, что первый раз промазал. Или рикошет. Шумовой бык, пуганул я его просто хорошо, а Гек – пригнал. Хотя, и собака, скорее всего не при делах, сам прибежал. Единственное – добавила кипишу, наверное, к испугу, вот сохач и ломанулся не глядя куда, лишь бы бежать.

Провозился долго с мясом. Потом пришлось ломать дорогу по ольховникам до основной тропы. Потом «потаскушки». На лыжи – шкуру, на шкуру – мясо, и вперед на штурм. На тропу добычу вытащил уже в глубоких сумерках. Бросил все как есть – ни каких сил не осталось, а еще до дома чинчиковать два километра. Укрыл шкурой мясо прямо на земле. Сверху кинул мокрую насквозь от пота тельняшку, пару гильз, переоделся в сухое, чтобы не простыть, и домой. Хватит приключений на сегодня.

В зимухе, пока разгоралась печка, махнул пару стопарей под строганинку. Отпустила усталось маленько, разморило. Подкинул дров и мгновенно уснул. Утро, как известно, вечера мудренее.

За ночь на требухе успело подраться штуки четыре колонка – столько по следам насчитал. И соболек приходил. Если это все местные, то плотность зверька очень высокая, нужно не тянуть с капканами. Мясо надо как-то до «южного» доставлять. Туда то можно и на машине по Уркану подъехать, чтобы забрать. Решил делать сани. Давно собирался, а тут уже и нужда прижала.

Весь день провозился с санями, только и успел, что сбегать на требуху поглядеть, да мяска на прокорм принести. Остальное время плотничал.

Спил осину в распадке. Давно на нее «зуб точил», хотел на заготовки для лыж пустить. Отрезал чурбак двухметровый. Расколочил на доски-дранки. У меня даже инструмент на зимовье специальный есть для этого – нож такой с двумя ручками поперек лезвия. Забиваешь нож, потянул за ручки – лезвие заламывается и колет дерево. Так постепенно и двигаешься

вдоль чурки, дранку дерешь. С десяток замечательных дощечек получилось. На зимовье, над костром, загнул полозья и доски для низа короба-лодки, чтобы из глубокого снега вытаскивать легче было.

По утру, прямо из мерзлых досок, собрал транспорт. Тяжеловатая конструкция, конечно, сырая. Но все лучше, чем на горбу таскать мясо. Как говорят, лучше хреново ехать, чем хорошо идти. В моем случае – лучше хреново возить, чем хорошо таскать.

Колею саней промерил, чтобы ложилась в ширину лыжни. На полозьях – крупные неровности зачистил сначала ножом, потом прошелся осколком стеклыны. В качестве последнего штриха, полил все это дело водой. Почти мгновенно полозья и низ короба покрылись тонкой ледяной коркой. Все, готов транспорт. Лыжня схватилась хорошо, держит мой вес даже без лыж. Портить жалко трассу. Пробую на лыжах. Ну что же, камус держит, отката нет. С пустым корытом вполне можно и на лыжах идти. Самый замечательный плюс – тропа, почти до самого «южного», идет под уклон, ни одного бугра.

До мяса докатился довольно быстро. По насту лыжни вес саней почти не чувствуется, просто как с рюкзаком идешь. Я и сбрую то от старого РД приспособил к веревке от саней. Удобная вещь, эта армейская амуниция.

Два дня таскался. За ходку – один зверь, ходка в день. Ночевать возвращался на «дальнее». В первый день, по приходу на «южное», сходил, поставил петли. На следующий день, из пяти петель, в трех сидели косые. Крупный заяц, не грех и для себя приготовить, побаловаться.

Весь вечер в чугунке томила зайчатина. Запашина – на всю тайгу. Как ни кто в гости не заглянул на запашок? Странно...

Утром сбегал, снял еще трех зайцев и затянул петельки на время, пока хватает путики зарядить, а там поглядим. Один косой живой сидел, за пузо поймался. Ну и везет мне что-то в эти дни – просто нереально!

Сразу же иду на путик. Тут, в самом начале тропы, надрезаю зайцу вену под челюстью, привязываю его на палку за задние ноги, палку на плечо, и вперед. Кровь капает из зайца не часто, по капле через метр-два. В самых удачных, на мой взгляд, местах оставляю куски зайчатины – по четвертине тушки. Косой на палке долго не проборолся, конечно, но на добрый километр, а то может и больше, кровушки накапал. Порубал и его на куски. Капканов ни одного не ставил. Надо погодить, определиться, где и как именно ставить.

Через пару дней пошел расставлять капканы. Несколько поставил вокруг остатков требухи, на выходах под след. Ходят, жируют, «ржавые».

Полностью насторожил все капканы на путике. Перспективных для лова мест наметилось с десяток, к остальным приманкам, кроме соек, ни кто не подходил. Зато в пяти местах до драки за кусок у ребят дело дошло, все укатали вокруг зайчатины. Ну ни чего, снарядил я им и тут подарков.

Там, где накапал кровью, везде следы по лыжне, разной давности, совсем свежие – тоже есть. Как любил говаривать дядька: «Если гора не идет к Магомеду, значит он не правильно ее приманивает!»

Поймал еще пару зайцев. В планах – идти на «северное», оттуда путик поднимать. Белки много по сопкам. Сходил, достал из схрона мелкашку, старенькую ТОЗ-8. Я учился стрелять с этого ружья, маленьким совсем пацаном. Так и живет здесь, как дядька оставил. Документы от нее, по рассказам, еще в послевоенные годы сгорели в пожаре. Вот с тех пор она в тайге и прописалась.

Почистил, помазал, привел в порядок – вполне себе машинка. Стреляет – как в детстве, в копеечку. Горсть патронов тут, на зимухе, есть – хватит пока на первое время. Завтра пойду в сопки, на «северное».

Как говорят в народе – человек предполагает, а Бог располагает. Ночью запуржило. Жестокий северо-восточный ветер до рассвета стонал и выл в вершинах деревьев, лупил колючими снежными зарядами в окошко. К утру ветер чуточку притих, но снегопад не прекратился. Сиж у окошка, гляжу на непогоду. Мысли одна другой мрачнее. Сейчас и лыжню заметет повсюду, и капканы. Столько трудов – псу под хвост! Обидно. Капканы, скорее всего, не поймали до снегопада ни чего, а сейчас уже точно не поймают. Да и не придет ни кто к ним, в такую погоду.

Три дня в зимовье просидел. Непогодь прекратилась. Пошел бить лыжню по тропе на «южное». Зайду на требуху, обратно – путиком. Капканы то выдирать из-под снега – надо.

Ошибся я в прогнозах. Два крупных рыжих кота влетели в капканы, явно до снега. Один – возле остатков сохатого, а другой – на путике. В самый хитрый капкан влетел, я знал, что этот обязательно поймает, уверен был просто. Стоял капкан в пустотелом пне, взведенная двоечка тютелька в тютельку поместилась. Тропка у колонка была по наклонной валежине, сверху в пень, и выход между корневищ – ни как мимо капкана не пройдешь. Там и сидел, «ржавый», в пне.

На завтра пожаловали гости – мужики приехали. Машину на реке возле «южного» бросили, сами на лыжах пришли. Как я вовремя лыжню пробил! А то бы ушли целиной на «резиденцию».

Подъем и снаряжение второго путика придется отложить. Надо кабана погонять, пока народу много. Походим по сопкам, как раз с новым путиком, может, определюсь, следочки гляну...

Времени еще навалом, все в наших руках.

«КОГДА УПАЛ ОСЕННИЙ ЛИСТ»

Отнепогодило...

Ударили первые морозы. Посеребрили землю и деревья инеем, задернули зеркало луж ледяным стеклом. Яркое, чистое, высокое небо радуется голубизной и теплым последним солнышком. Все чаще слышна канонада утром на озере возле поселка. Утка летит, однако. Но вяло так летит. Значит, тепло еще подержится.

Закончил огородные дела. Собираю вещи. Опять манаток полная лодка будет. Тут и матрасы с одеялами, и теплые вещи, и лыжи, и капканы, и какого только еще барахла не приготовил... Главное, чтобы на гаражи это все попало, там перевезется как-нибудь. Жду «туристов» из города. Звонили, на днях должны приехать.

Это наш охотинспектор меня на авантюру подбил. Мол, все равно охотиться будешь, возьми с собой пару пассажиров. Бензина подкинул, заезд на «лесническом» транспорте. Денег мальчика тоже на курево, да на продуктишки. Лицензия, опять же, на гонного бычка – простым смертным не дают.

Сам собрался с нами тоже – по Уркану мужичков причесать. Ну и Бог с ним, у него работа такая. Но как охотник он мужик опытный, лишним не будет. Правда, с СКСом этим своим. Не то оружие на близкое расстояние.

Согласился я... Главное, потом не пожалеть.

Знакомство

Мужики приехали. Думал «тузы» какие будут. Нет вроде, нормальные, здоровые люди. Поживем – увидим.

Помылись в баньке, посидели «за знакомство». Один и правда из лесничества чин какой-то, с проверкой даже, по Сашину душу (это инспектора зовут так). То-то Саша и суетится. Николаевичем представился. Второй – Женя, я так и не понял, друг, короче, чей-то. Почти мой ровесник, на пару лет старше. Мы сразу как-то общий язык нашли. Любознательный. Так-то мужики в общении простые. Думаю, проблем не будет.

Утром выдвинулись на рассвете по морозцу. Благо водитель штатный из лесничества. Потому как «напочинялись» за дорогу изрядно. К обеду приехали. Пока я спускал корабль на воду, грузил вещи, кое-кто успел вздремнуть на привезенных матрасах. Ну что же, и так бывает.

Из оружия у нас: моя 12-я двудулка, Сашин СКС, Женина вертикалка 12-го калибра и «мосинка» у Николаевича. Бессменный собаке Гектор – из четвероногого арсенала

Саша с Николаевичем налегке. У них своя лодка. Пусть ловят преступников, тут я им не помощник. Уркан хоть и в берегах, но перекаты кое-где заголились. Напарник совсем не помешает. Да и поговорить, опять же, есть с кем. Сам Женя, смотрю, тоже не особо рвется в рейде поучаствовать.

От быстрого выезда отказался. Пока охотничков разбудишь, как раз ночь будет. Смысла переться вверх по темноте не вижу. Ни кто не торопит, да и лишняя трата сил и времени это будет. Тут хоть крыша над головой есть, в том же гараже спрятаться можно при нужде. Есть еще одна причина задержки, «энергетическая». Здоровенная щелочная батарея с тепловоза. 80 килограмм веса. Сам я ее погрузить в лодку не смогу, а помощники спят «немогучей» кучкой.

Ближе к закату пробудились. Смотрю, на новый бок «правка» намечается. Ну, Сашу понять можно. Чем пьяней Николаевич, тем меньше «косяков» будет найдено в Сашином хозяйстве. Зависимость прямая. Мне с Женей тут из-за чего страдать – совсем не понятно.

Закидываем таки батарею в лодку. Решаю подняться с Женей вверх пару километров. Там, на берегу прямо, есть зимовьюшка. Ночевать на ней будем. А господа инспекторы тут пусть хоть неделю празднуют. Грузимся с Женей и Геком в корабль и отваливаем. Ох, и тяжелая же лодка! Перегруз явный, как бы разгрузиться не пришлось...

Переночевали. Мужики на зимовье были. Услышали про рейд и испарились прямо среди ночи. Ну что же, это их проблемы. Я бы на их месте до утра даже не дергался. Но они то не знают подробностей.

По утрачку рванули в горку. Под грузом чувствуется все равно, что кривоватая лодка. Тянет на правую сторону. Левая рука уже просто отваливается, и рулить жутко не удобно. Ну, тут уж ни чего не попишешь. Остановки делаем на зимовьях, отдыхаем, но поднимаемся.

Три дня ползли. Для Жени романтика, конечно. Щебечет, как пьяная студентка. Восхищается. Я, если честно, устал очень сильно. Тащить на пупе корабль все равно пришлось и по Ирмакиту, и по Ирмакиткану. Там, где полупустая лодка под горку проскакивала со свистом, груженная да против течения – без бурлака не идет. Как тяжело объяснить человеку, для которого все в первый раз, что от него требуется! Еле сдерживаюсь, но маты нет-нет, да проскакивают.

На «резиденции» полный порядок. Все, как и оставлял. Гостей не было. Затапливаю печку и отдыхать. Ну их к черту, эти манатки. Подождут с разгрузкой. Женя, хоть и бодрится, но тоже еле на ногах стоит.

А молодец мужик, с жилкой. И в скандал не лезет, мотает на ус молчком. Уважаю таких. Не умеет – учится на ходу. С таким бы сработались, наверное. Если не надоедать друг другу.

Ночь. Темная, без луны. Небо усыпано звездами. Часов около двенадцати. Подморозило чуток. От реки тянет холодом. Сидим с Женькой, чай пьем, тишину слушаем. Разговаривать особо не хочется. Каждый свое масло гоняет, глядя в огонь костра. Дочку вспомнил. Вроде из дома только, а соскучился уже по щебетунье своей. Хорошо, хоть у супруги ума хватило не препятствовать нашему общению.

Охота на изюбря

Где-то далеко в сопках заорал изюбрь. Рев слабым эхом-отзвуком докатился до нас. Я достал с крыши зимовья трубу-манок. Не дядькина, еще дед ее из бересты делал. Раритет. Женя, смотрю, взбодрился – интересно. Надо поднастроить «инструмент». Придельваю мундштук, попутно рассказывая Женьке про принцип охоты на изюбря в брачный период. Чуть подтянул резинку, слегка подул. Труба отозвалась басовитым вибрирующим урчанием. Вроде нормально, можно пробовать. Отошел в сторону от костра, ближе к воде.

Ох, как с первого раза хорошо получилось! Сам не ожидал! Чистый, громкий, чуть сиплый звук разнесся по округе, отразился, вернулся шаловливым эхом. Прокатился по мари, снова вернулся, ударился в сопку и постепенно затих, раздробленный и повторенный множество раз. Повторять не буду. Лучшее – враг хорошего. Дудит дуда, и ладушки.

Присел к костру. Притихли. Слушаем. Вот откликнулся где-то далеко бычок, вот еще один, ближе... Насчитали шесть откликов. Если сделать поправку на присутствие в тайге охотников, то пара бычков в сопках точно голоса. То, что произошло дальше – я предполагал, конечно, но чтобы ТАК... смею уверить, это было неЧто.

Послушали «как поют дрозды», налили с Женькой по стопарику, опрокинули. Сидим, байки травим. Тишина, благодать. Речка перекатом шумит-разговаривает, ни ветерочка. Гек пригрелся у костра возле Женьки. Костерок чуть потрескивает. Идиллия.

Слово за слово, разговор плавно перетек с изюбрей на сохатых с кабанами, потом на медведей и прочих хищников нашей тайги. Потом оно и случилось...

Сначала не громко, со средних нот, забирая все выше, почти до визга, с нарастающей громкостью, практически над головой, раздалось: «Ту-у-у-а-а-э-эррр!». Рев!!! Дикий, мощный, многократно усиленный окружающей тишиной и сопками. Взвившись к самым высоким нотам, звук становился все грубее, ниже, хриплее. До самых низких нот, от которых внутри начинается какая-то дрожь. Потом резко прервался. Послышались звуки тяжелого дыхания и «хырканыя», издаваемого зверем в какой-то сотне метров от нас...

Я даже пригнулся от неожиданности. Гек, до этого ни разу не видевший и не слышавший изюбря, взвился с места пулей и с визгом скрылся в зимовье под нарами, уже оттуда полаявая по поводу внезапно свалившегося на него «кипиша». Женя, глядя на такое поведение собаки, наверное, решил, что тоже не плохо бы под нары куда-нибудь. Подальше от этого «медведя». Ну, или хоть вооружиться, на крайний случай. С квадратными глазами Женька рванул через костер к своей вертикалке, висящей на дереве за моей спиной. Чуть не затоптал!

Глядя то на одного охотничка, то на другого, я просто бился в истерике и катался по земле от хохота. Не то смешно было, что испугались мои «новобранцы». Смешным было – как они это проделали. Смотреть со стороны – не возможно не заржать.

Основательно проржавшись, успокаиваю Женю, озирающегося с ружьем в руках. Гек уже вокруг бегаёт, всем видом давая понять, что под нары он специально мышей разогнать бегал. А то шумят, понимаешь, изюбрей распугивают!

Первый испуг у Женьки прошел, давай он тоже ржать. Нервно так маленечко, но от души. Сквозь смех мне:

– Хы... я думал ети... хы, хы, хы.

– «Снежный человек» типа? – говорю.

– Я думал етить твою налево, Женя, щас сожрут!

Кое-как успокоились.

Гека – застыдил. Тоже комикс. Вид такой, будто только что доел мои любимые кроссовки и пришел мне об этом сообщить. Морда и поведение – умора просто!

Короче, веселенько вечер прошел.

Завтра надо городить заездок и собираться на «дальнее». Саша с Николаевичем на «левое» выйдут, чтобы в обход не крутиться. Там Уркан совсем рядом.

Заездок загородили таки. Вымокли и намерзлись, но установили сетку, мостки поправили. Две горловины будет. Иначе вода верхом попрет, если забьет листом сетку. Пробно на ночь поставили мордуши. Проверять надо заездок часто. И чистить. Пока на «резиденцию» жить не приду, на «постоянно» ставить мордуши не буду. Пусть спускается рыбка. Всю не поймаешь, да и не последний год живем, оставить потомкам. Хорошо, что Ирмакит речка уже большая – просто так не перегородишь. А то бы уже давно рыбы тут не осталось.

Натопили между делом баню. Напарились от души! Со всеми атрибутами, в лучших традициях, с березовыми вениками, с нырянием в ключ, питием водки под салыце с лучком и прочее.

Утром выдвигаемся на «левое». Северным краем нечего шарашиться раньше времени, распугивать излюбриный «интим». Женьке тащить пилу. Я его еще в поселке предупреждал!

Проснулись пораньше. В мордуши ни чего не попало. Рановато еще, значит. Не спускается рыба. Оставил мотни открытыми. До «левого» без приключений дотопали. До вечера прождали мужиков. Ужин сварили. «Ландориков» напек, лепешек таких. Ужинали уже по темноте. Задерживаться тут не будем. По утру – на «дальнее» рванем.

Николаевич мужик нормальный вроде. Без заносов. Веселый, все байки да анекдоты травит. Про «как поохотились» я их не спрашивал. Не интересно просто, да и надо оно мне, радоваться что ли? Поймали бы если кого злостного злодея – рассказали бы уже. А так – нормальных мужиков поштрафовали и все. Тут по реке – все «идейные урканологи». И сено косят, и кормят, и зерно возят, и пашут, и сеют, и солят. Все делают. А что имеют толику за труды свои – так и правильно. Не они – давно бы ушел зверь отсюда. Саша то понимает, я ему не раз объяснял. Он и не люгует на своих мужиков. Не знаю, каков Николаевич. Ну да слухом земля полнится, расскажут мужики еще, если «выдающийся козел». Да и тайга – покажет, как говорили старики.

«Дальнее» – тоже в порядке. Сразу же пилим и колем дрова – много, чтобы не шуметь потом топорами и пилой. Вечерком, с приличными, по часу, интервалами поревел в трубу. Откликаются. Пара в сопках, и один – довольно близко. Если придет близко – надеюсь, такого конфуза не будет, как на «резиденции». Теперь то – все «бывалые», включая собаку. Про Женьку не стал рассказывать. Засмеют мужика. Захочет – расскажет сам.

Мукнул крайний раз бычкам и на боковую. «Всем спать! Завтра – на охоту!», как говаривал один персонаж.

Встали затемно. Шевельнул угли, греем чай, наскоро перекус и на выход. Гека сажу на привязь. Он пока что не нужен. Если будет, кого добирать, тогда вернемся за ним. Идти думаю не далеко. Зверь не пуганый, близко может быть. Даже, скорее всего, что близко. Не зря же я мычал тут весь вечер.

Сразу за зимовьем распадок с небольшим ключиком, впадающим в озеро. Приморозило сегодня. Даже вода шумит в ключике совсем тихо. Он у меня как термометр со звуком. Пере-стал шуметь – значит, морозец хороший. В зимовье то слышно, когда вода течет, а когда нет.

Идем к вершине распадка. Тут самый пологий подъем, по сравнению с окрестностями. Около 700 метров прем в бугор. Я специально не стал одевать теплое. В рюкзак положил. Остался в рубашке и камуфляже. Даже с меня пот градом льет. Как мужики – представляю! Морды у всех троих красные, как в субботу. А ведь советовал не наряжаться, как на зимовку. Я то сейчас оденусь и буду в тепле, а они скоро подмерзать начнут, мокрые то. А им на номерах стоять.

Присели покурить и отдышаться чуток. Еще метров сто на самый пуп сопки и мы на месте.

Забрались... Пологая вершина сопки сильно захламлена. Сплошные завалы из мелкого гнилого березняка. Не продерешься. Чуть ниже, вокруг вершины сопки, по краю завалов – зверовая тропа. Сколько сотен копыт, лап или ног прошли по ней за годы! Выбитая, словно колея. Ступенька, местами почти по щиколотку глубиной.

Сопка – как сплошная гряда, до самого Уркана. Не круглая, надрезанная распадками ключиков и родников, берущих начало на плоской вершине. Сейчас стоим как раз на «углу» сопки, напротив противоположный склон распадка, вправо склон сопки и озеро внизу. Тропа в этом месте резко сворачивает, повторяя профиль горы.

Оставляю тут Николаевича с «трехлинейкой». Как раз ему склоны «чесать» с таким пулеметом. Метров через 200, на небольшом бугорке, оставляю Женьку. Его сектор – в любую сторону, хоть вершина сопки, хоть склон. По чаще, с его 12-м, самое оно. Среди завалов – чистый пятак. Несколько вековых сосен перекрыли свет мелочи, потому и чисто. Это ристалище. Вытоптано до земли. Только шишки и мелкая травка на «полу». Если повезет, то бык выйдет именно сюда, к Женьке. Саша устраивается на втором «углу» сопки, в устье следующего распадка. У него сектор обстрела точно такой же, как у Николаевича. Женьку подстрелить ни кто из них не сможет, профиль не позволяет, он вне зоны поражения находится. Строго настроено договорено, всем оставаться на местах, любые хождения запрещены. Хожу только я и звери.

Отошел от Саши к вершине распадочка, присел. Все, ждем солнца.

Солнышко позолотило вершины сосен и лиственнок на соседней сопке. Ветра нет. Тишина и мороз. Эхо донесло первый, далекий, рев изюбря. Со стороны «резиденции». В устье Ирмакиткана – самая высокая точка водораздела. Рассвет там наступает раньше, чем в округе. Пора и нам отметить. Дую в дудку. Фальшь хорошо слышно, когда близко. Но издалека – очень даже похоже на изюбриный рев. Чуть смещаюсь в сторону, в глубь сопки, в завалы. Тут тропинка ответвляется от основной тропы, и ведет в сторону «арены». По ней и пойду.

Замираю. Надо слушать...

Почти сразу же ответил бычок с противоположной стороны распадка. В полукилометре примерно. Слышно по голосу, что молодой. Этот, если пойдет, прямо на Сашу выйдет. А пойти должен, молодежь вечно голову в петлю норовит сунуть. Что человеческая, что звериная. Отозвался бык и со стороны Николаевича. Этот поматерей, однако, голос грубый, хриплый. Где-то с километр до него, или даже больше. Пойду потихоньку.

Не спешно двигаюсь в Женькину сторону. Уронил пару стоящих гнилых березок по дороге. Стукнул пару раз сдвоенными палками по земле, перешел. С Женей хорошо видим друг друга. Между нами метров сто по прямой. Снова дую в трубу и присаживаюсь, чтобы не маячить.

Почти сразу же – выстрел! Еще один! Вскაკиваю, озираюсь. Женька лихорадочно перезаряжается. Я ни кого не вижу. В кого и куда он стрелял?

Секундная пауза. Стреляет Саша. Четыре выстрела подряд. Николаевич стреляет! С его стороны подранок заорал. Еще выстрел. Тишина. С Сашиной стороны еще три выстрела, с четкими, равными промежутками. Как по банкам. Ни чего не понимаю. Тупо кручу головой – ни какого движения. Эх... вот бы рации, как у американцев в кино показывают! А то разберись тут сейчас, что к чему и куда бежать.

Закурил, иду через пятак к Женьке. Смотрю, он в мою сторону тоже идет.

– Кого стрелял?

– А ты не видел разве? С залома вышел, где-то там и упал! – у Женьки глазищи по блюдцу, аж подпрыгивает от адреналина.

– Николаевич приглубил кого-то. Твой – точно не ушел?

– Да должен тут быть. Я видел, что упал!

– Ну ладно, ищи пока. Пойду до Саши. На него, судя по стрельбе, напали и забодали, как бы чего похуже не сделали! Пойду, проверю!

Поржали. Покурили. Жека расслабился маленько. Я к Сане пошел, Николаевич пока там сам справится. Слышно же было, что добил.

Выхожу к Сашиному номеру. Смотрю – бродит по склону распадка, напротив. Склон абсолютно чистый. Ни валежин, ни кустов, ни взвода дохлых изюбрей на склоне не наблюдаю.

Зову Саню. Подошел. Вид растерянный и виноватый. Явно матов ожидает.

Выясняется, что он прозевал молодого бычка и увидел его уже в двадцати метрах перед собой. Отстрелялся. Бык убежал через распадок в сопки.

– Не мог я промазать! Я уже думал, что мушку свернул. Стрелял потом, проверял. – оправдывается.

Беру его карабин, стреляю в сучок на лесине. Метров на пятьдесят. Сучок послушно отлетел.

– Эх, Саня! Неча на зеркало пенять, коли рожа кривая! – как не подколоть друга.

Сам прекрасно понимаю, что он не промазал. «Прошло» на вылет с такого близкого расстояния. Тут надо Гектора приглашать, он эксперт по таким вопросам.

Забираю Сашку, идем к Женьке. Его быка искать, если тот не убежал, конечно, к Николаевичу.

Найдешь тут кого после Жени, как же! Как Мамай с ордой прошел. Смысла тут ходить, пинать палки, тоже не вижу. Идем к Николаевичу помогать обдирать его добычу.

Загрузились мясом, шагнули на зимовье. Попьем чайку, на кровях «соточку». А через часик-два пойдем с Геком, поглядим, в каких быков, кто и как стрелял.

Добирать пошли втроем. Николаевич, как герой дня, остался на таборе кашеварить и охлаждать водку. Женька бежит чуть не впереди Гека. Еще бы! Я, на его месте, тоже бы, наверное, бежал.

«Своего» быка Женя нашел сам. Практически без собаки. Вышли на то место, откуда стрелял. Осмотрелись. Прикинули направление выстрела, примерное, пошли. Прямо на лежащего быка и вышли. Первоначально, в ажиотаже, искал его Женька совсем в другом месте. Метрах в пятидесяти в стороне. Здоровенный бычара! Семь отростков! Шкура с проседью, бахромистая, красивая. Попадание чистое, по месту – четко в грудину. И пуля, и картечь. Оба раза попал! Поздравляем сияющего, как медный таз, Женьку «с полем». Уж эта охота ему на всю жизнь запомнится, а этот первый бык – особенно. Правду говорят, что везет новичкам.

Оставляю мужиков свежевать добычу. Мы с Геком выдвигаемся искать Сашиного «подстрельша».

Вышли на Санино «стрельбище». Гек крутанулся по распадку, понюхнул, и скрылся из глаз на сопке. Присаживаюсь покурить. Нужно подождать, прежде чем ломиться в ту же сторону, послушать. Если живой бычок – собака голос подаст, облает. Ждал, ждал – тишина. Ну что же, сам пойду, а то сию сиднем уже почти полчаса.

Пока перебирался через распадок, вернулся Гек. Подошел. Глажу его, разговариваю, а сам кровь у него на шкуре ищу. Точно! Есть на морде мазок! Отпускаю собаку, команду: «ищи». Не уверенно так, медленно, Гек отходит от меня и останавливается. Смотрит. Иду к нему – он от меня! Давай-давай, умничка моя, веди! Я тебя отлично понимаю!

Убедившись, что я иду за ним, Гек прибавил ходу. Долго уже идем. Неужели так плохо Саша попал, что бык утонул черт знает куда?!

Спустились с сопки. Вышли на тропу, что на «южное» зимовье ведет. От того места, где стреляли, ушли уже больше двух километров. Гек соскочил с тропы в заросли чапыжника. Коротко, словно раздумывая, залаял. Вот он аж куда утянул, бычок Сашин! Не крупный. Молоденький прошлогодок. Насчитал четыре попадания. Два в грудину навывлет, два по брюху, тоже

сквозные. С час провозился с обдиркой и разделкой. Подвесил мясо рядом с тропой, забрал кое-чего из внутренностей и двинул на зимовье. Удачный денек, что тут скажешь!

Сегодня – празднуем! Шурпа, печеночка, шашлыки, просто жареного мяса сковорода. Праздник живота у современных папуасов!

Завтра с утрачка будем таскать мясо через «южное» к Уркану. Это самая короткая дорога до ближайшего водного транспорта. Буду провожать мужиков домой. Мою «пайку» Саша завезет родителям, как договаривались еще до выезда из дома.

Я остаюсь. Пойду на «резиденцию» ловить рыбу, ждать хороших морозов и открытия промыслового сезона...

ГЛУХОЙ ГУРАН

Сонный рассвет, протирая глазоньки, заглянул в окошко «зимухи». Прохладно. Так не хочется вылезать из теплого рая постели, а надо. День новый наступает, а делишки все старые. Экстремальное троеборье – вода, дрова, помои – в первую очередь, а дальше видно будет, «что день грядущий нам готовит...». Гек, услышав, что я проснулся, выполз из-под нар. Потянулся, молча сел перед дверью, глубокомысленно так на меня поглядывая – на улицу просится. Кота не видно где-то. Заглядываю под койку – из валенка один хвост торчит – обожает спать в моих башмаках. Тишина стоит просто запредельная. Ни ветра, ни птиц не слышно. Выпускаю собаку...

Мать честная! Все бело! Еще вечером ни что не предвещало осадков, а проснулся – зима! Не напрасно Чук тут у меня валенки «примеряет», «пора настала»! Выползаю на воздух, следом за Гekom. Кота – тоже на прогулку. Утренний моцион, променаж, туалетинг и мордомоинг.

Чернотроп. Самая желанная пора для охотника. Тайга окончательно раскрывает свои тайны, расписывая их черным по белому. Не ленись только, читай.

Снега упало сантиметров двадцать. И еще сыплет. Красивый, пушистый, громадными белыми хлопьями. Сам Бог велел прогулку устроить. Воздух чистейший, вкусный, напитанный влагой и свежестью. Чук обалдел. Снег впервые видит, в диковинку. Раскорячился всеми четырьмя лапами, присел, пытается понять, что за дивная напасть такая, белая, напала. Ничего, привыкнет.

Умываюсь снежком. Эх, красота! Настроение – преотличнейшее. Завтракаю и собираюсь «в поля»...

Хожу, собираю котомку, сам с собой разговариваю. Решаю, какой тропой прогуляться – северной или южной. Скоро так ругаться сам с собой начну. Главное до мордобоя чтобы дело не дошло!

Гек, предчувствуя прогулку, крутится под ногами. Видимо, решил, что лучше пару раз пинка выхватить, чем дома остаться. Пинка, это я конечно сильно выразился – ни разу не ударил собаку за всю его долгую жизнь. Таких псов в дом к столу пускают, кто понимает. Кормилец.

Чугундери (ну, а как еще его называть?) предстоит жизнь на свежем воздухе, пока мы не вернемся. Во избежание всяких кошачьих гадостей в домике. И у меня нервы сохранятся, и у кота – здоровье. Не пятьдесят мороза за бортом, не обморозится. Освоился, смотрю. Уже мышей в траве «шебуршит» под лабазом. Не пропадет за день – два.

По «Маяку» музыки крутят. Дожидаюсь новостей, слушаю, глушу «потеху», подпираю дверь зимовья и в путь. Сопками пойду, по «северной». Надо глянуть следочки по соснякам, птичку на ягодниках. Вернусь южной дорогой. Такой вот душевный компромисс нашел, чтоб сам с собой не поскандалить.

Перед уходом заездок проверил. Спускается еще рыбка, ловится. Задолбала, если честно, «эта ваша заливная рыба». Мяска бы уже не плохо было бы – хранить сейчас можно, выше нуля температура не поднимается. Ирмакиткан бежит. Берега замерзли, но на самом течении еще полоса чистой воды, черной на фоне снега. Ключ возле зимовья схватился ледком полностью, по всей ширине. К январю вообще перемерзнет, выше по течению, покроется широкой наледью.

Перехожу по бревнам Ирмакиткан. Тропа в гору. С километр штурмовать, пока на водораздел не выползу. Дальше будет полегче идти.

Перед выходом долго гадал, какое ружье взять. Взял карабин. Старенький уже «Маузер». Видимо, в революцию еще воевал. Все надписи в арабской вязи. Но стреляет еще очень даже бодренько.

Гек челноком чешет склон сопки, исчез из вида. По южному склону – везде копанина. Свежая. Развелся кабанчик, не зря старались с дядькой несколько лет подряд. Собака, наверное, за стадом увязалась. Только что тут были, минут двадцать назад, не больше. Раньше кабан в этих краях проходной только был. Мчался мимо, транзитом, по прямой, не задерживаясь, как напуганный. Сейчас, судя по следам, свинья матерая, две поменьше и с десятков подсвинок. Секач, наверное, тоже толчется в сторонке где-нибудь. Постоял, покурил, решил не ходить за чушками. Если их собака еще не догнала, то я не догоню тем более. Пойду в сосняки.

Под вековыми соснами снега не густо. Зато хорошо видно деревья, по которым бегают белка или колонок с собольком. Снег с веток скинут, лежит под деревом, с кусочками коры и хвои. Примечаю такие деревья, на них нужно будет потом, когда снег ляжет плотно, внимание особое обратить. Да капканчиков заранее в этот район поднести. Дядькины путики тоже подниму, конечно. Но и своих пару открою обязательно.

Рябчика много. Порхают, как воробьи. Совсем не пугаются. Глухарь тоже есть. Не шибко много, но на ягодниках держится. Добыл одного, не удержался. На шулюмчик к ужину.

Снежок сыплет, не перестает. Время летит совсем не заметно среди зимней сказки. Вот уже и «северное». Затешил печурку. Не раздеваясь, прямо в «костюмчике зайчика», пошел за водой. Тут родник из сопки бьет недалеко.

По берегам родничка – молодой березовый подлесок. Чуть выше него, по распадку, сплошные завалы крупного листвяка и сосны. Абсолютно не проходимое место. Среди зарослей багульника натоптана тропинка. Иду, котелком брякаю по кустам, ни кого не трогаю...

Рыжее пятно на белом фоне облепленных снегом кустов я увидел сразу, как только вывернул из-за поворота тропинки. Встал, как вкопанный. Козел! Матерый, с красивыми крупными рогами. Стоит ко мне задом и чуть боком, на чистом месте, возле самого родника. Между нами метров сорок, не больше. Легкий ветерок тянет сверху мне прямо в лицо. Хороший ветерок, правильный.

Гуран

Смешной какой-то козлина! Уши растопырил в стороны почти горизонтально, головой трясет, как снегом присыплет. На меня – ноль эмоций. Стою уже с минуту его рассматриваю.

Потихонечку включаю «заднюю». Смешной он – не смешной, а мясо. Надо за оружием, может и добуду.

Карабин стоит возле стенки зимовья, как поставил по приходу. Хватаю его и назад, бегом почти. Метров за сто от родника остановился, перевел дыхание, патрон в патронник дослал. Крадусь. Выглядываю из-за куста – стоит козел! Видно между корнями в завале бок и головы кусок. Стреляю. Четко, по месту! Стоит, козел! Бронированный, что ли. Может, туда гранату кинуть?

Пригляделся... ну етить твою в тудить, африканский велодрищ! Корч! Ну до чего похоже. Стоп, сам себе думаю, не дурак ли я?! И ушами тоже корч болтал? Закрались некоторые сомнения в своем адекватном восприятии действительности. Иными словами – а на месте ли крыша?

Подхожу к выворотню, а возле него, как в книжке – следочки. Был козел, нормально все с головою. Не стал дожидаться, пока я за ружьем бегаю, ушел. Но как выворотень похож! Не судьба сегодня козлятины поесть, будем глухаря варить. С такими мыслями, набрав воды, направился на зимовье.

Темнеет. Снег вроде пореже стал. Гека где-то нет по сию пору. Думал, на выстрел прибежит. Тишина... ни лая не слышно, ни каких либо еще звуков. Как вымерла тайга.

Сижу возле костра, жую мясо. Не жуется чего-то, нет аппетита. Кот еще как там... Вот же привезли головную боль. Вроде и хрен бы с ним, а жалко. «Живой люди», как сказал бы Улукиткан.

Собрался спать ложиться, слышу – шорох. В пятне света от костра появляется моя пропажа, Гектор. Вид – даже не знаю, как дошел. Упал просто. Сколько же ты, милый, километров за сегодня махнул? Ну вот теперь ладно, можно и спать...

Мороз и солнце, день чудесный! Прав классик. С утра солнышко, все белое, чистое, сверкает. Слезы текут. Ляпота. Вчера был глухой козел, сегодня – слепой охотник. Хорошо хоть кепку на зимовье нашел с козырьком, хоть чуть-чуть глаза прикрыть от всемирного блеска. Доедаем с Гектором глухаря, решаем куда податься.

Пойти если на «дальнее» – прогулка на два дня увеличится, хотя, и туда бы нужно. Там сейчас изюбриной породы страсти почти отбушевали. Гон заканчивается, быки гаремы набрали. Пасут телок в сопках. Чушки, опять же, на южных склонах еще рыть долго будут. Сохатые сейчас по буреломникам да горельникам, ближе к пойме рек. По мелким озерушкам и ключикам.

Ломал, ломал голову. Решил идти старым путиком на «южное», глянуть следы. Мясо пусть пасется себе пока что. Там рыба еще ловится, не нужно забывать. И кот, блин... как он там, а то может уже филин схарчил?

Путиком идти – есть шанс намокнуть. Ледок еще не держит, а дорога изобилует различными лужами, ямами, ручейками и прочими водными преградами. Мелкий листвяк, береза, матерые сосны и лиственницы местами, заломы, буреломник с полянками травы в прогалах, выворотни. Тут соболек держится. Зайчик бегаёт, коза. К лету сюда, в крепь, потянутся сохатухи и изюбрихи рожать телят. Как в роддом.

Иду, расчищаю дорогу от мелких валежин, чтобы лыжню потом бить проще было. Особо и не таюсь. Нашел старые дядькины капканы. Привел их в порядок, смазал салычем, повесил. Как снег ляжет хорошо, пойду настораживать. Колонок, смотрю, бегаёт. Много. Соболя следов не видно пока что. Дядька говорил, что если есть колонок, то соболя нет. Не живут вместе, что ли. Я так думаю, жратвы им просто не хватает. Питаются то одним и тем же. Ну ни чего, колонка ловить просто, устройю им тут райскую жизнь...

До «южного» уже почти дошел. Смотрю чуть вправо от тропы – что такое?! Де жа вю?! Рыжее пятно на белом фоне, стоит, ушами машет. Метров сто от меня, на краю травянистого прогала между валежинами. На Гека смотрю, тот – ноль эмоций. Опять мерещится? Разберемся, потом.

Уперся для верности в березку. Выстрелил. Грохот такой, словно из гаубицы бахнул, среди тишины то. На этот раз не померещилась. Козел свечкой взвился в воздух и пропал среди валежин. Гек, наконец, почувал неладное. Вроде как типа что-то происходит где-то! Умора с него.

Умчался. Слышно, побряхтывает раненый козел там где-то в завале. Вот Гектор заголосил, лай захлебнулся в рычании и звуках борьбы. Заорал козел, опять возня. Все стихло, только Гек рычит с «набитым ртом».

Хороший козлик. «Супной», как дядька говорит. Ну что же, с мясом на «южное» конечно не потащусь. Разделал добычу скоренько и почапал на «резиденцию» напрямиком. Без тропы.

Это я зря, конечно. Напрасно, просто! Умотался в доску. Еще добрых килограмм тридцать на горбу – козел едет. Прыгал, прыгал по валежинам, кое-как на тропу вырулил. Отдышался. По дороге то на много веселее топать. Гек остался голову с кишками теревить. Пока не нажрется, а остатки по кустам не попрячет – домой можно не ждать.

На зимовье уже в сумерках притащился. Кота не видно. Ага... следы драки на снегу, перья от сойки. Рыбу, что ли, отвоевывал? Скинул рюкзак, присел, закурил.

Вот он, красавчик! Услышал! С крыши зимовья раздался отборный кошачий «благий мат». Ну орет то как! Как сто лет не виделись.

Чук пулей метнулся с крыши ко мне, орать не переставая даже на ходу. Трется об ноги, аж дугой весь. Глажу «туриста» своего. Натерпелся тут от пернатых.

Голодный. Рыбу то, видимо, сойки отобрали все-таки. Отрезал ему кусок мяса. Это надо видеть! И урчит, и рычит, и пыхтит. Взъерошился весь. Ну прям бойцовский кот ЧингаЧук. Надо тебя, друга, на козлоту притравливать уже начинать. Геку – в помощь. А что, вот бы номер был!

Забыл сказать, что добытый козел и правда был глухой. С какими-то наростами в ушных раковинах. Такое по весне обычно можно наблюдать, когда личинки выводятся. Коза тогда временно почти совсем глухой становится, но это весна-начало лета, ни как не конец осени.

Вот такая загадка природы – как глухой козел умудрился дожить до таких лет? Ведь дожил же, и дальше бы жил, если бы мне не встретился.

С сойками Чук подрался снова, буквально назавтра. Поймал одну! Гордый, куда бы деться! Он с этой сойкой за мной полдня потом ходил, хвастался. Тоже охотник, что тут скажешь. От кота на зимовье есть один несомненный плюс. Я совершенно забыл, как шуршат мыши...

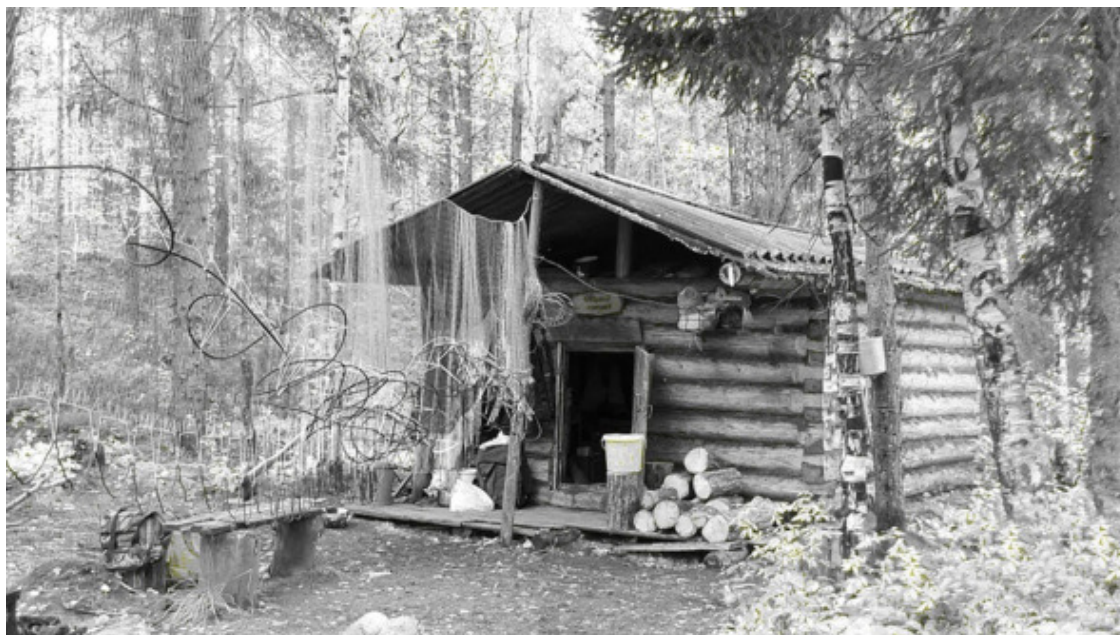
ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЫБАЛКИ

Ну что за погода! Четыре дня сижу в зимовье! От безделья не знаю, куда себя деть. Выспался на неделю вперед уже. Гек тоскливо рассматривает из-под нар все это непогодное безобразие, через приоткрытую дверь. Не выгоняю его из зимухи. Пусть в тепле сидит, какой смысл мокнуть и мерзнуть.

А на улице разнообразно – то снег с дождем, то дождь со снегом, то дождь без снега, то снег без дождя... благодать, одним словом. Деревья обмерзают, за ночь покрываются снежно-ледяным панцирем, который днем раскисает на дождике и снова замерзает к вечеру. Осенние краски как-то враз поблели, потускнели. До первых сильных морозов совсем маленько ждать осталось, после этой непогоды и вдарят, наверное.

Вяжу сетку—таймешовку. Специально летом промерял глубину в ямах и их ширину. Точно по размеру сети будут. Ям то не много. Пара – тройка по Ирмакиткану, да по Ирмакиту с десятков, может, наберется. Эта – самая длинная и мелкая по посадке будет – два с половиной метра в глубину и двадцать длиной. Почти готова уже.

В Уркани редко рыбачу, в верховьях уже который год моют золото. Не река, а селевый поток какой-то – сплошная грязь течет с весны и до осени. Большинство местного народа ловит рыбку только по притокам, да по ключам. Плохая рыбалка стала. Перестает подниматься рыба,дохнет от грязи. Ей чистую воду надо, а тут... эх, «хозяева жизни». Дедов нет, на «хозяев» таких, чтобы седалище ремешком вздули хорошенько.

Изба. Фото автора очерка

Не весело. Погода эта еще..., а надо бы «заездок» почистить да закрыть. Рыбка морозы хорошо чувствует, должна спускаться уже начать. Да и утки-гуси нынче задерживаются, тоже надо со дня на день ожидать «паломничества на юга».

Нарядился в ОЗК, сходил, завязал мотни на мордушах, да от листьев сетку почистил маленько. Посмотрим, чего ловится. Ночью, с фонарем, можно будет глянуть – стоящую перед сеткой рыбу хорошо видно.

Сажусь заряжать дробовые патроны. Их с десяток всего заряжено, а «утка осенью в большой цене...», как поет один популярный еврей. На неделе мужики обещались на охоту приехать, но не знаю, получается у них с поездкой или нет.

Связи нет, ни какой. Как выяснить? Сосед предлагал рацию купить, да на что ее брать. Тут на заезд то в долги влезать приходится. В принципе, она и нужна «как козе баян», примерно. Постоянно кто-нибудь бывает из знакомых. Уж в месяц раз – обязательно. Сейчас, когда водой еще можно подняться, на лодке должны прибыть. Потом, только реки встанут – затишье будет – ни кого. А как мари с бродами хорошо промерзнут – по зимникам приезжать будут. Особо и соскучиться то не успею, хотя дурная привычка беседовать сам с собой уже появляется, замечаю.

Дело к вечеру. Дождик поредел. Вернее, дождик перестал, а пошел мокрый и липкий снег! Да с холодным северным ветром, как раз вдоль Ирмакиткана, как в трубе дует. Пока с патронами возился – прозевал, что погода еще сильнее испортилась. Нужно и дров занести еще, и ужин варганить чего-то, костер жечь. С полога снег стряхнуть надо да воду слить. Дел – море, кто же думал, что так запуржит.

С речки шумит. Со стороны заездка. Странно, верхом вода, что ли... Запалил костер и пошел смотреть, чего там за шумы. Издалека вижу, что вода переливается через верх ограждения. Обе мордуши полнехонькие – белеются животы! Помчался за тарой. В голове долбится мысль – как и куда деть прямо сейчас две двухсотлитровые бочки рыбы?! Отгородил я в ключе под рыбу затончик – ну так он маленький будет! В холодильник прямо сыпать? Затухнет. Блин, еще и темнеет, по непогоде – вообще в момент. Тут блещет гениальная мысль – сыпать рыбу в «Казанку», а там разберемся уже. Хватаю на зимовье два ведра и фонарь. Гек, на меня глядячи, тоже всполошился: «Чего за суета? Кого ловим?».

По дороге переворачиваю лодку «на ноги», убираю в зимовье с дождя вещи, которые лежали под лодкой. Все бегом. Лечу к заездку, тоже бегом, потому что уже почти темнота. Пробираюсь по мосткам к крайней мордуше, свечу фонариком...

– Етить твою французскую пельменницу!!!

Вот не среди речки бы стоял, сел бы на задницу.

Лягушки! Сотни, тысячи лягушек! Всех калибров и расцветок. Маленькие, средненькие, крупненькие. Всякие! Две битком набитых мордуши и через верх заездка еще перетекают!

Стою, обалдевший, среди этого земноводного многообразия, или безобразия, правильной сказать. Пот градом течет по морде и спине под плащом. В руке фонарь, в другой – тара под рыбу – два ведра. Снизу вода хлещет. Сверху снег хреначит.

Картина маслом – «ПутИна».

Такого мата окрестные сопки в жизни не слышали! Уж я постарался! Все время, пока развязывал мордуши и выпускал улов, пока мостки поправлял, пока сетку чистил и переворачивал лодку я изгалялся в риторике и ораторстве. А чего, ори себе, сколько влезет, выпускай пар. Ни кому не мешаешь. «Кругом тайга и белые медведи...», как сказал один совершенно «гениальный» поэт.

Кое-как успокоился. Гек на меня смотрит так подозрительно. Думает, наверное, крышу у хозяина рвануло – орет, ходит.

Сварил чай, «лапширдака» запарил. Махнул стопарь. Представил себе как все это дело со стороны выглядело...

Все! Тут меня и порвало! Ржал минут двадцать. До колик в животе. Гек, видимо увидев подтверждение своим мыслям в моем поведении, на всякий случай свалил на улицу.

Ладно, ну их нахрен, лягушек.

Хотя, китайцы, говорят, принимают. Зачем, интересно? И по каким деньгам? Четыреста литров лягушек... вариант! Гек просится в домик. Запускаю. Косится, все ли нормально? Улыбаюсь, глажу пса и на боковую. Утро вечера мудренее...

Под утро Гек разбудил. Заикой остаться можно на всю оставшуюся жизнь от такого будильника! За окошком чуть-чуть сереет. Люди разговаривают. Тянусь к централке...

Свои кто-то, похоже. Меня по имени называют, с Геком заигрывают через двери. Орлы! Ну что же, надо встречать гостей, кого там нелегкая принесла.

С «южного» пришли. Сломались перед Ирмакитом, пробило катушки зажигания. Ну, а чего хотели. «Вихрю» уже лет больше чем мне, да погода такая сырая. Следовало ожидать. Кожуха то с моторов – все по кустам распинали.

– Чего в ночь то поперлись? – спрашиваю.

– Пока сплавлялись до тропы на «южное» – время потеряли. На работу всем.

Теплю костерок, чай греть. Мужики отогреваются в зимовье. По «соточке» с дорожки налили «за приезд». Закуска у них своя. Сало! Мне тоже кусок изрядный привезли, домашнее. Вот это консерва правильная!

Пошел глянуть заездок, да закрыть его, если «жабо-лягушачье нашествие» закончилось. Снег так и лепит зарядами. На плащ налипают.

Вроде все, прошла «орда». Завязал мордуши, вышел на берег, капюшон откинул, прислушался...

Да нет, не мерещится мне! Крылья! Много, аж свист стоит! Что за ерунда?! Откуда звук?!

Присел, пригляделся. Точно! Утки! Над Ирмакитканом, низко, почти у самой воды, довольно крупными табушками. Видно плохо – рассветать только начало, да снег хлопьями с ветром, тучи.

Бегом несусь в зимовье за оружием и патронами. Мужики только отогрелись, расслабились. Не верят про уток. Ну не верите, и хрен с вами! Думают, подкальваю. Ну-ну, сидите...

Сгребаю в охапку сумку с патронами. Полсотни штук зарядил, да с десяток – было. Ружье – со стенки, и бегом назад, на берег. Спустился чуть ниже заездка. Тут река образует довольно широкий плес – метров сорок, наверное. Потом сужается и стекает нешироким, но быстрым перекатом в следующий плес. Присел. Жду...

Прошла буквально пара минут, и вот они, утки. Табушок – штук десять, пятнадцать. Близко, метров двадцать, не больше. Но очень быстро летят, и над самой водой. Стреляю. Мимо! Второй, в угон – упала одна. Сижу дальше. Еще табушок. Гуси! Молча летят. Только шум крыльев и тени в снегу над водой. Выбил двух.

После пятого или шестого выстрела мужики, наконец то, догнали, что я не прикалываюсь. Примчались. Кто в чем, но при оружии.

Дальше началось «утиное побоище». Две двустволки и две пятизарядки. Встали в ряд вдоль плеса и давай чесать.

Утка летит всякая. От чиркотни до кряковой. Всех пород и мастей. Гуси летят, тоже всякие. Видимо, прижало непогодой на якутских болотах птицу. А сейчас уже и деваться некуда, морозы давят, лететь надо.

А патронов то у мужиков маловато дробовых. Гонец в зимовье побежал за боекомплект. Иду следом. За сеткой. Битая птица уплывать начинает, собирать же надо! Стрельбу прекратили, спустились ниже следующего плеса, растянули по перекаату сеть. Низ камнями хорошо придавили, сверху натянули. Волейбол гонять будем. Встаем опять на позиции. Уговорились стрелять без подранков, если добивать, то сразу. Птицу бить – тоже выборочно. Кряковых крупных и гусей. Мелочь не трогать.

Расстреляли все наличные патроны к обеду. Утка все летит и летит. Чуть меньше, чем утром, но непрерывно. Пошли обедать. Сетка на уток стоит, пара даже живых на бреющем попались. Много утки битой. Надо собирать.

Скоренько перекусили. По всем сусекам помели на предмет наличия дробы. Я остаюсь заряжать патроны. Мужики спускают «казанку» на воду и на веслах собирают по плесу добычу.

К вечеру лет прекратился совсем. Изредка одиночки или парочки. Патроны даже остались еще. Это хорошо.

Началось великое щипалово и теребилово! Так на зимовье появились две перины-полуторки, сшитые из бабушкиных «наматрасников», и пара подушек.

Ночью разъяснело, ударил мороз и начался великий исход рыбной братии. Крупный гольян и пескарь, чебак. К утру – почти полные мордуши. Вовремя мужики появились! Очень кстати! Я бы тут помер вместе с Геком, на промысле на рыбном.

За пару дней первая волна рыбы скатилась. Стало попадаться меньше, но крупнее. Самый ажиотаж прошел. Можно расслабиться. Птицу сложили вдоль ключа по берегу. Подмерзла хорошо. Двести с хвостиком голов. Хм... Делим на четверых и на тридцать дней сезона. В пределах нормы. Но такой перелет я видел единственный раз.

Грузим «Казанку». Двое с грузом пойдут водой, третий – пешком через «южное», на день позже пойдет.

Рыбешка тоже подмерзла. Даже чистить не пришлось.

Как они эту баржу до Ирмакита переть будут – даже не представляю себе. Мотор тоже берут, сплавом они вообще неделю ехать будут, а то и больше.

Прощальный завтрак, и ребята отчаливают.

Мужики привезли дядькин карабин, патронов, продуктов кой-каких, радиоприемник и... кота! Черного, с белой грудью и лапками. Месяцев пять котенку. Прикололись ребята.

Назвал Чуком. Теперь комплект. Чук и Гек. Все нормально...

Теперь до морозов настоящих зимних будем втроем холостяковать...

P.S. Всегда было интересно. Чук... У Гайдара ведь человека так звали. Как полное имя? Чуктор?

ОДИНОЧНОЕ ПЛАВАНИЕ

Есть два времени года у охотника, когда душа свербит и ноет, когда весенняя капля или желтеющий лист рожают в душе необъяснимое томление, беспокойство. Начинаешь в сотый раз перебирать снасти, вязать закидушки, проверять и чистить капканы. Когда, открыв сейф, ласкаешь взглядом любимое оружие и стройные ряды заряженных патронов. Когда пес, чувствуя твою разворошенную душу, преданно смотрит в глаза с одним-единственным вопросом: «КОГДА???!»... Человеку, больному природой, настоящему охотнику, очень хорошо знакомо это щемящее чувство. Это волнение и жажда простора. Жажда чистого воздуха, свежего дыхания ветра и тихого шепота падающего и шумящего струями текучей воды осеннего листа.

Август выдался дождливым. Почти две недели непрерывных дождей сделали то, что должны были сделать. Ранее мелкие и спокойные, речушки разлились по поймам, ключи вспенились бурлящими мутными потоками дождевой воды. Дороги, и по сухой погоде труднопроходимые, превратились в сплошное месиво из воды и глины.

Чем ближе к началу охотничьего сезона, тем чаще поглядывали мужички с надеждой в серые, тяжелые дождевые тучи, вымаливая, каждый у своего ангела или Господа, хоть день перерыва в непогоде. Смотрел в небеса и я, в сотый раз, перекладывая с места на место приготовленный на сезон «шмурдяк».

Это была первая моя «одиночка». Первый самостоятельный сезон на собственном промысловом участке. Участок давнишний и мне достался по наследству от дядьки – промысловика, ушедшего на покой. Места, где предстояло охотиться, знакомы буквально с детства – вырос, практически, у дядьки Вовки на «резиденции», на реке Ирмакиткан.

Охотник. Кость, резьба. Чукотка.

Заезжать собрались с соседом по участку, на автобазовской «ступе». В одно лицо оплатить сто «с гаком» километров экспедиции прожорливого 157-го не представлялось возможным, а нужна была именно грузовая машина – надо завезти после ремонта «Казанку», мотор,

полтонны бензина, вещи опять же. Вот и решили с соседом спароваться, ехать все равно только до Уркана. Форсировать реку по такой воде на машине – и думать даже нечего.

Потом я должен был забросить соседа водой на крайнее зимовье его участка, вниз по течению. Самому же мне предстояло подняться вверх по Уркани, Ирмакиту и Ирмакиткану почти на 200 километров. По суше добираться было бы, конечно, значительно ближе, но непроходимость бродов и марей совершенно исключали такую возможность до хороших морозов.

Большая вода была мне очень на руку. Хотя и бензина потратится больше, но зато под водой скрылись все косы, банки и перекаты – широченная и глубокая водяная трасса. Можно хоть с поисками фарватера не заморачиваться – смотри только, чтобы корч или плавун какой не поймать.

Сосед тоже был весь на взводе. Заходили друг к другу раз по десятку на день, обсуждали чего-то. В итоге, как водится у нас, мужиков, ожидание выезда плавно перетекло в обычную четырехдневную пьянку. Ну, а нервы ведь! За возлияниями время пролетело незаметно. Наступила, таки, заветная дата – 28-е число августа.

То, что дождик стал реже – это мне, наверное, на радостях показалось. Все 50 километров до Уркана прошли под заунывный, на одной ноте, вой двигателя, да под шарканье стареньких «дворников» по лобовому стеклу. Собаки вымокли до нитки и тряслись в кузове крупной дрожью, пытаясь сохранить хоть какие-то остатки тепла. До реки добрались уже в глубоких сумерках. Выгрузили вещи в железный гараж на причале, запалили у входа костерок.

Собаки спрятались под «Казанку», поставленную у костра «на ребро». Пригрелись и обсохли – не выгонишь. Соорудив немудреный ужин, выпили «за почин» и завалились спать до утра, под неумолчный шум дождя и легкого ветерка в вершинах лиственниц. «Что ветерок – это очень хорошо, может тучи разгонит» – подумал я, уже засыпая...

...Вот же дела. Спать легли среди тайги, проснулись среди колхоза! Предрабачная темнота перестала шелестеть дождем, но зато пела и рычала на все лады ревом всевозможных моторов, от больших автомобильных до трескучих мотоциклетных. Как оказалось, мы были самыми первыми «ласточками», прибывшими на Уркан. Остальные коллеги-охотники и рыбаки только-только добрались по размытой ночной дороге, дождавшись дома прекращения дождя.

Небо посерело. Зачиркала в кустах ивы какая-то малая птаха. Потянул вдоль воды свежий ветерок, срывая с прибрежных сопков плотную паранджу тумана, открывая взгляду осеннее великолепие суровой северной тайги.

Наскоро позавтракав, снарядили и отправили в обратную дорогу наш транспорт, снабдив водителя бутылкой водки и словами благодарности.

На доставку Михалыча со «шмурдяком» к зимовью и на обратную дорогу ушло почти 4 часа. К моменту моего возвращения к причалу основная масса приехавшего охотно-рыболовного люда погрузилась в лодки и разлетелась по ближайшим окрестностям: кто вверх, кто вниз, кто просто на другой берег. Пока погрузился – на причале осталась только пара «компашек», из тех, что «...из автобуса не выходить, ружья не брать...». Зазвали на огонек. Перекурил с ними, выпил. В меру, без фанатизма. Мой то «автобус» – уже на воде и готов к старту, и впереди 200 верст пути...

...Дорога до «резиденции» прошла без особых приключений. Только один раз залетел в сумерках на притопленный плавучий корч, правда, без особых последствий...

«Домик в деревне» встретил меня выбитыми окнами и распахнутой настежь дверью. По следам распутываю подробности визита «брата нашего меньшего» Михаила Потапыча.

Давний визит, весенний, однако. Вот он нарезал вокруг несколько кругов, пошел к лабазу, попытался залезть – «мышинный отбойник» снес начисто и разломал. Лабаз остался непри-

ступен, и Потапыч нанес визит в зимовье. Зашел через окошко, начисто выдрав раму вместе со ставнем. Вышел, как культурный, через двери. Через закрытые двери! Подрал матрасы, свернул печку и стол. Выломал половую доску, пытаюсь забраться в погребок. Короче, навел шороху. Третью ночь тоже пришлось ночевать возле костра и собаки.

...Первое сентября. День рождения Осени. Проснулся на рассвете – чуть только край солнца показался из-за горизонта. Гек, карело-финская рыжая лайка, дремавший всю ночь под боком, умчал порысачить по окрестностям.

Шевельнул угли в костре, чай поставил варить. Праздник – праздником, а надо работать. Отдыхать пока некогда. Надо разгружать лодку и таскать «шмурдяк» к зимовью, наводить порядки, починять жилище, готовить дрова – необходимые житейские дела.

От речки до зимухи метров двести по тропе. Не далеко, в принципе, «таскаться». Но много. Пока трелевал манатки, солнышко поднялось почти в зенит. Присел на пороге зимовья, закурил..., и чего-то такая тоска взяла. Прямо сдавила душу тисками боли и какой-то безнадеги. Вспомнилась дочурка, дом. Вспомнилось, что всего этого у меня теперь нет. Хоть волком вой. Достал канистру со спиртом, саданул пару «наркомовских» доз, зажевал лапшичкой «Дышираком» – вроде отпустило.

Прибежал «улыбающийся» Гек, мышканул вокруг зимухи и улегся возле ног. Правда, как-будто улыбка у пса на морде всегда. Этакая собака-улыбака... или лайка-улыбайка. Как ни назови – всяко правильно.

После обеда занялся наведением порядков в доме. Поправил двери, окно вставил – благо в лабазе лежало стекло в запас. Снаружи затянул окошко еще слоем пленки. Хоть и темнее стало, но зато окно почти с двойной рамой. Печку на место поставил, стол. Короче, домик привел в жилой вид, вещи разложил по местам, убрал продукты в лабаз. Пока крутился – вот уже и вечер. Ужинать и спать, чтобы всякая фигня в голову не лезла.

Ночевал опять у костра – надышаться хоть свежим воздухом, пока холода не прижали. Да и сыровато в зимовье, и душновато. Так и уснул, под треск огня в глубине «ноды», завернувшись в спальный мешок...

...Утром, как только рассвело, вооруженный биноклем (вернее, одним его «глазом»), полез на крышу лабаза. Оттуда открывается чудесный обзор на широченную ерниковую марь, что за зимовьем, на подножие сопки и распадок на другом берегу речки. Надо осмотреться.

Программа максимум на сегодня – закончить с хозяйственными делами и хлопнуть чего-нибудь рогатое и копытное на прокорм. Желательно не сильно крупное что-то, потому как еще тепло и много мяса просто не сохранишь. Да и много ли нужно еды для одного человека и собаки?

Проковырялся до вечера на таборе. Дел очень много. Вроде по мелочи все, но время занимает. Натопил зимовье до состояния хорошей бани, чтобы просохли стены и пол. Протопил и баньку, смудренную из старого зимовья, стоящую прямо на берегу ключа. Вечерком засобирался на солонец. «Козлота» уже должна «отшипеть», гон у них должен закончиться то есть. Значит, «на соли» косулю взять сейчас вполне реально. Сохатые сейчас должны, по времени, «охать и мукать». За ними следом – изюбри. Взять то и их можно, но «большой» мне не нужен – только заехал, тепло, да и не сезон еще. Пусть размножаются.

Солонец не далеко. На закрайке маленькой марюшки метрах в четырехстах от зимовья. В общем-то, это и охотой назвать сложно – как в стайку ходил. Через два часа я уже был на зимовье, груженный мясом. Помылся в баньке, принял «соточку» под печеночку, шурпички хлебнул и в люлю, спать.

...Третье сентября. День рождения меня, любимого. Сегодня по плану – праздновать и лениться. Мы с Осенью почти в один день родились. Наверное, потому и люблю я так эту пору. Самое любимое время года. На жарил мяса, картошечки потушил на остатках шурпы – праздничный обед-ужин готов. Посидел с удочкой. Отоспался маленько. Вечеру вытянул на берег лодку и привязал ее. Хоть вода и падает, а «береженого и Бог бережет», как говорится. На ночь кинул пяток закидушек, по темноте уже. Так-то ловится кой-чего, но не густо...

...Ну, все! хватит балдеть! Праздники кончились. Если себе волю дать, то праздновать можно пока канистра со спиртом не закончится, а канистра не маленькая. Посему, канистру убираю в лабаз, в самый дальний угол, оставив на крайние нужды с пол-литра в солдатской фляжке.

Прибираю по штормовому манатки, чтобы ни чего не намокло и собираю котомку. Остатки мяса сварил и в рюкзак – еда на ближайшую неделю. Осматриваюсь крайний раз, не забыл ли чего.

Все вроде бы нормально, можно выдвигаться. Моя цель – дальше зимовье участка. Нужно поглядеть что и как, привести в порядок. Охотиться планирую начать к концу сентября именно там, на дальнем. От резиденции оно километров 10—15 по прямой если, кто бы мерил. По тропе – полный дневной переход, от темноты до темноты. По дороге планирую посетить еще два зимовья. На все про все – чуть больше недели времени...

...Северной тропой мне в это время очень ходить нравится. Хвоя на листвянках уже желтая, но не сыпется за шиворот. Рябчики порхают, насвистывают. Косачи с глухарями на брусничниках, на южных склонах. В это время вся тайная летняя жизнь тайги как бы обнажается, становится заметной, видимой глазу.

Сопки кишат жизнью. Снуют белки и бурундуки по соснякам. Греются на склонах изюбри и сохатые. Косуля, та к реке ближе жметя. Прячется в высоких пойменных травах, да по закрайкам марей. На крутых скалах обитает кабарга. Вот же смешной копытный заяц!

Благодать. Иду не спеша. Торопиться некуда. Редкий момент, когда просто отдых. Сезон еще не открыт. Рыбе еще идти рано. Мясо бить – тоже рано. Самое золотое время. Вот крутнусь сейчас по зимовьям, порядки наведу и домой на недельку – две. Сплавом скачусь, вода сейчас еще долго держаться должна большая. В гараже на причале мотоциклетка «Минск 105» – довезет до дому...

...Добрался за два дня до «дальнего».

На зимовьях все в порядке. Медведь приходил на «дальнее», но ни чего не порушил. Так, котелки попинал. На озере зимовье стоит, в красивом месте под сопкой. Отсюда начинается тропа в пойму Уркуна по другую сторону водораздела. Я ее левой зову или южной. Солнышко, красота.

Карасей наловил, перебрал и подчинил сети, вентеря. Холодильник почистил. Два дня прожил и назад уже пора собираться...

...Рано утром разбудил Гек. Выходить сегодня, а этот гаденыш уже часа три на одном месте долдонит. Явно не на белку. Хотя раньше и на белку мог. А сейчас так, проходем если только зацепляем. Большого прижал, что ли. Так не к стати! Вылезаю из-под одеяла, куда деваться. Надо забирать его идти.

Пока собрался – пришел, красавец. Морда подратая. С рысем, что ли «рамсил» там? Но проверять не пойду, некогда.

Промежуточное южное зимовье – это чуть в сторону от основной тропы, к реке ближе. Пару километров крюк. Хотели сначала спрямить тропу, но старая оказалась самой сухой и удобной – готовый путик почти. Вышел с южного – Гек козла поднял. Здоровый такой козел.

Я прозевал его, возился с котомкой, ружье поставил к дереву. Тут Гек со своим козлом. Пока то да сё – все убежали дальше скакать и гавкать.

Дождаться не стал, догонит. Догнал минут через 15, взростеет пес, шарит. Надо пару ему искать сучку хорошую. Да щенка оставлять...

...А на «резиденцию» опять Потапыч с визитом жаловали! Придется с этим что-то до отъезда делать. Я ему, конечно, не враг. Но и оставлять это так нельзя. Точно на сезон к разбитому корыту заедешь.

Миша большого разора не наделал, в принципе. Дня три назад был. Перевернул всю помойку, в лабаз лезть пытался. Вокруг зимовья потоптал, но не полез. По тапочкам – Потап не маленький. Бревно, на котором лабаз, покорябал выше моего роста, не достаю рукой. Понтуется. Дескать, его территория. Выгоняет. Ну, это мы еще посмотрим, кто кого выгоняет.

Сходил к солонцу, требуху поглядел – все подчистили. Миша тоже проходил, натоптал. Надо козла бить и звать мишу в гости.

Протопил баньку, помылся. Пойду на солонец вечером...

...М-мда... навел шороху косолапый, всех разогнал. Всю ноченьку промерз на лабазе. «Филя» напугал чуть не до икоты. Я чуток прикемарил, а он прилетел, напротив сел – в метре от лица. Глаза открываю – он крылья растопырил, «Бу!» мне говорит. Короче, хорошо, что привязанный сидел. Сон как рукой сняло.

На рассвете вышел таки гураненок некрупный, сеголеток. Долго бродил вокруг, все нюхал да слушал...

...Повесил требуху в целлофановом мешке на березу. На солнышке быстро должно дойти. Гек смотрит на меня, как на врага народа. Законной жрачки лишили! Головы я ему забрал на зимовье, чтоб сюда не бегал. Провозился почти до обеда. Спать рубит, надо отдохнуть. Ночью порыбачить можно будет...

...Вечер. Сгношил перекусить. Погода портится, что ли. Тучки заходили. На закидушки поймалось с десятков налимов, пара ленков и таймешонок.

Дождь прижал, сию вторую день в зимовье. Как прекратится чуть, надо будет по-сырому на соль сбегать, проткнуть мешок...

...Сегодня вроде раздувать начинает. Дождь идет с перерывами и мелкий. В это время всегда такая погода. Будет до середины сентября непогодить, морозец еще хряпнет. А потом – «бабье лето». Тепло будет, мошкары – ни какой, рыбалка, охота! Обожаю это время!

Сходил на солонец. Проткнул мешок снизу. Воняет изрядно уже. Не достал бы, главное, мешок раньше времени. Затянулись разборки. Эх, погодка подкачала. Надо мясо варить, наверное. Пропадет, пока я тут Потапыча на бой зову...

...Весь вечер кочегарил костер и варил мясо. Нажрался на неделю вперед. В качестве закусона вообще прелесть. Позволил себе граммилку. Одному пить скучно, поговорить только с Геком. На философию тянет... Мужики обещали автоклав сварить. Вот бы кстати был! Надо узнать – дома буду...

...Доброе утро, блин. Нафига я вчера пил? Идиот! Голова трещит.

Прогулялся на солонец. Приходил, родимый. До мешка не достал, но все истоптал и землю перепахал. Сегодня встретимся, значит. Вечерочком...

На лабаз собирался, как на войну. Очковато, если честно. Потап то не мелкий, судя по тапочкам, и с лабаза снимет – мяукнуть не успеешь. Гека – привязал. Пришлось специально натянуть проволоку, иначе на цепи будет лаять всю ночь, пока не приду. Ослабил ошейник

ему – вылезет при нужде. Собираюсь, а мыслишки то скребут. Вот и собаку привязал так, будто не вернусь. Нахрен, садануть надо сто грамм для храбрости, пока коленки не затряслись...

Пошел рано, днем почти. Обустроиться чтоб на лабазе толком, да и вероятность встретиться с косолапым поменьше. В стволах пуля и картечь девятка. Залез, стал ждать.

Нервишки постепенно успокоились. Солнышко скатилось краем к горизонту. Зачиркали вечерние птахи. Вечерка. Идиллию портит только благоухание привады, вываленной из пакета.

Миша пришел в сумерках, еще мушку видно. Услышал я его издалека. Хозяин тайги, чего ему осторожничать – на «вонючку» пер, как танк, без тропы. Вышел, обнюхался. Пошел к приваде. Все метрах в тридцати от меня. Адреналин – шкалит. Чуть успокаиваюсь и жду, пока повернется. Стоит очень не удобно. Левым плечом вперед. Можно и промазать по месту.

Отдуплетил я его по лопаткам! Чуть обвысил даже, но может и к лучшему – две картечины в позвоночник попали, сразу «недвижимость». Но живой. Вон уши торчат как. Это я уже сейчас про уши. А на деле – еще два патрона в стволы и контрольный в голову.

Посидел, покурил. Фляжку достал, выпил соточку. Еще покурил. Нет, вроде не шевелится. Надо слезать, пока совсем темно не стало. А то у страха глаза велики, так и ночевать тут останешься. Подошел к Мише. Готов. Здоровый, падлюка. Вот тебе и занятие на полночи. А утречком можно и домой отчаливать...

...Утречком домой, конечно, не получилось. Тронулся только после обеда. Пока мясо стаскал, загрузился. Притащил шкуру, повесил на жердине – пусть птички клюют пока, а там может, куда пристрою. Чистить пришлось на солонце – оттаскивать подальше голову с требухой, а то долго еще коза ходить не будет. Добавил соли в кормушку.

Думал, сплавом до устья, в Ирмакит, успею выкатиться. Не получилось. Заночевал на косе, а утречком завел мотор и «алга», как говорят татары. Хотел сэкономить на бензине, но тут мясо, рыба. Если ни какой попутной лошади нет, то придется сначала налегке в деревню ехать, а потом возвращаться за грузом. Можно и проквасить добычу.

Эх, под горку хорошо ехать! Быстро! Нагнал мужиков на казанке. У них с редуктором что-то на «Вихре». Сплавом домой тянутся. Вот они то мне и помогут выехать. На причале у них 131-й с кунгом. Быстренько перекидываем им на мотор мой запасной редуктор и снова «алга».

Вот и все... Покидаю красоту до сезона.

АЙТА и АЙХАЛ

– Айта, Айта! Ну же! Поехали! – за околицей звонко верещала по макушку вывалившаяся в снегу ребятня, пытаясь оседлать белоснежную лайку.

– Вперед! – Витька повис на ошейнике, с радостным визгом залетая носом вслед за собакой очередной сугроб.

Сергей присел на чурбак, опустив колун на землю. Закурил сигарету, наблюдая за детской возней поверх кучи свежесколотых дров. Детвора кувыркалась в снегу с парой белоснежных собак, Айтой и Айхалом. Заводилой во всей этой визжащей «куче-мале» был Витька, шестилетний сорванец, сын Сергея. Остальная компания – соседские ребяташки, уличная ватага таких же, как и Витька, сорванцов. Попыхивая дымком, глядя на резвящихся мальчишек и девчонок, с довольной улыбкой на лице, Сергей вспоминал свою, уже, слава Богу, устаканившуюся, но в прошлом бурную жизнь. А вспомнить то было что. Сначала армия, Чечня. Потом – работа в геологоразведке. Полстраны прошел пешком да на вездеходе. Побывал и на Крайнем Севере, и на Дальнем Востоке страны. Бывал в тундре, в тайге, в горах. Охотился. А две белые лайки стали вообще чуть ли не визитной карточкой его геологоразведочной партии. Собаки у Сергея были примечательные, что и говорить. Крупные, кажущиеся размером с медвежонка из-за густой пышной шубы, чисто белые, без единого пятнышка, якутские лайки. Таких собак на ближайшие пять сотен верст в округе не было ни у кого. Нет, были, конечно, и хаски, и маламуды. Белые, пушистые, голубоглазые – лучшие представители. Но таких – не было. Глаза у Айты и Айхала были карие. Примечательным было и появление родоначальников этого собачьего племени у Сергея...

В тот год стукнуло Сереге аж одиннадцать лет. «Ну, мужик совсем!» – мамка, как это у нее заведено, чутка всплакнула. Воспитывала мать Серегу одна, да улица, да соседи. Отца он не помнил. Мать говорила, что умер, люди говорили, что в тюрьме. Во всяком случае, не видел его Сережка ни разу. Настоящей страстью Сереги были собаки. Всякие. Он бы уже давным-давно приволок в дом какую-нибудь дворнягу, но мамка противилась, многозначительно приговаривая: «Вот если бы хоть породистая какая, тогда еще подумать можно...». А породистую то где взять? Вот и мечтал Сережка о своей, настоящей, породистой собаке. Сильно мечтал, даже сны видел.

Родился он зимой, в самые декабрьские морозы, двадцать восьмого числа, почти в праздник. Удачно родился. Сначала День рождения, потом Новый Год, а потом – каникулы! Перед праздниками собрался Серега за ёлкой. Ёлку на этот Новый Год он себе присмотрел еще с лета, когда по грибы со старшими мальчишками ходил. Ровенькая, темно-зеленая, чуть дымчато-голубоватая по кончикам игл, двухметровая таежная красавица пряталась от посторонних глаз в неприметном околочке, недалеко от деревни, метрах в пятистах от крайнего тына, за озером. Основательно снарядившись, в валенках, фуфайке, подвязавшись веревкой, с заткнутым за нее топориком, прихватив старенькие санки-салазки, он направился в заветный лесок. Срубив свою красавицу и приторочив ее к санкам, пыхтя, проваливаясь и падая в снегу, выбиваясь из сил, по целине, Сережка упорно пер санки к темнеющей уже в каком-то десятке метров дороге. Остановившись чуть перевести дух и смахнуть со лба пот, он поднял глаза и обомлел...

По снежной целине, утопая по колено в снегу, от дороги к нему навстречу шел... Дед Мороз!

Нормальный, обыкновенный такой Дед Мороз! В белом, почти до земли, тулупе, с белыми, заиндевевшими от дыхания, бородой и усами, в белой пушистой шапке, в белых унтах, с палкой-посохом и мешком на плече. У Сереги аж рот непроизвольно открылся и глаза размером с пятак стали! Вот это да! НАСТОЯЩИЙ! Дед, меж тем, разгребая снег как паро-

ход, подошел и молча взялся за веревку санок. Легко стронул их с места и выволок вместе с Сережкой на дорогу.

– Чьих будешь, пострел? – голос у деда был чуть осипший, простуженный.

– Строганов я, – Серега рассматривал деда во все глаза.

– Строганов, стало быть... – дед внимательно посмотрел на Сережку, оглядел с макушки до пяток. Помолчал чуток...

– Ёлку красивую выбрал, молодец! Подарок у меня тебе есть.

Дед снял с плеча мешок и, опустив его на землю, раскрыл. Казалось, ну куда уже больше удивляться мальцу, так нет же! На дне белого мешка белого Деда лежали два белоснежных щенка!

– Их зовут Айта и Айхал. Они твои, – дед протянул Сергею по пушистому комочку на каждой ладони, – Ни их самих, ни их щенков нельзя ни кому продавать. Можно только отдать и только очень хорошему человеку. Запомни это, Сергей!

Остолбеневший Сережка даже не заметил, что дед обратился к нему по имени. Дед, меж тем, закинул теперь уже пустой мешок на плечо, повернулся, и, поскрипывая по укатанному снегу своей палкой-посохом, натужно покашливая в кулак, ушел по дороге, не оглядываясь на застывшего в ступоре мальчишку...

Мать, конечно, не поверила ни единому слову. Устроила форменный допрос с пристрастием. Но деревня была не большая, все знают соседей в лицо, как и их собак. Украсть щенков Сережка не мог. Не у кого просто было в деревне украсть таких щенков, собак таких не было. В Деда Мороза взрослые, как оказалось, совершенно не верят! А Сергей то ни слова не соврал! Настоящий Дед Мороз был, нормальный совершенно! Вот только на левой руке пальца не хватало.

Услышав про руки деда, мать вдруг побледнела и, прикрыв рот кончиком фартука, ушла в свой куток за печкой, где долго гремела кастрюлями, кого-то ругала, двигала лавку..., а потом еще долго Сережка слышал ее горькие приглушенные рыдания.

На утро мать собак из дома не выгнала. Напротив, поставила перед новыми членами семьи блюдце и, плеснув в него парного молока с утренней дойки, долго с улыбкой наблюдала, как они пьют...

май, 2017

Александр Калинин

ШТРИХИ ДЕТСТВА и ДРУГИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Воспоминания о моём деде

Часто вспоминаю своего деда, Калинина Ивана Васильевича.

Наверно потому что сам уже дед. Кстати, в детстве и кличку сосед, взрослый мужик, дал мне «дед Калинин». Ходил по улице, глядя себе под ноги. Любил я своего деда за тихий голос, ласковое обращение. Никогда не кричал ни на кого. Я не видел ни разу, что бы он поднял на кого руку. Ласково называл внучек, меня и моих сестер, братьев. Запомнился шуплым, худоватым, но жилистом. Откуда только силы брались. Они жили с бабой рядом в соседнем доме. Держали подсобное хозяйство, как и все наши соседи. Скотина, огород, покос были повседневные заботы.

В детстве любил бегать к ним. У бабы всегда было что-нибудь вкусненькое. Хоть карамелька, хоть ватрушка. А когда были выходные дни от школы, приходил к ним с ночевкой. Мог читать подолгу на кухне книги, прижавшись спиной к горячей печке. Никто не загонял спать. Деды спать рано ложились, натрудившись за день по хозяйству. Я тихо почитывал или слушал радио допоздна по переделанной телефонной трубке, подключенной к радио. Иногда бабушка, видя, что я уже уснул, отключала трубку и включала снова радио на полную громкость, потому, что оно молчало после полуночи. И в шесть утра пик-пик: «Говорит Москва!». Точное время полночь. Играл гимн и баба и дед начинали вставать. Я переворачивался на другой бок и ловил сладкие утренние сны. Что было слаще понежиться в кровати в выходной, выспаться?.. Просыпался, от вкусных запахов. У бабушки все уже на плите скворчало, шипело. А по праздникам уже в печи румянились вкуснейшие ватрушки. Только у нее такие! вкусные, пышные получались. Дед уже куда-нибудь ушел. Даже зимой на охоту. Или за рябчиком или уткой по осени. Он не мог сидеть дома. Как то принес с Горчаков словленного в петлю зайца. Баба выгнала деда в летнюю кухню обдирать и готовить.

– Дохлятину в дом нечего нести. И есть, не буду!..

Конечно, дед весело посмеиваясь, приговаривал:

– Бабка ты ничего не понимаешь...

Приготовил вкуснейшее блюдо. Потушил зайца с картошкой. Пришел к нам домой и зовет меня и сестёр.

– Внучата пойдёте зайца кушать.

Баба так и не стала есть, повторив, что дохлятину есть не станет. А нам понравилось. За обе щеки наворачивали. А принесет уток чирков. Они такие маленькие и хвастает. Вот внучек, добыл и показывает. А баба его ругает:

– Пошто, таких маленьких настрелял? Не жалко?..

А дед посмеиваясь отвечал:

– Так бабка такие были, мельче не было!

И снова варил сам, шел за нами внуками, приглашал на шурпу. Тогда и баба ела. Вкусный бульончик был с картошкой или лапшой.

Был у деда на Горчаках и солонец. Частенько нагрузит рюкзак с пачками крупной соли и шагает в лес. Коз прикармливал. Случалось и добывал. Любил дед и рыбалку. С мордушой всегда ходил и на Горчаки и на плотине синявок ловил. Он говорил, с ней надежней, всегда с рыбой будешь. Уху могла приготовить и бабушка, а дед снова нас звал.

– Пошли на ушицу, бабка стоговила...

Такими щедрыми были наши дед с бабой.

Оба они были уроженцы Воронежской области, Александровского сельсовета, поселок Троицкий. На Восток дед уехал с семьей по вербовки в 30-х годах. В те времена выплачивали хорошие деньги тем, кто ехал по вербовке. А многих и ссылали. Так дед и очутился на Крутом. Стал работать старателем артели. Власти обещали горы, а как приехали и всего хлебнули и голода и холода. Золото тогда принимали в скупке. Ехать надо было в Соловьёвск. Дед говорил, что план выполняли и бывали излишки. Он их сбывал на сторону. Дочь Марию еще подростка с потайным пояском отправлял на поезде. Сам в другом вагоне ехал. Дочь на подъезде к поселению прыгивала с поезда и шла пешком в нужный двор по адресу. Она рассказывала, что была граница на территории поселка. И дежурили вокруг милиция. Могли проверить каждого, кто шёл в скупку без бумаги с лишним золотишком. Если не дай Бог ты не понравился чем-либо и тебя остановили для проверки и нашли. Всё! – это тюрьма была. И случаев таких много было. Тётушка вспоминала, мол иду, сама дрожу, боюсь, вдруг остановят. С поезда не боялась прыгать, рассказывала:

– А к скупке подхожу и ноги дрожат, подкашиваются от страх Ну, как найдут...

А на деньги, что за золото выплачивали легально, можно было закупить товару, продуктов. Так и жили. Будучи уже взрослым, спросил у деда.

– Как ты не боялся сбывать?

Он засмеялся и сказал:

– Боялся конечно, но если бы не эти излишки иногда, голодные бы ходили.

Это было не ради наживы, а чтобы выжить в трудное время. А спрос на золотишко был всегда. Даже, когда с Ленинграда сняли блокаду уже ездили люди в нашу сторону за золотом. Встречались в тайге. На вопрос страшно же, а убьют? Он говорил пусть он боится. Он сам ко мне пришел. И пусть выберется без меня из таёжки. Самострел, он не зря так называется, на тропе стоит. Трудно, очень трудно доставались эти песчинки желтого цвета. И не много их было. Золото не валяется камнями, как в фильмах показывают. Со спичечную головку – это уже самородок хороший. Так-то вот... Спичечный коробок с такими самородками дед припрятал, где-то дома в Магдагачи и забыл. Сколько я и братья двоюродные не пытали деда, вспомни где? Нет, не помню. По пьяне спрятал и забыл. Так и не знает никто до сей поры где оно лежит. Правильно говорят: «Из земли пришло и в землю уйдет». Дедов дом купили сейчас под дачу. Будут разбирать, может, и найдут этот коробок. Только мы не узнаем. В каком году переехали в поселок с Крутого не спрашивал. Поселились, построились на улице Приисковой 78. Семья была, отец мой старший с 1929 года, сестра Мария чуть младше отца. И еще одна сестра Зина примерно с 1948 года. В то время дед ушел работать на Склад топлива. Кем был, не знаю. Простым работягой это точно. Вечно в мазуте. Потом работал сторожем на объекте радиотехническом РСБН в аэропорту за взлетной полосой. Как то мы с братом Володей Семёновым приходили к нему вечером. На входе стояла пирамида с трехлинейкой. Дал нам побаловаться оружием. А в детстве приучал меня обращаться с ружьём своеобразным способом. Когда у нас гуляли на празднике каком, он выберет момент. Подходит и заговорщицки шепчет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.